

Polish journal of science

POLISH JOURNAL OF SCIENCE

№30 (2020)

VOL. 2

ISSN 3353-2389

Polish journal of science:

- has been founded by a council of scientists, with the aim of helping the knowledge and scientific achievements to contribute to the world.
- articles published in the journal are placed additionally within the journal in international indexes and libraries.
- is a free access to the electronic archive of the journal, as well as to published articles.
- before publication, the articles pass through a rigorous selection and peer review, in order to preserve the scientific foundation of information.

Editor in chief – J an Kamiński, Kozminski University

Secretary – Mateusz Kowalczyk

Agata Żurawska – University of Warsaw, Poland

Jakub Walisiewicz – University of Lodz, Poland

Paula Bronisz – University of Wrocław, Poland

Barbara Lewczuk – Poznan University of Technology, Poland

Andrzej Janowiak – AGH University of Science and Technology, Poland

Frankie Imbriano – University of Milan, Italy

Taylor Jonson – Indiana University Bloomington, USA

Remi Tognetti – Ecole Normale Supérieure de Cachan, France

Bjørn Evertsen – Harstad University College, Norway

Nathalie Westerlund – Umea University, Sweden

Thea Huszti – Aalborg University, Denmark

Aubergine Cloez – Université de Montpellier, France

Eva Maria Bates – University of Navarra, Spain

Enda Baci – Vienna University of Technology, Austria

Also in the work of the editorial board are involved independent experts

1000 copies

POLISH JOURNAL OF SCIENCE

Wojciecha Górskiego 9, Warszawa, Poland, 00-033

email: editor@poljs.com

site: <http://www.poljs.com>

CONTENT

ECONOMIC SCIENCES

Kondratenko S.

DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF
MANAGEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF
THE AGRI-FOOD COMPLEX OF THE REPUBLIC OF
BELARUS.....3

Yevdokymova N., Kotenok D.

ANALYTICAL POSSIBILITIES OF STAKE HOLDER THEORY
IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION.....11

Medvedkina Ye.

CORPORATE LEVEL OF FORMATION OF A GLOBAL
POST-INDUSTRIAL ECONOMY15

Markov A.

ON THE ISSUE OF BALANCED DEVELOPMENT OF THE
AGRICULTURAL SECTOR AND RURAL TERRITORIES
USING SYNERGETIC EFFECTS17

Natalych O.

FORECASTING THE DEVELOPMENT OF THE MARKET
OF CREDIT RESOURCES FOR AGRICULTURAL
ENTERPRISES20

JURIDICAL SCIENCES

Khomyakov D.

LEGAL GUARANTEES OF THE LEGAL REGIME OF
PROPERTY OF MILITARY ORGANIZATIONS OF THE
ARMED FORCES.....27

PEDAGOGICAL SCIENCES

Muradova U., Ahmadova Z.

THE INFLUENCE OF GRAMMATICAL GENDER IN
LANGUAGES TO THOUGHT31

Zevina L.

MONITORING THE QUALITY OF THE TEACHERS
'TRAINING SYSTEM IN THE CONDITIONS OF
EDUCATION MODERNIZATION.....34

Kakimova L.

FEATURES OF UPDATING THE CONTENT OF THE
SECONDARY EDUCATION PROGRAM IN
METHODOLOGICAL WORK WITH FUTURE MUSIC
TEACHERS IN CONTEXT MODERN EDUCATIONAL
POLICY40

Rublevskaya E., Davidyuk M.

DIAGNOSTICS OF THE LEVEL OF FORMATION OF THE
BASICS OF RESOURCE SAVING CULTURE IN OLDER
PRESCHOOL CHILDREN44

PHILOLOGICAL SCIENCES

Sapelkin A.

RE ORSO BY ARRIGO BOITO IN HISTORICAL
CONTEXT52

Kharabaeva V.

SYNTAX MEANS OF EXPRESSING THE SEMANTIC
CATEGORY OF COMPARATIVITY IN THE YAKUT
LANGUAGE55

POLITICAL SCIENCES

Gontar A.

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE CONTEXT OF
RUSSIA'S TURN TO THE EAST59

SOCIAL SCIENCES

Yakubjanova Sh., Amanbayeva Z.

POSSIBILITIES OF ORGANIZATION OF AGROTOURISTIC
ROUTES IN FERGANA VALLEY.....61

ECONOMIC SCIENCES

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кондратенко С.

кандидат экономических наук, доцент,

Государственное предприятие «Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси», г.

Минск, Республика Беларусь

DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF MANAGEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE AGRI-FOOD COMPLEX OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Kondratenko S.

Ph. D. (in Economics), Associate Professor,

The Institute of System Researches in Agro-Industrial Complex of the National Academy of Sciences of Bel-

arus, Minsk, Republic of Belarus

Аннотация

В статье представлены результаты анализа ключевых приоритетов и тенденций развития агропродовольственного комплекса Республики Беларусь в современных условиях. Разработана функциональная модель системы управления устойчивым развитием, обоснованы направления, принципы и инструментарий, предусматривающие сквозную увязку целей и задач развития на национальном и региональном уровнях, а также комплексное применение системного, маркетингового, стратегического, административного подходов.

Abstract

The article presents the results of the analysis of key priorities and trends in the development of the agri-food complex of the Republic of Belarus in modern conditions. A functional model of the sustainable development management system has been developed, the directions, principles and tools for cross-cutting the development goals and objectives at the national and regional levels, as well as the integrated application of systemic, marketing, strategic, administrative approaches have been developed.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, устойчивое развитие, продовольственная безопасность, эффективность, конкурентоспособность, управление, принципы, функциональная модель.

Keywords: agri-food complex, sustainable development, food security, efficiency, competitiveness, management, principles, functional model.

В настоящее время перед экономикой Республики Беларусь стоят сложные задачи и вызовы в сфере обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития агропродовольственного комплекса, решение которых требует объединения усилий на национальном и региональном уровнях, а также применения новых эффективных подходов, моделей и технологий управления социально-экономическими, производственными и бизнес процессами.

Агропродовольственный комплекс страны обеспечивает стабильно высокие показатели производства сельскохозяйственного сырья и продовольствия, которые позволяют обеспечить потребность в соответствии с оптимистическими параметрами продовольственной безопасности, а в условиях активизации международной торговли, реализовать значительный экспортный потенциал [1, 2]. В стране начиная с 2005 г. реализован ряд государственных программ в сфере АПК, которые позволили успешно решать задачи наращивания производства сельскохозяйственной продукции, устранить зависимость от импорта, повысить потребление основных продуктов. Осуществлены

крупномасштабные меры по модернизации материально-технической базы сельского хозяйства и наращиванию производственного потенциала, происходит укрупнение производства на основе кооперации и интеграции, создана развитая социальная инфраструктура сельских территорий [3, 4].

В Беларуси в расчете на душу населения по данным 2018 г. произведено скота и птицы (в убойном весе) – 129 кг, молока – 775, зерна – 649, картофеля – 618, овощей – 184, сахарной свеклы – 507 кг, яиц – 355 штук.

Экспорт сельскохозяйственной продукции и продуктов питания достиг 5280,1 млн. долл. США, или 15,6 % к общему объему экспорта. Беларусь имеет устойчивое положительное сальдо внешней торговли сельскохозяйственной продукцией и продуктами питания.

За период 2011–2018 гг. производство мяса и пищевых субпродуктов увеличилось на 36,7 %, полуфабрикатов мясных – на 29,5, рыбы и морепродуктов – 61,6, масла сливочного – 9,7, цельномолочной продукции – 23,4, сыров – 43,2, продуктов детского питания (на молочной основе сухое, консервов, соков) – 68,4, кормов готовых для сельскохозяйственных животных – 5,4 % (таблица 1).

Производство отдельных видов промышленной продукции в натуральном выражении,
2011–2018 гг., тыс. т

Виды продукции	Год					Темп роста 2011–2018 гг., %
	2011	2015	2016	2017	2018	
Мясо и пищевые субпродукты	830,4	1020,7	1059,4	1105,5	1135,1	136,7
Колбасные изделия	289,8	266,0	275,5	279,5	279,8	96,5
Полуфабрикаты мясные и мясосодержащие (включая мясо птицы)	168,1	156,2	156,1	177,4	217,7	129,5
Рыба и морепродукты пищевые, включая рыбные консервы	70,8	98,5	92,0	101,0	114,4	161,6
Масло сливочное и пасты молочные	104,3	113,6	117,9	120,0	114,4	109,7
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко)	1643	1963	1972	2000,8	2027,3	123,4
Сыры (кроме плавленого)	141,9	180,8	191,4	193,4	203,2	143,2
Мука	737,3	617,4	801,6	714,8	608,8	82,6
Макаронные изделия	38,0	39,2	44,0	41,3	40,0	105,3
Растительные масла	181,7	262,1	149,2	169,9	385,7	212,3
Шоколад, кондитерские изделия из сахара	71,5	60,0	63,4	71,4	72,8	101,8

Примечание. Таблица составлена по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

На современном этапе осуществляется переход национальной агропродовольственной системы на новые критерии развития, соответствующие современным мировым требованиям и уже достигнутому потенциалу. В соответствии с основными положениями Доктрины национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года приоритетные задачи включают [5]:

насыщение внутреннего рынка качественными продуктами питания отечественного производства, а также высокий уровень их экономической доступности (за счет роста реальных денежных доходов населения и рационализации структуры потребления);

обеспечение направленного развития и повышение эффективности использования производственно-экономического и экспортного потенциала агропродовольственного комплекса на основе инновационной стратегии, учитывающей перспективные тенденции мирового рынка и направленность международных интеграционных процессов;

создание благоприятных экономических и нормативно-правовых условий для формирования развитой конкурентной среды основных продуктовых рынков, способной стимулировать наращивание конкурентного потенциала товаропроизводителей на инновационной основе;

совершенствование механизмов и инструментов экономического регулирования аграрной сферы в направлении стимулирования точек роста, в первую очередь, посредством создания благоприятного инновационного-инвестиционного климата;

обеспечение развития инфраструктуры агропродовольственного рынка, включая логистическую, на основе механизмов государственно-частного партнерства в соответствии с уровнем производственного и экспортного потенциала и требованиями мирового рынка.

Отечественные ученые и практики аграрии характеризуют национальный АПК как высокоразвитый и экспортно ориентированный сектор экономики, отмечая наличие ряда проблем, требующих системных решений: это значительно более низкая по сравнению с основными конкурентами производительность труда и эффективность в сельском хозяйстве, недостаточная для обеспечения устойчивого воспроизводственного процесса, а также сложное финансовое положение организаций [3, 6, 7, 8].

Проведенный анализ свидетельствует, что за последние десятилетия изменилась структура аграрного производства в сторону концентрации ресурсов и укрупнения. В 2000 г. сельскохозяйственные организации производили 60,8 % продукции, крестьянские (фермерские) хозяйства – 0,6, хозяйства населения – 38,6 %, в 2005 г. – 61,3; 0,7 и 38 %, 2010 г. – 64,4; 1,0 и 34,6 %; в 2018 г. – 79,1; 2,2 и 18,7 % соответственно. Крупнотоварное производство соответствует специализации и экспортной ориентации отраслей АПК [4].

Отметим, что практически не сформировался значимый слой фермерских хозяйств. Установлено, что доля указанной категории в производстве зерновых и зернобобовых составляет 2,4 %, льноволокна – 0,1, сахарной свеклы – 2,3, картофеля – 6,4, овощей – 18,5, скота и птицы на убой – 0,6, молока – 0,3 %. Выделенная особенность сдерживает развитие производства органической продукции, доля сельскохозяйственных земель используемых для получения которой составляет менее 1 %.

Важной тенденцией является то, что в стране создаются крупные кооперативно-интеграционные формирования кластерного типа – агрохолдинги [9, 10, 11, 12]. Практикой подтверждается более высокий инновационный и инвестиционный потенциал кооперативно-интеграционных формирований по

продуктовому типу, в рамках которых обеспечивается достаточная концентрация ресурсов и прибыли для развития ключевых направлений хозяйствования. В настоящее время в различных отраслях национальной экономики по состоянию функционирует 102 холдинга, в том числе в сфере агропромышленного комплекса – 18. В их число входят холдинги с участием организаций, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, в том числе «Агропромышленный холдинг «Славянский Велес», концерн «Брестмясомолпром», Могилевская молочная компания «Бабушкина крынка», Гомельская мясо-молочная компания. Целесообразно отметить положительную динамику производственно-экономических показателей холдингов и благоприятное влияние на развитие отраслей агропромышленного комплекса в целом.

В этой связи возникают задачи по построению эффективных систем корпоративного управления, которое обеспечивало бы баланс интересов участников и способствовало более активному вовлечению в интеграционные процессы сельскохозяйственных организаций.

Установлено, что сложившийся уровень инвестиционно-инновационной активности в АПК не обеспечивает доступность капитала и внедрение в практику хозяйствования отечественных товаропроизводителей новейших разработок науки, техники и технологий в соответствии с мировыми критериями. В Беларуси инновации внедряются в рамках отдельных передовых высокоэффективных сельскохозяйственных организаций либо на производствах в составе научно-исследовательских учреждений [13].

Кроме того, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод о недостаточном использовании инструментов экономического регулирования, доказавших свою эффективность в мировой практике (Европейский союз, США), таких как: государственная поддержка доходов сельхозпроизводителей (прямое финансирование в соответствии с критериями устойчивого развития, страхование, кредитование, программное целевое финансирование); регулирование сбалансированности рынков (планирование производства, интервенционное регулирование, поддержка частного хранения продукции, продвижение); эффективное ценообразование на сельскохозяйственную продукцию и средства производства (мониторинг паритета, прогнозирование конъюнктуры и информационное обеспечение субъектов); научное и информационное обеспечение (создание устойчивых агропродовольственных систем, цифровизация) [14] и др. Требуется проработать и адаптировать наиболее эффективные из указанных элементов, а также обосновать методологию их применения в условиях Республики Беларусь.

Проведенный анализ показал, что функционирование региональных АПК не в полной мере отвечает требованиям устойчивого развития, сохраняются некоторые серьезные проблемы социально-экономического характера: низкая эффективность

и результативность производственно-экономической деятельности в аграрном секторе; низкая инновационная активность и восприимчивость хозяйствующих субъектов, слабая готовность к внедрению моделей государственно-частного партнерства; сокращение демографического и трудового потенциала АПК, особенно в сельской местности; недостаточность условий для роста доходов населения; преимущественно административное регулирование кооперационно-интеграционных процессов в АПК регионов, слабое стимулирующее влияние экономического механизма и др. [15, 16]

Учитывая выявленные особенности белорусской модели, а также влияние сложного комплекса внешних условий и внутренних факторов, реальных и потенциальных угроз, непрерывное и эффективное государственное регулирование, является объективной необходимостью устойчивого функционирования национальной агропродовольственной системы.

На основе проведенных исследований выявлена тенденция возрастающей регионализации экономики, которая, безусловно, способствует усилению их роли в формировании и реализации национальной агропродовольственной политики. Однако проблемы и механизмы устойчивого развития агропродовольственной сферы регионального уровня в настоящее время остаются не достаточно проработанными в научном и практическом плане [17].

В этой связи нами поставлена задача обоснования направлений совершенствования системы управления устойчивым развитием агропродовольственного комплекса Республики Беларусь.

Проведенный анализ результатов, полученных рядом ученых, которые отмечают, что отраслевой принцип в управлении устойчивым развитием агропромышленного комплекса имеет ряд преимуществ (позволяет концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях развития, обеспечить стратегическое наращивание конкурентных преимуществ отечественных товаропроизводителей на целевых рынках, стимулировать инновационное развитие и комплексную модернизацию отраслей и подкомплексов) и его ослабление, которое наблюдается в последнее время в результате смещения управляющих центров в сторону территориальных органов, может иметь негативные последствия в виде снижения эффективности производственных подсистем [18, 19, 20, 21]. При этом подтверждается, что экономическая безопасность и устойчивое развитие отраслей оказывают значительное влияние на качество жизни населения, продовольственную безопасность, социальную и экологическую обстановку. В этой связи наиболее верным является сочетание принципов отраслевого и территориального управления устойчивым развитием регионального агропродовольственного комплекса.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод том, что изменение внешних условий и проявление ряда внутренних проблем требует применения многомерного подхода, который позволит сбалансировать приоритеты развития по уровням, отраслям,

продуктовым подкомплексам и территориям, а также выработать сквозные принципы, критерии и механизмы управления устойчивым развитием национальной агропродовольственной системы.

Анализ результатов отечественных и зарубежных исследований [22, 23, 24, 25], позволил выделить основные подходы к управлению устойчивым развитием агропродовольственного комплекса:

системный – обеспечивает применение общих принципов развития таких, как структурное совершенствование, выявление, классификация и прогнозирование факторов, достижение синергетического эффекта в развитии агропродовольственного комплекса и его подсистем;

маркетинговый – позволяет сформировать рыночную стратегию развития агропродовольственного комплекса, подкомплекса, отрасли, предприятия с учетом рыночных тенденций, сопоставления производственного и экспортного потенциала, оценки конкурентных преимуществ и условий их реализации);

стратегического менеджмента – обеспечивает выработку целей, задач и функций по их реализации для субъектов каждого уровня на основе средне- и долгосрочного планирования и прогнозирования развития;

корпоративный – эффективность управления отраслью и подкомплексом достигается за счет разделения функций государственного регулятора и собственника в рамках интегрированного формирования (холдинга), с последующим построением корпоративной модели управления бизнес-процессами;

административный – обеспечивает выработку и консолидацию целевых критериев и индикаторов устойчивого развития субъектами всех уровней управления, а также достичь сбалансированного разграничения их функций;

управления экономической безопасностью – гарантирует приоритетное соблюдение требований, критериев и индикаторов экономической и продовольственной безопасности, обозначенных нормативно-правовых документах всех уровней, а также в рамках закрепленных механизмов мониторинга;

управления рисками – позволяет формировать инструменты выявления, оценки, упреждения и минимизации влияния деструктивных факторов и рисков, включая: страхование видов деятельности и рыночных операций, техническую поддержку товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках;

антикризисного управления – обеспечивает мониторинг и прогнозирование возникновения провалов рыночного механизма или системных

кризисов социально-экономического развития агропродовольственного комплекса, которые могут происходить под влиянием кризисов мирового рынка, других внешних и внутренних угроз, выработать адекватные механизмы стабилизации (резервы (фонды) продовольствия, интервенционные закупки и продажи).

Установлено, что обозначенные подходы должны применяться комплексно и обеспечивать сбалансированность целей, задач и механизмов территориального и отраслевого управления, а также их сквозную интеграцию на национальном и региональном уровнях.

На основе проведенного анализа разработана функциональная модель системы управления устойчивым развитием агропродовольственного комплекса (рисунок 1), состоящая из следующих подсистем:

целевой, в рамках которой происходит сквозная многоуровневая выработка целей (устойчивое производство конкурентоспособной и экологически безопасной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, повышение уровня жизни населения) и задач (создание условий для эффективной занятости и роста реальных доходов населения; развитие регионального потребительского рынка; формирование и использование региональных резервов и фондов; обеспечение устойчивых связей и паритетного взаимодействия между субъектами в рамках межрегиональных продуктовых цепочек);

регулирующей, которая интегрирует принципы (согласованности целей; адаптивности к влиянию среды; эффективного регулирования), механизмы (обеспечения продовольственной безопасности, экономического регулирования, стабилизации рыночной конъюнктуры, стимулирования конкурентной среды) и инструменты (мониторинг деструктивных факторов и угроз; государственная поддержка доходов; кредитование; налогообложение; страхование; стимулирование производительности; развитие инфраструктуры);

регулируемой (представлена текущими и перспективными характеристиками и параметрами производственной и экономической деятельности на всех стадиях продовольственной цепочки). Эффективность предложенной модели определяется сквозной выработкой и реализацией управляющих элементов и функций (целевых критериев, индикаторов, принципов, механизмов, инструментов) на всех значимых уровнях управления, а также комплексным использованием системного, маркетингового, стратегического, административного подходов по управлению устойчивостью.

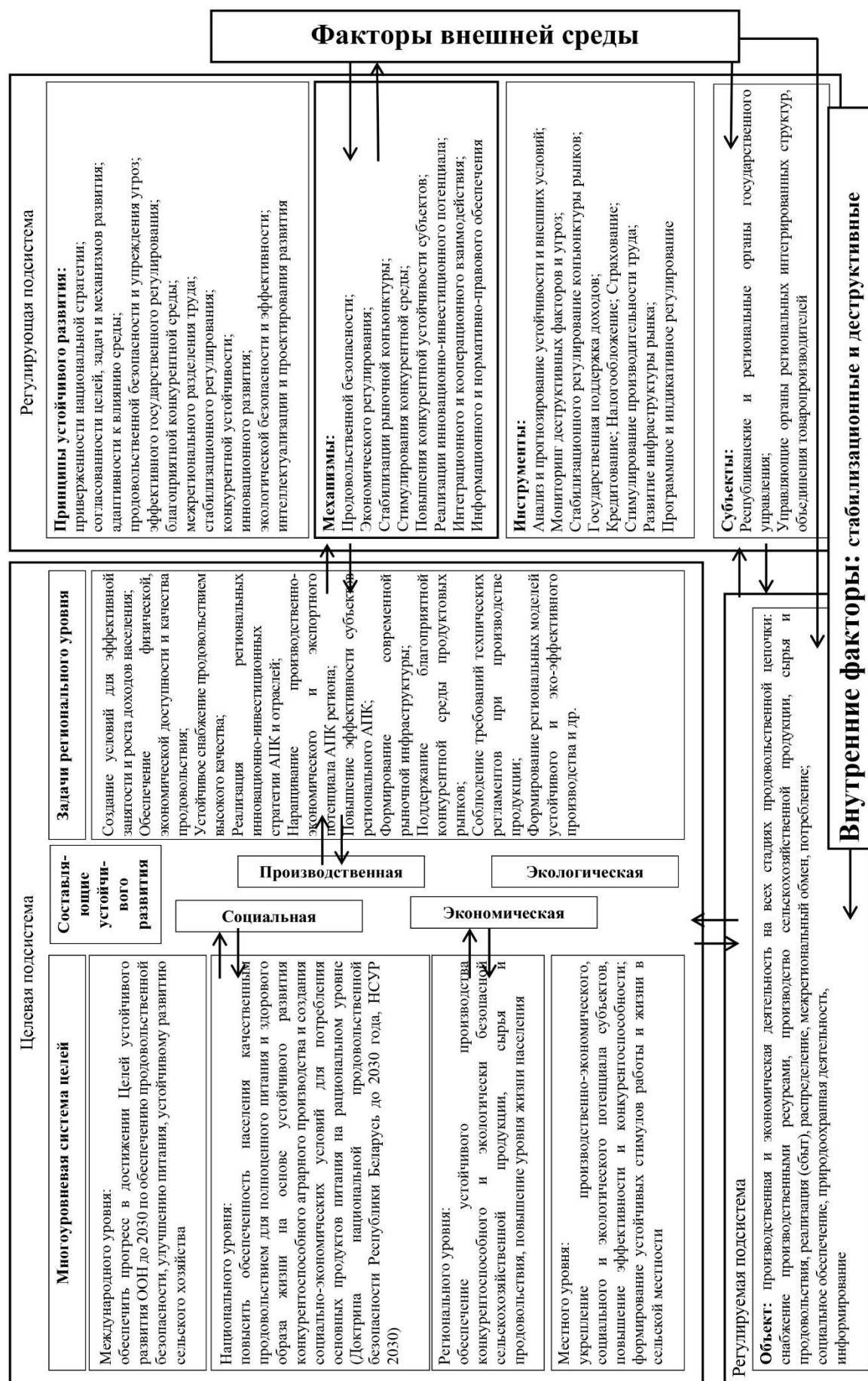

Рисунок 1 – Функциональная схема управления устойчивым развитием агропродовольственного комплекса.

Примечание. Разработано автором по результатам собственных исследований.

Эффективность предложенной модели определяется сквозной выработкой и реализацией управляющих элементов и функций (целевых критериев, индикаторов, принципов, механизмов, инструментов) на всех значимых уровнях управления. Модель позволяет использовать преимущества системного, маркетингового, стратегического, административного, корпоративного подходов по управлению экономической безопасностью и рисками, обеспечивая устойчивость по основным критериям.

Проведенный анализ методологических подходов, разработанных В. Г. Гусаковым [26] (приоритетность целей и задач экономической и продовольственной безопасности), М. М. Трясциным [27] (обоснованность эффективной государственной поддержки сельского хозяйства в целях устойчивого развития), Т. М. Геращенко [28] (определяющая роль инновационно-инвестиционного механизма), Н. В. Пархоменко, И. С. Мандрика [29] (оптимальное использование потенциала регионов), А. А. Шутькова [30] (сбалансированное развитие регионального агропродовольственного комплекса на основе интеграции и кооперации) позволил выявить принципы устойчивого развития агропродовольственного комплекса, включая:

приверженности международной и национальной стратегии – означает учет международных принципов критериев устойчивого социального, экономического и экологического развития, а также обязательств республики по достижению целей устойчивого развития;

согласованности целей – предусматривает взаимную увязку и единство методологических подходов по формированию целей и задач развития агропродовольственного комплекса, темпов и механизмов их реализации на национальном, региональном и местном уровнях;

продовольственной безопасности – обеспечивает приоритетность задач обеспечения продовольственной безопасности и повышения качества жизни населения региона;

упреждения угроз – предусматривает формирование механизмов мониторинга и упреждения возникновения угроз национальной продовольственной и экономической безопасности;

адаптивности к влиянию среды – подчеркивает возрастающее влияние внешних условий, в том числе изменений климата и конъюнктуры мирового рынка, а также необходимость адаптироваться и упреждать негативные последствия посредством корректировки направлений развития, регулирования стабилизационных факторов (технологии и инновации);

эффективности государственного регулирования – означает необходимость формирования эффективного механизма государственного регулирования устойчивого развития при приоритетности государственной поддержки сельского хозяйства;

экологической эффективности – ориентирует на развитие эко-эффективного и органического производства как одно из направлений повышения устойчивости и обеспечения населения безопасным и качественным отечественным продовольствием;

благоприятной конкурентной среды – предусматривает постоянное совершенствование экономического механизма устойчивого развития агропродовольственного комплекса, направленное на формирование благоприятных социально-экономических условий для инновационной и инвестиционной деятельности субъектов, а также конкурентной среды на региональном, национальном уровнях и в рамках ЕАЭС;

стабилизационного регулирования – определяет необходимость обеспечения долгосрочной сбалансированности продуктовых рынков по спросу и предложению на основе прогнозирования и стабилизационного регулирования спроса и предложения;

межрегионального разделения труда – подчеркивает возможность использования преимуществ межрегионального разделения труда и товарообмена в целях повышения национальной продовольственной конкурентоспособности;

инновационного развития – ориентирует на формирование инновационной стратегии развития на всех уровнях субъектов хозяйствования;

интеллектуализации – является необходимым в условиях всеохватывающей цифровизации процессов, связанных с производством, обработкой, хранением, продажей и потреблением сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на международном, национальном и местном уровнях;

проектирования развития – означает построение и внедрение моделей устойчивого сельского хозяйства в рамках конкретных территорий, обеспечивающих сохранение и развитие сельской местности и экосистем на основе государственно-частного партнерства и др.

Предложенные принципы могут быть приняты за основу при разработке механизма регулирования развития регионального агропродовольственного комплекса и позволят сбалансировать приоритеты развития субъектов и государства.

На основе выполненного исследования предложены направления и меры организационного и экономического характера, направленные на обеспечение устойчивого развития агропродовольственного комплекса Республики Беларусь, которые заключаются в следующем.

Первое направление – обеспечение продовольственной безопасности и защита внутреннего рынка, включает следующие меры:

выработка целевых критериев и индикаторов устойчивости для всех уровней и субъектов агропродовольственного комплекса, проведение оперативного и стратегического мониторинга, а также регулирование в соответствии с приоритетными задачами продовольственной безопасности;

создание информационно-аналитической системы мониторинга и прогнозирования продовольственной безопасности, обеспечивающей устойчивое информационное и методическое взаимодействие между субъектами и регуляторами всех уровней;

создание информационной системы мониторинга качества и безопасности пищевых продуктов на внутреннем рынке, обеспечивающей оперативный обмен информацией о пищевых рисках между субъектами рынка, государствами – членами ЕАЭС и третьими странами, а также упреждение возникновения соответствующих барьеров в торговле;

реализация школьных программ обеспечения молочными продуктами, а также овощами и фруктами, направленных на стимулирование потребления отечественных продуктов здорового питания, расширение знаний и интересов в сфере здоровья и сельского хозяйства;

создание условий для развития эко-эффективного и органического производства, включая современное нормативно-методическое и технологическое обеспечение с целью насыщения внутреннего рынка республики продовольствием высокого качества, а также экспорта оригинального белорусского продовольствия;

Второе направление – поддержание сбалансированности рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия, которое включает следующие меры:

разработка и внедрение инструментов стабилизации экспортноориентированных товарных рынков (сахар, молочная продукция), в том числе: организация государственных интервенционных закупок и продаж, оказание государственной поддержки хранения запасов; создание агентства мониторинга и регулирования рынков);

государственная поддержка создания устойчивых моделей продвижения сельскохозяйственной продукции и продовольствия для средних и мелких сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения;

выработка долгосрочных маркетинговых соглашений на поставку сельскохозяйственной продукции и продовольствия на национальном уровне и в рамках ЕАЭС, включая участие в государственных закупках государств-членов;

Третье направление включает меры, направленные на повышение конкурентоспособности отечественного агропродовольственного комплекса:

разработка и реализация инновационных стратегий развития отраслей и предприятий с обязательным достижением конкурентных критериев производительности труда и прироста добавленной стоимости, обеспечивающих интенсивное взаимодействие пищевой промышленности, науки, освоение и окупаемость затрат на НИОКР по всем стадиям технологической цепи;

укрепление собственной сырьевой базы производства пищевых продуктов высокого качества, в том числе органических;

повышение эффективности сырьевых зон агропромышленного производства на основе интенсификации, совершенствования специализации и размещения отраслей;

развитие новых конкурентных производств и повышение качества продукции с использованием потенциала отечественной индустрии здорового

питания;

обеспечение повсеместного внедрения системы обеспечения безопасности и качества продукции отечественных производителей в соответствии с международной практикой прослеживаемости «от поля до стола»;

совершенствование моделей и технологий продвижения отечественной продукции, предусматривающих создание устойчивых интегрированных продовольственных систем, ориентированных на производство и снабжение населения продуктами питания высокого качества;

инвестирование в развитие современной инфраструктуры, ориентированной на максимальную реализацию конкурентных преимуществ отечественных товаропроизводителей на этапе оптовой и розничной торговли. В данной связи актуальными являются два направления развития сбытовой инфраструктуры:

- создание отечественной цифровой платформы для электронной торговли продуктами питания (оптовой и розничной), включая мобильное приложение для розничных покупателей с информацией о принципах здорового питания, безопасности и качестве продукции, ассортименте местных товаропроизводителей и возможностью формировать заказ на доставку;

- создание оптовых распределительных центров по торговле скоропортящейся продукцией с современными цифровыми технологиями товародвижения. Развитие в указанном направлении является приоритетным направлением для торговых партнеров республики в ЕАЭС, которые активно ведут разработки по созданию цифровых продовольственных оптово-распределительных центров и платформ взаимодействия товаропроизводителей, потребителей, инвесторов;

Четвертое направление – развитие научно-инновационного и инвестиционного потенциала АПК предусматривает следующие меры:

создание нормативно-правовых условий для привлечения в отрасли АПК и инфраструктуры, ноу-хау, инновационных технологий, инвестиций (включая прямые иностранные) с целью достижения мировых стандартов производства и обращения продукции;

реализацию кооперационных межотраслевых программ и проектов повышения эффективности отраслей животноводства на национальном уровне и с привлечением субъектов из государств – членов ЕАЭС;

разработку и реализацию кооперационных научно-производственных программ в сфере развития экспортно ориентированных или импортозамещающих производств (масложировая отрасль, кормопроизводство, производство средств защиты растений, семян).

Пятое направление содержит меры направленные на совершенствование информационного и методического обеспечения деятельности товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках, в том числе:

разработка и предоставление кратко-, средне-

и долгосрочных прогнозов конъюнктуры, цен производителей по основным товарным группам, прогнозов производственного потенциала отраслей АПК, анализа требований по сертификации продукции на внешних рынках;

создание и продвижение информационно-технологических платформ обмена информацией и инновациями;

информирование и консультирование населения в области рационального, качественного и безопасного питания (с применением персонализированного подхода, социальных сетей, форумов и др.);

создание многоуровневой системы мониторинга и упреждения рисков субъектов аграрного бизнеса по всей цепочке создания стоимости, которая будет основываться на транспарентных цифровых технологиях организации и контроля бизнес-процессов производства и поставок, а также применении инструментов риск-менеджмента, интегрированных в системы управления предприятиями.

В условиях комплексного внедрения предложенные направления и меры позволят укрепить продовольственную безопасность, обеспечить сбалансированность развития продуктовых рынков на основе внедрения механизмов и современных транспарентных инструментов стабилизации конъюнктуры, повысить эффективность и конкурентоспособность субъектов национального и региональных агропродовольственных комплексов за счет усиления научно-инновационного и инвестиционного потенциала.

Список литературы

1. Условия и факторы реализации Доктрины национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года / В.Г. Гусаков [и др.] // Вес. Нац. акад. наук Беларуси. – 2018. – № 3. – С. 263–285.
2. Шпак, А.П. Новая стратегия развития национальной продовольственной безопасности Беларуси / А.П. Шпак, Н.В. Киреенко, С.А. Кондратенко // Наука и инновации. – 2016. – № 10(164). – С. 4–8.
3. Гусаков, В.Г. Агропромышленный комплекс в условиях трансформационной экономики / В.Г. Гусаков, А.П. Шпак // Белорус. экон. журн. – 2018. – № 4. (85). – С. 54–64.
4. Гусаков, В.Г. Факторы и методы эффективного хозяйствования / В.Г. Гусаков; Нац. Акад. Наук Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 2020. – 56 с.
5. О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 дек. 2017 г., № 962. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/solutions/3060>. – Дата доступа: 23.02.2019.
6. Заяц, Л. Высокие результаты в трудолюбии сельчан / Л. Заяц // Беларус. думка. – 2017. – № 11. – С. 3–11.

7. Мясникович, М. Ставка на качество / М. Мясникович // Беларус. думка. – 2018. – № 5. – С. 20–25.

8. Бычков, Н.А. Методология оценки финансового состояния сельскохозяйственных организаций и диагностика кризисных ситуаций / Н.А. Бычков, В.Н. Метлицкий, Н.В. Артюшевский. – 2019. – Т. 57, № 1. – С. 38–50.

9. Эффективность организационно-институциональных преобразований в АПК / Н.А. Бычков [и др.] // Вес. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. аграр. наук. – 2017. – № 4. – С. 25–40.

10. Гусаков, Е.В. Актуальность создания кластерных структур в современных условиях хозяйствования / Е.В. Гусаков // Стратегия развития экономики Беларуси : вызовы, инструменты реализации и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20–21 сент. 2018 г.: в 2 т. / Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2018. – Т. 1. – С. 142–145.

11. Пилипук, А.В. Институциональное пространство кластерной агропродовольственной системы Евразийского экономического союза / А.В. Пилипук, Е.В. Гусаков, Ф.И. Субоч. – Минск: Беларус. навука, 2016. – 265 с.

12. Гусаков, В.Г. Механизмы устойчивого сбалансированного развития продуктовых структур в рамках кластерного институционального пространства продовольственной системы Евразийского экономического союза / В.Г. Гусаков, А.П. Шпак, М.И. Запольский, А.В. Пилипук, Ф.И. Субоч // Вес. НАН Беларуси. Сер. аграр. наук. – 2015. – № 2. – С. 4–18.

13. Устойчивое инновационное развитие и его инвестиционное обеспечение как факторы повышения эффективности функционирования АПК / В.В. Чабатуль [и др.] // Вес. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. аграр. наук. – 2018. – Т. 56, № 3. – С. 286–303.

14. Кондратенко, С.А. Направления совершенствования механизма устойчивого развития региональных агропродовольственных комплексов Республики Беларусь / С.А. Кондратенко // Вес. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. аграр. наук. – 2020. – Т. 58, № 2. – С. 143–163.

15. Кондратенко, С.А. Устойчивое развитие регионального агропродовольственного комплекса: теория, методология, практика / С.А. Кондратенко / под ред. В.Г. Гусакова. – Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2019. – 286 с.

16. Основные положения стратегий развития и размещения производительных сил регионов Республики Беларусь на период до 2030 года // Экон. бюл. / НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2016. – № 3. – С. 4–57.

17. Повышение роли и ответственности региональных органов власти в обеспечении экономической устойчивости и инновационного развития агропромышленного комплекса / А. Шпак [др.] // Аграрная экономика. – 2019. – № 6. – С. 48–59.

18. Гонова, О.В. Методы и модели диагностики устойчивого развития регионального агропродовольственного комплекса: авт. дис. д-ра.

экон. наук: 08.00.13 / О.В. Гонова; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ивановский государственный химико-технологический университет». – Иваново, 2011. – 36 с.

19. Ускова, Т.Ю. Продовольственная безопасность региона / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский // Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 102 с.

20. Безматерных, Н.С. Продовольственная безопасность региона и факторы, ее определяющие / Н.С. Безматерных // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2008. – №3 (41). – С. 81–86.

21. Ляпина, И.Р. Отраслевой подход к управлению народным хозяйством: положительные и негативные моменты / И.Р. Ляпина // Вестник ТГУ. – 2010. – Вып. 12(92). – С. 383–390.

22. Киреев, Н.В. Система сбыта продукции АПК на основе маркетингового подхода: теория, методология, практика: в 2 ч. / Н.В. Киреев. – Минск: Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси, 2015. – Ч. 1. – 265 с.

23. Конопляник, Т.М. Управление устойчивостью хозяйственных систем: теория и методология [Электронный ресурс]: автореф. дис. д-ра экон. наук: 08.00.05 / Т.М. Конопляник; С.-Петерб. ун-т экономики и финансов. – СПб., 2007. – 38 с.

24. Меренкова, И.Н. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика: дис. д-ра экон. наук: 08.00.05 / И.Н. Меренкова. – Воронеж, 2012. – 366 с.

25. Ковалев, М.М. Управление государственным сектором экономики / М.М. Ковалев, С.Н. Румас, М.К. Шахуб, К.Ю. Юшко // Минск: Издательский центр БГУ. – 2018. – 250 с.

26. Гусаков, В.Г. Механизм рыночной организации аграрного комплекса: оценка и перспективы / В.Г. Гусаков. – Минск: Беларус. навука, 2001. – 363 с.

27. Трясцин, М.М. Управление устойчивым развитием регионального рынка продовольствия: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / М.М. Трясцин. – Пермь, 2009. – 380 с.

28. Геращенко, Т.М. Методология разработки инновационно-инвестиционной стратегии развития организаций (на примере агропромышленного комплекса): дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Т.М. Геращенко; ФГБНУ проф. обр. «Рос. экон. ун-т им. В.Г. Плеханова». – М., 2015. – 353 с.

29. Пархоменко, Н.В. Управление устойчивым развитием сельского хозяйства в условиях экологически нестабильных регионов [Электронный ресурс] / Н.В. Пархоменко, И.С. Мандрик // Вестн. Гомельского гос. техн. ун-та им. П.О. Сухого. – 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/upravlenie-ustoychivym-razvitiem-selskogo-hozyaystva-v-usloviyah-ekologodestabilizirovannyh-regionov>. – Дата доступа: 12.02.2019.

30. Шутьков, А.А. Система ведения агропромышленного производства региона / А.А. Шутьков // Методическое обеспечение проведения научных исследований экономических проблем развития АПК России / Под ред. А.И. Алтухова. – М.: Фонд «Кадровый резерв». – 2016. – С. 477–490.

АНАЛІТИЧНІ МОЖЛИВОСТІ ТЕОРІЇ СТЕЙКГОЛДЕРІВ У СФЕРІ ВИЩОЇ ОСВІТИ

Євдокимова Н.
професор

член президії, ключовий експерт ГО «Клуб економістів»

Котенок Д.
доцент

Державний вищий навчальний заклад
«Київський національний економічний університет
імені Вадима Гетьмана»

ANALYTICAL POSSIBILITIES OF STAKE HOLDER THEORY IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION

Yevdokymova N.,
Professor

Member of the Presidium, key expert
Public Organization "Club of Economists"

Kotenok D.

Associate Professor

Kyiv National Economic University named after Vadym Hetman

Анотація

У статті обґрунтована необхідність впровадження стейкголдер-аналізу в практику стратегування якості освіти закладами вищої освіти. Продемонстроване визнання необхідності впровадження концепції стейкхолдерів через аналіз документів методичного характеру Національного агентства з якості освіти.

Визначені відмінності в уявленні про стратегічний концепт для фірми і закладу вищої освіти, оцінена змістова подібність понять «якість освіти» та «якість освітньої програми».

Abstract

The article substantiates the need for universities to implement stakeholder analysis in the practice of quality education strategy. The recognition of the need to implement the concept of stakeholders in the field of education through the analysis of methodological documents of the National Agency for Higher Education Quality Assurance has been demonstrated. Differences in the idea of the strategic concept for the firm and the institution of higher education are identified, the substantive similarity of the concepts "quality of education" and "quality of the educational program" is assessed.

Ключові слова: якість освіти, стейкхолдер, заклад вищої освіти, стратегічний контекст.

Keywords: quality of education, stakeholder, higher education institution, strategic context.

Вступ

Важливим напрямком розвитку теорії управління організацією на основі цінності постала стейкхолдерська теорія фірми. Ця концепція позитивно сприйнята науковцями і практиками у багатьох сферах суспільного життя та взята до упровадження провідними корпораціями, регуляторними органами й некомерційними організаціями. Її розробці присвячена величезна кількість наукових статей і практично орієнтованих публікацій. Неослабний інтерес до цієї сфери наукового знання свідчить, з одного боку, про її теоретичну і практичну значимість, а з другого – певну незавершеність підходу, який, попри його концептуальну привабливість і простоту, потребує ґрунтовних розробок при застосуванні.

Мета роботи

Перевірка аналітичних можливостей стейкхолдер-аналізу у сфері вищої освіти.

Матеріали і методи

Засадотвірними положеннями дослідження є теорія заінтересованих сторін та її робочий інструмент – стейкхолдер-аналіз. Для оцінювання раціональних меж доцільного використання стейкхолдер-аналізу стосовно діяльності закладів вищої освіти (ЗВО) використаний метод аналізу документів, зіставлення. Узагальнення є умовиводом авторів.

Результати і обговорення

Виникнення стейкхолдерської теорії фірми пов'язане з публікацією в 1984 році піонерної монографії Р. Е. Фрімана «Стратегічне управління: роль заінтересованих сторін» [1]. Згідно запропонованому автором монографії визначенню, до заінтересованих сторін компанії відносяться «всі індивідууми, групи чи організації, котрі істотно впливають на рішення, які приймаються фірмою та/або знаходяться під впливом цих рішень» [1, р. 25]. Узагальнений перелік стейкхолдерів фірми за Фріманом включав власників фірми, її працівників, споживачів, конкурентів, постачальників, державу, організації місцевої спільноти тощо. Відповідно, керівництво фірми, прагнучи довести свою соціальну відповідальність та економічну раціональність, має вести справи таким чином, щоб інтереси стейкхолдерів здійснювалися, або, щонайменше, не утискалися. Нині стейкхолдерський підхід утвердився в якості одного з основних напрямків стратегічного менеджменту. Його ідеї й інструменти стали звичними в управлінні організаціями. Разом з тим, в рамках цього розділу менеджменту залишаються

«вузькі місця», які обмежують можливості його практичного використання в інших сферах діяльності.

Ключовою проблемою, яка виникає у побудові прикладних моделей, що засновані на стейкхолдер-аналізі, є, на нашу думку, визначення стратегічного контексту діяльності організації. Саме від цього залежить правильність початкових етапів проведення стейкхолдер-аналізу: складання переліку стейкхолдерів та визначення формального опису їхньої поведінки. Коли організацією приймається стратегічне рішення, то в обґрунтуванні його доцільності передбачається визначення очікувань всіх заінтересованих сторін. Так, методи стратегічного аналізу, оснований на положеннях теорії заінтересованих сторін, можуть виявитись вельми корисними при обґрунтуванні організацією своїх стратегічних цілей, зважаючи, з одного боку, на їхню складність і багатоплановість, а з другого – враховуючи неоднорідність стейкхолдерів як за ступенем заінтересованості, так і за рівнем впливовості. Разом з тим, керівництву організації, згідно ключових положень теорії заінтересованих сторін, слід розглядати усіх стейкхолдерів як єдине суперечливе ціле, рівнодійна сила інтересів частин якого визначатиме траєкторію розвитку організації в означеному цілями контексті. Водночас, слід взяти до уваги певну обмеженість теорії стейкхолдерів як самостійного інструменту управління організацією.

Використання моделей та інструментів теорії стейкхолдерів в освітянському менеджменті значно розширює його аналітичні можливості, особливо завважаючи на нинішній концепт забезпечення й підвищення якості освіти. Про цю обставину зазначила відома освітянка О. В. Єременко, висвітлюючи проблеми становлення Національного агентства з якості вищої освіти: «У документах, що стосуються якості вищої освіти, уже стало звичним і частотно вживаним поняття «стейкхолдери», так звані заінтересовані сторони» [2, с. 177]. Аналізуючи практику формування культури якості вітчизняної вищої освіти останніх років, варто зазначити, що у фокусі основної уваги Національного агентства було створення основної нормативної бази, пов'язаної з акредитацією освітніх програм. В минулому (2019) році Національним агентством були розроблені Критерії оцінювання якості освітньої програми, які найшли відображення в Методичних рекомендаціях для експертів щодо їх застосування. Пропоновані критерії подібні більшою мірою до загальних положень про освітню програму і практику

її реалізації, аніж до формалізованих і чітко визначених правил щодо змісту освіти й освітнього процесу. Необхідна для оцінювання універсальність та гнучкість критеріїв забезпечується їх підпорядкованістю трьом принципам. Перші два – принцип поваги до автономії ЗВО та принцип урахування контексту – певною мірою стосується урахування позицій стейкхолдерів та мають, передовсім, процедурний характер. Третій – принцип урахування позицій стейкхолдерів – присвячений заінтересованості сторонам безпосередньо. Водночас в Методичних рекомендаціях наголошується, що: «Критерії можуть бути наповнені конкретним змістом лише у контексті позицій стейкхолдерів. Саме участь стейкхолдерів дозволяє ЗВО виявити контекст, в якому він функціонує, та визначити вимоги, дотримання яких для певної конкретної освітньої програми становитиме «якість освіти» [3, розд. I].

Відтак в процесі підготовки до акредитації освітніх програм керівництво цілої низки ЗВО унормував взаємовідносини між внутрішніми та зовнішніми стейкхолдерами, а також учасниками освітнього процесу відповідними «Положеннями про стейкхолдерів освітніх програм» [4,5,6 та ін.]. В одному з цих документів розкрито сутність поняття «стейкхолдери в освіті», як-то: «стейкхолдери в освіті – безпосередні учасники процесу виробництва та споживання продуктів вищої освіти (професорсько-викладацький склад, абітурієнти, здобувачі вищої освіти, випускники, роботодавці та державні установи), а також бізнес-структури, інші заклади вищої освіти, банки та фінансові фонди, спонсори, організації, що фінансують наукові дослідження, ЗМІ, громадські організації, інвестори, кадрові агенції, видавництва, наукові спілки тощо» [4, с. 5]. Загалом погоджуючись з таким уявленням про стейкхолдерів в освітній сфері, варто, на наш погляд, доповнити тезаурус цієї області знань, враховуючи те, що в цілому теорія заінтересованих сторін нерозривно пов'язана з управлінням процесами і їх результатами, які виникають відносно стосунків організації з її заінтересованими сторонами. Тому, наприклад, використовувати термін «стейкхолдери освітньої програми» не зовсім коректно, зважаючи на стратегічний контекст ЗВО у визначенні заінтересованих сторін.

Визначаючи стратегічний контекст через призму забезпечення якості освітніх послуг, тобто усіх видів діяльності в рамках безперервного циклу удосконалення, ЗВО формує доволі широкий спектр орієнтирів щодо розвитку освітнього середовища з урахуванням потреб усіх заінтересованих сторін. Перелік стейкхолдерів, інтереси яких варто врахувати, є чималим: здобувачі й домогосподарства, викладачі й менеджмент вищого навчального закладу, держава й місцеві громади, роботодавці й зовнішні партнери та ін. Звідси логічним є припущення про те, що ЗВО здійснює свої стратегічні цілі через реалізацію освітніх програм. Іншими словами, стейкхолдери в освіті на рівні ЗВО перетворюються у стейкхолдерів освітньої програми. Підтвердження цьому припущенню ми віднайшли в рекомендаціях щодо покращення якості вищої освіти в Україні,

підготовлених чеськими експертами в аспекті імплементації європейських стандартів: освітні програми потрібно розробляти так, щоб їхні цілі відповідали загальній стратегії ЗВО [7]. Проте ця рекомендація-вимога, незважаючи на її безумовну справедливість, потребує конкретизації в аспекті стратегічного менеджменту. По-перше, якщо розглядати статус освітньої програми як певної компетентісної моделі навчання за конкретною спеціальністю й галуззю знань, то умовно її можна було би вважати стратегічним напрямом діяльності ЗВО. Проте проведення аналогії між набором освітніх програм і бізнес-портфелем підприємства, на наш погляд, навряд чи є коректною, тому що бізнес-напрямки діяльності підприємства зазвичай реалізуються виокремленими бізнес-одинацями. Ба більше, освітні програми є не скільки суто матеріальним, а скільки віртуальним освітнім середовищем, вони поки що не влаштовані належним чином в інституційне середовище вищої освіти. Підготовка фахівців за певною освітньою програмою передбачає залучення викладачів різних кафедр і факультетів. Однак чинний конструкт трудових правовідносин у ЗВО не передбачає формалізованої участі викладачів в певних тимчасових колективах для реалізації освітніх програм, на кшталт робочих груп проєктів, адже на науково-педагогічних працівників поширюються норми трудового законодавства, які встановлюють чинний порядок зміни та припинення трудових відносин на кафедрах як основних ланках організаційної структури. Роль робочих (проєктних) груп, які створюються для розробки освітньої програми, у подальшій її реалізації залишається незрозумілою. Не напрацьовані також дієві механізми впливу гарантів освітніх програм на формування викладацького складу, який забезпечуватиме реалізацію освітніх компонентів програми.

По-друге, керівники проєктних груп (гаранти) освітніх програм виконують менеджментські обов'язки фактично на громадських засадах, їхні функції, по-суті, обмежені організацією розробки та внесення змін до освітньої програми (як документа), та контролем якості методичного забезпечення освітніх компонентів (знову-таки, документів) в межах чинних освітніх стандартів і локальних положень ЗВО. Реалізація освітньої програми відбувається через загальний функціонал організації і в загальному порядку для усіх програм, при цьому участь гаранта організаційно-правовому аспекті не активізована.

Таким чином, освітня програма не може, на нашу думку, розглядатись виокремленим стратегічним напрямом діяльності закладу освіти, відтак дослідницькі аналогії освітянського сектору з бізнес-середовищем, а також використання методології стратегічного управління й теорії стейкхолдерів потребують поглиблених наукових фахових обґрунтувань.

Цілком очевидно, що стейкхолдерів варто розглядати в контексті стратегічної мети ЗВО, тобто – забезпечення й підвищення якості освіти, що аж ніяк не суперечить зазначеним раніше методичним

рекомендаціям Національного агентства. Ба більше, слід пам'ятати, що в теорії заінтересованих сторін в якості одиниці аналізу зазвичай виступає управлінське рішення. Тому для оцінки рішення ЗВО про доцільність відкриття нової освітньої програми варто проводити «класичний» стейкхолдер-аналіз, бо маємо справу з проєктом як таким. Якщо ж мова йде про реалізацію освітніх програм, то оцінюванню підлягають управлінські процеси і їх результати університету в цілому як єдиної організації. Ця думка є близькою до висновку очільника Національного агентства С. М. Квіта про зміст нинішніх акредитаційних процесів: «Процес акредитації тепер зосереджуватиметься не на результатах освітнього процесу, а на самому процесі. Тобто ми будемо вивчати й оцінювати здатність закладів вищої освіти організувати якісний освітній процес, спираючись на принципи власної університетської автономії» [8, с. 172].

В такому аспекті уявляється, що масштаб аналізу стейкхолдерів та стейкхолдер-менеджменту стає значно більшим, він виходить за рамки окремої освітньої програми. Останні, будучи складовими освітнього процесу та стратегічними пріоритетами ЗВО, не є відокремленими від локального інституціонального середовища ЗВО та одна від одної. Це вказує на певну невідповідність змісту понять якості освіти і якості освітньої програми, та намагання їх підміни.

Висновки

Впродовж останніх трьох десятиліть теорія заінтересованих сторін активно обговорюється в науковій літературі, її аналітичний інструментарій вивчається та упроваджується й використовується в управлінській практиці.

Стратегування в освітній галузі невіддільне від врахування потреб усіх заінтересованих сторін. Зазначене обумовлює активну дифузію методології стейкхолдер-аналізу в освітню та інші небізнесові сфери національної економіки.

Якість освітнього процесу, параметри якої є основою проведення акредитації експертами Національного агентства з якості вищої освіти, відбувається за окремими освітніми програмами ЗВО. Останні є невіддільними від локального інституціонального середовища ЗВО та одна від одної. Це вказує на певну невідповідність змісту понять «якість освіти» та «якість освітньої програми».

Оскільки стейкхолдерський підхід нерозривно пов'язаний з управлінськими процесами і їх результатами, то в сфері вищої освіти застосування стейкхолдер-аналізу для освітніх програм потребує подальших поглиблених наукових фахових обґрунтувань.

Список літератури

1. Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Pitman: Boston. 1984. 276 p.
2. Єременко О.В. Національне агентство із забезпечення якості вищої освіти: хроніки періоду становлення/ Річний звіт Національного агентства із забезпечення якості вищої освіти за 2019 рік / за заг. ред. проф. Сергія Квіта. — Київ: Національне агентство із забезпечення якості вищої освіти, 2020. — 244 с. — С.175 -191. URL: <https://naqa.gov.ua/wp-content/uploads/2020/02/Звіт-2020.pdf>
3. Методичні рекомендації для експертів Національного агентства щодо застосування Критеріїв оцінювання якості освітньої програми/Затверджено рішенням Національного агентства із забезпечення якості вищої освіти протокол від 29 серпня 2019 р., протокол № 9. URL:https://naqa.gov.ua/wp-content/uploads/2019/09/Методичні-рекомендації_для-експертів.pdf
4. Положення про стейкхолдерів освітніх програм Харківського національного аграрного університету ім. В.В. Докучаєва. Харків, 2019. — 7 с. URL: <https://knau.kharkov.ua/uploads/pubinfo/2020/stakeholder.pdf>
5. Положення про стейкхолдерів освітніх програм. Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка. Тернопіль, 2017. — 7 с. URL: http://tnpu.edu.ua/about/public_inform/upload/2017/Polozhennia_pro_steykholderiv_osvitnikh_prohram.pdf
6. Положення про співпрацю із роботодавцями (зовнішніми стейкхолдерами) у Миколаївському національному аграрному університеті. СО 5.278.01-00.2020. Миколаїв, 2020. — 13 с. URL: <https://www.mnau.edu.ua/files/dostup/educational-process/278.pdf>
7. Рекомендації для покращення якості вищої освіти в Україні: професор Владіміра Дворжакова, доктор Іржі Спрчка, Матина Видлакова. URL: <https://naqa.gov.ua/wp-content/uploads/2019/07/Додаток-2.-Рекомендації-для-покращення-якості-вищої-освіти-в-Україні.pdf>
8. Квіт С.М. Нова система акредитації: що чекає на українські університети? /Річний звіт Національного агентства із забезпечення якості вищої освіти за 2019 рік / за заг. ред. проф. Сергія Квіта. — Київ : Національне агентство із забезпечення якості вищої освіти, 2020. — 244 с. — С. 170-174. URL: <https://naqa.gov.ua/wp-content/uploads/2020/02/Звіт-2020.pdf>

КОРПОРАТИВНЫЙ УРОВЕНЬ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**Медведкина Е.А.***Доктор экономических наук,**Ростовский государственный экономический университет***CORPORATE LEVEL OF FORMATION OF A GLOBAL POST-INDUSTRIAL ECONOMY****Medvedkina Ye.***Doctor of Economics,**Rostov State University of Economics***Аннотация**

В научной статье проводится анализ процесса формирования и развития глобальных инновационных и информационных сетей, включая организацию инновационных процессов и создание соответствующих международных структур, что позволило выделить наиболее значимые элементы внутрикорпоративного трансфера знаний. Сделан вывод о том, что в международных компаниях целесообразно использовать новые информационные инструменты корпоративного менеджмента.

Abstract

The process of formation and development of global innovation and information networks, including the organization of innovation processes and the creation of relevant international structures, which made it possible to highlight the most significant elements of intra-corporate knowledge transfer is analyzed in scientific article. It is concluded that it is advisable for international companies to use new information tools for corporate management.

Ключевые слова: экономика знаний, международный бизнес, высокотехнологический сектор, трансфер знаний, управление знаниями, информационные инструменты корпоративного менеджмента.

Keywords: knowledge economy, international business, high-tech sector, knowledge transfer, knowledge management, information tools of corporate management.

В последнее десятилетие возникает новое поколение инновационного бизнеса, который ориентируется на глобальное пространство и принимает новые приоритеты развития. Переход к экономике знаний и интенсивная глобализация сферы знаний ознаменовали новый этап развития международного бизнеса, который характеризуется, с одной стороны, появлением нового вида бизнеса, связанного с получением, распространением и использованием знаний, а с другой - развитием новых технологий управления знаниями.

Расширение функций международного бизнеса, который играет важную роль в формировании экономики знаний с помощью генерирования и трансфера знаний на мировом уровне, разработки инноваций и интегрирования научного потенциала стран для мобилизации ресурсов и обеспечения мо-

бильности специалистов. Одной из функций международного бизнеса становится формирование и развитие глобальных инновационных и информационных сетей, включая организацию инновационных процессов и создание соответствующих международных структур.

Актуальным становится развитие особой сферы менеджмента в современном международном бизнесе, связанной с управлением знаниями. Целенаправленная и систематическая управленческая деятельность по получению и использованию знаний является комплексной функцией в рамках всех процессов и ресурсов компании, направленной на повышение эффективности бизнеса в целом. Как системный процесс управления знаниями поддерживается ИКТ, однако содержательно шире управления информационными ресурсами, поскольку охватывает другие ресурсы и процессы компании.

Таблица 1.

Крупнейшие компании в сфере компьютерной индустрии в 2017 г., млрд долл. США

Компания	Сфера деятельности	Страна	Активы	Прибыль	Выручка от реализации	Рыночная капитализация
Apple	Компьютерное аппаратное обеспечение	США	367,5	53,3	247,5	926,9
Microsoft	Разработка программного обеспечения	США	245,5	14,2	103,3	750,6
Alphabet	Услуги в сфере ИКТ	США	206,9	16,6	117,9	766,4
Oracle	Разработка программного обеспечения	США	138,2	3,7	39,5	191,1
Amazon.com	Розничная торговля через Интернет	США	126,4	3,9	193,2	777,8
IBM	Компьютерные услуги	США	125,3	5,7	80,1	132,3
Facebook	Компьютерные услуги	США	88,9	17,8	44,6	541,5
SAP	Разработка программного обеспечения	Германия	51	4,9	27,4	138,9
Baidu	Компьютерные услуги	Китай	42,8	3,5	13,4	94,1
Hewlett Packard	Компьютерное аппаратное обеспечение	США	35,2	3,9	54,2	37,3
Accenture	Компьютерные услуги	Ирландия	23,1	3,6	39,1	101

Обобщая методологические основы управления знаниями ведущих ТНК мира из высокотехнологического сектора, можно выделить следующие значимые элементы внутрикорпоративного трансфера знаний:

- **основные цели** (генерирование инноваций на основе новых знаний, повышение производительности использования ресурсов, создание устойчивых конкурентных преимуществ, повышение эффективности операций со знаниями);

- **задачи** (повышение эффективности получения новых знаний, развитие инновационного потенциала и интеллектуальных ресурсов, наращивание компонента знаний; наращивание нематериальных активов, совершенствование организационной культуры; минимизация рисков и др.);

- **виды знаний** (проактивное; адаптивное; системное; техническое, информационное; социальное и др.);

- **элементы инновационного менеджмента** (планы, методы управления, процедуры, инструкции, информационные системы и инструменты; практики; методики оценки и др.);

- **направления трансформаций** (управление нематериальными активами; организации инновационных процессов, управление проектами и др.);

- **базовые подходы** (плановый; компетентный; рыночный; партнерский и др.);

- **ключевые процессы** (планирование, организация работ, получение знаний; разработка инноваций и т.д.).

Обнаруженные новые элементы практики управления знаниями в современном бизнесе, которые вместе формируют интегрированный и инклюзивный подход к активизации инновационной деятельности на глобальном уровне. Системы управления знаниями в международных компаниях строятся на ряде принципов (адаптация к пространственной рассредоточенности, ориентация на глобальное пространство действий и международные источники получения знаний, развитие внутренних институтов, организационной культуры и инструментария коммуникации; учета специфики отрасли и географии деятельности компании и др.).

Это позволяет гармонично сочетать материальные, человеческие, информационные ресурсы и подсистемы (подсистема методологии, подсистема получения знаний, подсистема использования знаний, подсистема развития человеческих ресурсов, подсистема управления, подсистема инфраструктуры) для достижения эффективности процессов. Механизм управления знаниями, основываясь на соответствующей теоретико-методологической и концептуальной базе, предусматривает: создание специальных корпоративных институтов и подразделений; использование специальных методов и инструментов (различные планы; методики, информационные системы, программное обеспечение,

специальные стандарты; организационные модели, специальные процедуры, системы стимулирования и т.д.).

Современные компании вводят более агрессивные инновационные стратегии, требует других моделей организации инновационной деятельности, одной из которых является модель «Инновационная ракета», которая построена на мультидисциплинарной теоретико-методологической базе, с концентрацией усилий на прорывных инновациях, сквозном стимулировании и вертикальной интеграции фундаментальных и прикладных научных исследований с привлечением широкого круга лиц с различными компетенциями.

Таким образом, на корпоративном уровне ИКТ становятся структурообразующим фактором и предоставляют новые организационные, коммуникационные и интеллектуальные возможности для развития бизнеса, системно поддерживают управление знаниями и креативную деятельность индивидов. Учитывая увеличивающиеся требования и сложность управления знаниями в международных компаниях, целесообразно использовать новые информационные инструменты корпоративного менеджмента такие как:

- информационная система для управления ИиР с соответствующим функционалом на уровне компании;
- единая информационная платформа инновационной деятельности, которая создает сетевое пространство ТНК;
- инструменты для формализации знаний, которые облегчают передачу знаний на международном уровне;

- также корпоративные базы знаний, которые становятся главным механизмом накопления знаний в международных компаниях.

Применение каждого из этих инструментов требует адаптации персонала, формирования новых компетенций и организационной культуры. Эти инструменты создают прямые экономические эффекты и являются дополнением к существующим нематериальным активам компании. Система управления знаниями в сочетании представленными инструментами формирует новую технологическую платформу международного менеджмента в сфере знаний.

Список литературы

1. Дронова, О.Б., Козлова, Ж.М. (2019) Состояние и тенденции развития зарубежных транснациональных корпораций // Экономические отношения. – Том 9. – № 2. – С. 573-588. – doi: 10.18334/eo.9.2.40690
2. Coase, R. H. (1937). «The Nature of the Firm». *Economica*. 4 (16): 386-405. doi: 10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x
3. Dunning, J.H. (1992) The global economy, domestic governance, strategies and transnational corporations: interactions and policy implications // *Transnational Corporations*, vol. 1, no. 3 (December 1992).
4. Global M&A Review-2018, (2018) Asia-Pacific, John Wiley & Sons Limited (USD), p.40
5. Vernon, R. (1994) Research on transnational corporations: Shedding old paradigms // *Transnational corporations*, vol.3, no.1, (February 1994).
6. UNCTAD, FDI/MNE database (www.unctad.org/fdistatistics).

К ВОПРОСУ О СБАЛАНСИРОВАННОМ РАЗВИТИИ АГРАРНОЙ ОТРАСЛИ И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИНЕРГЕТИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ

Марков А.К.

кандидат экономических наук,

Национальное агентство по энергосбережению и возобновляемым источникам энергии

ON THE ISSUE OF BALANCED DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL SECTOR AND RURAL TERRITORIES USING SYNERGETIC EFFECTS

Markov A.

candidate of economic Sciences,

National Agency for energy conservation and renewable energy sources

Аннотация

Вопросы изучения сбалансированного развития агропромышленного комплекса и сельских территорий являются чрезвычайно важными.

Актуальными являются многие вопросы методического характера, касающиеся разработки показателей и критериев сбалансированного развития самой отрасли, оптимизации параметров аграрного производства, внедрения адаптивно-ландшафтных систем земледелия, обеспечения производителя сельскохозяйственной продукции информационными ресурсами, создания межрегиональных товаропроводящих систем на основе мультимодальных логистических оптово-распределительных центров и т. д.

Таким образом, необходимость исследования этой проблемы обусловлена, во-первых, ее малоизученностью, во-вторых, отсутствием опыта проведения эффективной аграрной политики в регионах, в-третьих, необходимостью разработки новых подходов к проблемам сбалансированного развития всего аграрного

производства. В связи с этим она представляет, на наш взгляд, значительный практический интерес, в первую очередь для России, с ее огромными сельскохозяйственными территориями.

Abstract

The issues of studying the balanced development of the agro-industrial complex and rural territories are extremely important.

Many issues of a methodological nature are relevant, concerning the development of indicators and criteria for the balanced development of the industry itself, optimization of agricultural production parameters, introduction of adaptive landscape farming systems, providing agricultural producers with information resources, creation of interregional commodity distribution systems based on multimodal logistics wholesale and distribution centers, etc.

Thus, the need to study this problem is caused, first, by its lack of knowledge, second, by the lack of experience in conducting effective agricultural policy in the regions, and third, by the need to develop new approaches to the problems of balanced development of all agricultural production. In this regard, it is, in our view, of considerable practical interest, primarily for Russia, with its vast agricultural territories.

Ключевые слова: сбалансированное развитие, агропромышленный комплекс, сельские территории, синергетика.

Keywords: balanced development, agro-industrial complex, rural territories, synergy.

Синергетика сбалансированного развития аграрной отрасли и сельских территорий отражает тенденции в АПК связанные с использованием синергетических эффектов для ускорения НТП и инновационного сценария развития, глобальные вызовы, связанные с Европейской зеленой сделкой, декарбонизацией производства, развитием зеленой и цикличной экономики [1,2].

Проблемы сбалансированного развития аграрной отрасли и сельских территорий страны с использованием синергетических эффектов чрезвычайно сложны для исследования в связи с тем, что синергетика как научное понятие появилось только в 70-х годах, а России еще позже, не разработана методологическая база оценки, учета, прогнозирования и управления синергетическим эффектами в с/х, нет научно обоснованных рекомендаций для широкого практического внедрения результатов законченных НИР в производство, да и защит по данным проблемам практически нет [3].

Достижение целей национальных проектов направлено на обеспечение сбалансированного, устойчивого и инклюзивного экономического роста [4]. Сложность задачи связана с тем, что переход к концепции устойчивого развития предполагает сочетание социальных и экологических целей, вступающих в противоречие с оптимальным использованием ресурсов, между темпами экономического роста и его качеством [5,6].

Трансформация аграрной экономики при изменении внешних и внутренних условий функционирования обуславливает значимость формирования организационно-экономического механизма воздействия на нее для достижения целей устойчивого развития, количественного и качественного отраслевого экономического роста. Материальную основу качества экономического роста определяет рациональное использование ресурсов - природных, трудовых, капитальных, на основе освоения достижений научно-технического прогресса, прогрессивных изменений в технике и технологиях, в номенклатуре выпускаемой продукции, отраслевых и региональных пропорциях. Поэтому особую значимость приобретает инновационное развитие отрасли сельское хозяйство [7].

Все это определяет актуальность обоснования перехода к новому типу экономического развития, качеству экономического роста, выбора механизмов, обеспечивающих эффективное использование отраслевого ресурсного потенциала, обеспечивающего позитивную динамику [8,9].

Создание условий для устойчивого развития сельских территорий является одной из важнейших стратегических целей государственной политики, обеспечивающей эффективное использование всего потенциала экономики страны.

Аграрный сектор, занимающий доминирующее положение в экономике села, является многофункциональным и не только производит товарную продукцию, но также обеспечивает воспроизводство общественно значимых ценностей, которые не всегда поддаются количественной или стоимостной оценке. Аграрный сектор вносит решающий вклад в поддержание жизнеспособности сельской местности, сохранение аграрного ландшафта и культурного наследия, сохранение агробиологического разнообразия и поддержание экологического равновесия в биосфере [10]. Сельское хозяйство играет важную роль в сохранении плодородия почв и охране земель от эрозии и других негативных явлений природного и техногенного характера. Эти непродуктивные аспекты имеют характеристики общественных благ, но не являются предметом торговли и не могут в полной мере оцениваться рыночными критериями эффективности [11,12].

Общество заинтересовано не только в повышении уровня продовольственной самообеспеченности страны, но и в сохранении многофункциональности сельского хозяйства, исторического уклада жизни сельского населения, улучшении окружающей среды.

Многофункциональность сельского хозяйства является одной из составляющих обеспечения национального благосостояния и определяет необходимость государственной поддержки в обеспечении условий устойчивого развития сельских территорий.

Устойчивое сельское развитие обеспечит совершенствование сельского образа жизни, более полное выполнение селом его общенациональных

функций – производственной, социально-демографической, культурной, рекреационной, экологической, социального контроля над территорией, сближение условий жизнедеятельности в городе и на селе.

Обеспечение устойчивого развития сельских территорий является комплексной проблемой и возможно при условии:

макроэкономической стабильности;

сбалансированного развития экономики;

экономического роста в сельском хозяйстве;

расширения несельскохозяйственной занятости в сельской местности;

обеспечения на селе экономически равных с городом условий получения доходов и общественных благ;

совершенствования деятельности институтов гражданского общества в сельской местности, обеспечивающих защиту экономических и социальных интересов всех групп сельского населения;

осуществления программ, направленных на улучшение экологической ситуации в сельской местности;

преодоление административной разобщенности в управлении сельскими территориями и усиление координации в обеспечении развития сельских территорий между: федеральными, региональными и местными органами исполнительной власти; органами государственной власти и местного самоуправления, общественными и коммерческими организациями, объектами бизнеса и населением.

Одна из основных причин применения синергетических эффектов в АПК кроется в стремлении получить дополнительный эффект, обусловленный масштабом деятельности, минимизацией транзакционных издержек, снижением налоговой нагрузки.

Произошедшие в России за последние годы изменения выявили ряд дискуссионных и актуальных проблем в сфере функционирования и развития такой отрасли экономики, как аграрный сектор. Важнейшими из них являются вопросы учета региональных особенностей сбалансированного развития аграрного производства. Это связано с тем, что сбалансированное развитие подсистемы аграрного производства в региональной экономике имеет приоритетное значение с точки зрения, во-первых, обеспечения продовольственной безопасности страны, во-вторых, снижения социальной напряженности на селе, в-третьих, специфические особенности самого аграрного производства объективно требуют при принятии стратегических и тактических управленческих решений учета целого ряда факторов регионального уровня, влияющих на устойчивость всего АПК.

Актуальными являются многие вопросы методического характера, касающиеся разработки показателей и критериев сбалансированного развития самой отрасли, оптимизации параметров аграрного производства, внедрения адаптивно-ландшафтных систем земледелия, обеспечения производителя сельскохозяйственной продукции информацион-

ными ресурсами, создания межрегиональных товаропроводящих систем на основе мультимодальных логистических оптово-распределительных центров и т. д.

Таким образом, необходимость исследования этой проблемы обусловлена, во-первых, ее малоизученностью, во-вторых, отсутствием опыта проведения эффективной аграрной политики в регионах, в-третьих, необходимостью разработки новых подходов к проблемам сбалансированного развития всего аграрного производства. В связи с этим она представляет, на наш взгляд, значительный практический интерес, в первую очередь для России, с ее огромными сельскохозяйственными территориями.

Между тем именно АПК претендует на роль главной демонстрационной площадки результатов новой технологической революции: роботизированные технологии «индустрии 4.0» переводят практически всю сельхозтехнику на безлюдный режим. Интернет вещей и «интернет всего» объединяют в единую экосистему всю производственную цепочку — от создания новых удобрений и видов животных и растений до выпуска функциональных продуктов, позволяющих кардинальным образом улучшать свойства человека. Концепция умного города расширяет возможности для вертикальных урбанизированных ферм, а новые космические и биотехнологические исследования позволяют говорить об освоении пространства вне Земли.

Ландшафт базовых предпосылок, определяющих будущий облик агропромышленного комплекса, весьма разнообразен. Изучая его, нужно учитывать глобальные тренды - устойчивые тенденции, оказывающие существенное влияние на его средне- и долгосрочное развитие в социально-экономической, экологической, политической, технологической, ценностной и образовательной сферах. Такое всестороннее, междисциплинарное исследование должно опираться на серьезные аналитические инструменты.

Список литературы

1. Арефьев Н.В., Можаяев Е.Е. Влияние факторов на развитие научно-технического прогресса в сельском хозяйстве и эффективность производства//Economics. - 2017.- № 10(31)
2. Новиков В.Г., Можаяев Е.Е., Васильева И.В. Концептуальные основы воспроизводства и регулирования трудового потенциала сельских территорий: современные подходы в условиях демографических и трудовых рисков//Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. -2017.- № 25 (30).
3. Можаяев Е.Е., Арефьев В.Н. К вопросу о методике оценки эффективности деятельности информационно-консультационной службы//Вестник Екатеринбургского института. – 2018. - № 1.
4. Арефьев Н.В., Можаяев Е.Е., Арефьев В.Н. К вопросу о критериях господдержки в сельскохозяйственном производстве//Вестник Екатеринбургского института. – 2018. - № 2.

5. Можаяев Е.Е., Кулайкин С.В. Повышение эффективности хозяйственного и внутрихозяйственного управления сельскохозяйственными предприятиями//Вестник Екатеринбургского института. – 2018. - № 3.

6. Васильева И.В., Можаяев Е.Е., Арефьев В.Н. Трансферт современных технологий в аграрное производство малых форм хозяйствования как путь активизации инновационных процессов в отрасли//Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. - № 2.

7. Шафиров В.Г., Сердюк Н.С., Можаяев Е.Е. Сельскохозяйственное консультирование как инфраструктурный драйвер освоения инноваций//Вестник Екатеринбургского института. – 2018. - № 4.

8. Можаяев Е.Е., Арефьев В.Н. Инновационная поддержка сельхозпроизводителей. Методы и опыт эффективной практической деятельности//Наше сельское хозяйство. Агрономия. – 2018. - ноябрь. - № 21.

9. Шафиров В.Г., Можаяев Е.Е., Кулайкин С. В. Повышение эффективности государственного управления агропромышленным комплексом//Вестник Екатеринбургского института. – 2019. - № 2.

10. Шафиров В.Г., Васильева И.В., Можаяев Е.Е. К вопросу о диверсификации в агропромышленном комплексе//Фундаментальные исследования. 2019. – № 7.

11. Марков А.К., Можаяев Е.Е., Арефьев В.Н. Обоснование параметров отраслевого экономического роста с использованием модифицированного индекса Берча//Вестник Алтайской академии экономики и права.-2020.-№ 6. Ч.2

12. Марков А.К., Мумладзе Р.Г., Можаяев Е.Е. Тенденции перехода экономики на инновационный путь развития//Фундаментальные исследования.-2020. -№6.

ПРОГНОЗУВАННЯ РОЗВИТКУ РИНКУ КРЕДИТНИХ РЕСУРСІВ ДЛЯ СІЛЬСЬКОГОСПОДАРСЬКИХ ПІДПРИЄМСТВ

*Наталич О.С.
аспірант*

Уманського національного університету садівництва

FORECASTING THE DEVELOPMENT OF THE MARKET OF CREDIT RESOURCES FOR AGRICULTURAL ENTERPRISES

*Natalych O.
postgraduate,*

Uman National University of Horticulture

Анотація

Розвиток аграрного виробництва в Україні на сучасному етапі за складних фінансово-економічних умов потребує зміни підходів і методів в прогнозуванні кредитування сільськогосподарських підприємств в напрямі, їх доступу до кредитів на ринку кредитних ресурсів, необхідних для забезпечення безперебійного колообігу виробництва. Кредитні ресурси є своєрідним стимулом для підвищення ефективності виробництва аграріїв. З огляду на сучасний стан аграрного виробництва, відсутність високоліквідної застави, внаслідок мораторію на продаж та відчуження земель сільськогосподарського призначення, які могли би слугувати беззаперечною заставою при кредитуванні аграріїв унеможливило є повноцінне кредитування сільськогосподарських підприємств внаслідок суттєвих ризиків банків – кредиторів при їх кредитуванні. Відсутність прямої державної підтримки щодо здешевлення вартості банківських кредитів аграріям значно ускладнює доступ сільськогосподарських виробників до ринку кредитних ресурсів, унеможливорює ними нарощування обсягів виробництва та реалізації продукції, здатних забезпечити як економічну, так і продовольчу безпеку країни. В основі покращення кредитування сільськогосподарських підприємств закладений метод прогнозування їх фінансової діяльності, з використанням економіко – математичних методів, зокрема економіко-математичного та комп'ютерного моделювання, що є одним із основних інструментів при дослідженні складних економічних, технічних та інших систем і процесів. Особлива увага надається дрібнотоварним формам сільськогосподарського виробництва, кредитне забезпечення яких наразі майже відсутнє.

Abstract

The development of agricultural production in Ukraine at the present stage in difficult financial and economic conditions requires a change of approaches and methods in forecasting lending to agricultural enterprises in the direction of their access to credit in the market of credit resources needed to ensure uninterrupted production. Credit resources are a kind of incentive to increase the efficiency of agricultural production. Given the current state of agricultural production, the lack of highly liquid collateral, due to the moratorium on the sale and alienation of agricultural land, which could serve as an indisputable collateral for lending to farmers, it is impossible to fully lend to agricultural enterprises due to significant risks of lending banks. The lack of direct state support to reduce the cost of bank loans to farmers significantly complicates the access of agricultural producers to the market of

credit resources, making it impossible for them to increase production and sales of products capable of ensuring both economic and food security. Improving the lending of agricultural enterprises is based on the method of forecasting their financial performance, using economic - mathematical methods, including economic, mathematical and computer modeling, which is one of the main tools in the study of complex economic, technical and other systems and processes. Particular attention is paid to small-scale forms of agricultural production, which are currently almost non-existent.

Ключові слова: кредит, кредитні відносини, кредитоспроможність, фінансове забезпечення, комерційні банки, сільськогосподарське кредитування.

Keywords: credit, credit relations, creditworthiness, financial security, commercial banks, agricultural crediting.

Економічне прогнозування розвитку національної аграрної галузі набуває особливої актуальності в умовах глобалізації економіки, лібералізації ринку, посилення державного регулювання соціально-економічних процесів, тенденцій, що намітилися в макроекономічній стабілізації країни. Важливого значення за ринкової економіки набувають наукові дослідження, пов'язані з пошуком нових підходів щодо вирішення проблем, пов'язаних з ринком кредитних ресурсів з урахуванням галузевої специфіки позичальників їх фінансового стану, комплексного аналізу ринку кредитних ресурсів. Вирішення цієї проблеми сприяє забезпеченню планомірного і сталого розвитку сільськогосподарських підприємств із застосуванням методологічних і методичних підходів економічного прогнозування на основі підвищення ефективності їх функціонування та збалансованого використання джерел фінансування, здатних забезпечити соціально-економічну стабільність та продовольчу безпеку.

Фінансові відносини сільськогосподарських підприємств ґрунтуються на можливій соціальній і економічній вигоді авансованого капіталу, що супроводжується ризикованістю внаслідок втрати ними рівня кредитоспроможності, загострення платіжної кризи та кризи банківської системи і фондового ринку. [1]

Ефективне функціонування сільськогосподарських підприємств за сучасних умов значною мірою залежить від наявних фінансових ресурсів. Дефіцит як власних, так і запозичених джерел фінансування як операційної, так і інвестиційної діяльності є стримуючим чинником в адаптації сільськогосподарських підприємств до динамічних змін зовнішнього середовища. Досвід функціонування сільськогосподарських підприємств свідчить про недоцільність надання переваги одному із джерел фінансування операційної та інвестиційної діяльності: ні власним, ні залученим джерелам. Оптимальне співвідношення власних фінансових ресурсів і банківських кредитів є потенційним вирішенням проблеми фінансового забезпечення сільськогосподарських підприємств. Однак розвитку кредитних відносин сільськогосподарських підприємств перешкоджає високий ступінь кредитних ризиків. Сучасна кредитна політика банків орієнтована на високорентабельних позичальників і обмежена для низькорентабельних підприємств особливо фермерських господарств з незначними обсягами земельних угідь. За таких умов виникає

потреба в розробленні і розвитку методичних підходів, спрямованих на активізацію кредитних відносин в сільському господарстві шляхом розширення доступу сільськогосподарських підприємств до кредитних ресурсів на ринку кредитних послуг. Невизначеність в економіці в умовах кризи, відсутність належного бухгалтерського обліку у переважної більшості сільськогосподарських підприємств унеможливує здійснення якісного аналізу їх кредитоспроможності. З огляду на це, при кредитуванні сільськогосподарських підприємств виникає потреба в наявності в позичальника рівноцінної за-позиченню майнової застави та гарантій зі сторони страхових установ.[2]

Зі зняттям мораторію на продаж сільськогосподарських угідь сільськогосподарські підприємства набули права внесення земель до статутних капіталів, їх продаж або інших видів відчуження земельних ділянок та паїв, що перебувають у приватній власності. Тому за таких умов земля теоретично є заставною базою, за якою суттєво розширюється доступ аграріїв до банківських кредитів як потенційних клієнтів на ринку кредитних ресурсів. Комерціалізація банківської діяльності за сучасної кредитної політики змушує банки ігнорувати специфіку галузевої приналежності позичальників – аграріїв переважно дрібнотоварних та фермерських господарств.

Сільське господарство є кредитомісткою галуззю і її безперебійне функціонування без кредитних ресурсів практично неможливе. Це зумовлено специфікою аграрного виробництва; нестачею вільних фінансових ресурсів; високою капіталомісткістю і порівняно низькою капіталовіддачею; сезонністю виробництва та значною тривалістю виробничого циклу; залежністю від природно-кліматичних умов; порівняно малими розмірами підприємств, що негативно впливає на їх конкурентоспроможність на ринку коротко - і довгострокових кредитів. За сучасних умов пріоритетним для економічної системи є зростання взаємопов'язаних показників таких як динаміка індикаторів кредитної політики та показників корпоративних фінансів. Процес глобалізації економіки ускладнює взаємовідносини між національною економікою і світовим господарством, безпосередньо впливає на умови реалізації кредитної політики. При цьому різко зростає значення механізму взаємодії кредитної політики та конкурентоспроможності сільськогосподарських підприємств. З огляду на це, кредитна політика є передумовою підвищення ефективності національ-

ної економіки, зміцнення її позицій у світовій економіці. Кредитна політика як складова макроекономічної політики повинна забезпечувати цілі, завдання, вибір методів та механізмів її реалізації, оскільки вона ґрунтується не на суб'єктивній оцінці її розробників, а на закономірностях формування економічного середовища. [3]

Створення ефективного механізму функціонування сільськогосподарських підприємств потребує використання економіко-математичного та комп'ютерного моделювання, що є одним із основних інструментів при дослідженні складних економічних, технічних та інших систем і процесів. Моделювання задач управління економікою, зокрема забезпечення кредитними ресурсами, здійснюється у двох взаємозалежних площинах, кожна з яких має свій інструментарій та методика, які перебувають у постійному зв'язку та взаємозалежності: в економічній та математичній площині. Перша площина виражає економічні об'єкти, сутність яких відповідає аналізу природи економічних процесів та явищ у вигляді абстрактної моделі залежностей. Друга – виражає множини значень суттєвих змінних величин (екзогенних та ендегенних), отриманих на основі аналізу моделі і моделюванні економічних процесів [4]. Адекватність побудови моделі визначається специфікою функціонування сільськогосподарських підприємств та особливістю моделювання фінансових потоків. Ефективне функціонування кредитних відносин є однією з необхідних умов досягнення сталих темпів економічного зростання аграрного виробництва. Його специфіка зумовлює необхідність авансування коштів на відносно тривалий період часу, який залежно від спеціалізації і фінансового стану, може вимірюватися роками. Всі сільськогосподарські товаровиробники, незалежно від форм власності і способу виробництва, у процесі господарської діяльності зму-

шені вдаватись до кредитних запозичень. Об'єктивна необхідність у кредитуванні сільськогосподарських підприємств пов'язана з потребою поповнення оборотних активів, запровадження нових виробництв і прогресивних технологій. [5]

У процесі господарської діяльності практично у кожного сільськогосподарського підприємства виникає необхідність отримання кредиту внаслідок сезонності, залежності від природних умов та стихійних сил природи, суттєвого розриву між часом авансування коштів і їх повернення після реалізації продукції, високої капіталомісткості, порівняно низької капіталовіддачі. З огляду на це, сільськогосподарські підприємства є потенційними позичальниками банківських кредитів для забезпечення ефективної роботи, безперервності колообігу виробництва. Для залучення позикових коштів позичальник повинен гарантувати їх повернення. Гарантією такого повернення є стабільний його фінансовий стан, який характеризує кредитоспроможність позичальника. Банківська установа – кредитор оцінює кредитоспроможність позичальника, використовуючи методичні підходи в основі яких закладені нормативні значення фінансових індикаторів, які порівнюють з фактичними значеннями коефіцієнтів і визначають кредитоспроможність позичальника [6]. При оцінці кредитоспроможності сільськогосподарського підприємства застосовуються різні методичні підходи з використанням фактичних даних бухгалтерського обліку. Для діагностики кредитоспроможності сільськогосподарських підприємств у вітчизняній практиці використовуються регресійні і дискримінантні моделі, а також методи наукового прогнозування. Враховуючи специфіку аграрного виробництва нормативні значення кредитоспроможності сільськогосподарських підприємств за всіма позиціями різняться від господарюючих суб'єктів інших галузей національної економіки. (табл.1)

Таблиця 1

Обов'язкові коефіцієнти методики оцінки кредитоспроможності сільськогосподарських товаровиробників

Показник кредитоспроможності	Умовне позначення	Критерій оцінки		Особливості сільськогосподарських товаровиробників, що обґрунтовують особливий підхід щодо оцінки їх кредитоспроможності
		за загальноприйнятим підходом	для с.-г. товаровиробників	
1. Коефіцієнт автономії	K1	$\geq 0,5$	$\geq 0,5$	Вимоги щодо частки власного капіталу в загальній величині джерел єдині для підприємств усіх галузей
2. Коефіцієнт забезпечення власними оборотними активами	K2	$\geq 0,1$	$\geq 0,2$	Сезонність виробництва призводить до нерівномірності використання матеріальних ресурсів внаслідок чого виникають додаткові вимоги щодо забезпечення власними джерелами фінансування поточних активів
3. Коефіцієнт поточної ліквідності	K3	$\geq 2,0$	$\geq 1,6$	Тривалість і нерівномірність виробничого циклу в аграрній галузі призводять до більшої, ніж у підприємств інших галузей залежності від зовнішніх кредиторів, що потребує зниження вимог щодо покриття короткострокових зобов'язань поточними активами
4. Коефіцієнт швидкої ліквідності	K4	0,7-0,8	$\geq 0,5$	Наявність продукції, що швидко псується, а також продукції, що вимагає особливих умов зберігання, формує більш лояльний тип кредитної політики по відношенню до покупців, і потребує надання їм відтермінування платежів. Звідси - необхідність більш лояльних вимог щодо значення коефіцієнта термінової ліквідності у вигляді погашення не менше половини всіх короткострокових зобов'язань
5. Коефіцієнт рентабельності продажу	K5	$> 0,1$	$> 0,05$	Аграрне виробництво - біологічний процес, в якому задіяні живі організми, тому економічні процеси переплітаються з процесами природного відтворення; залежність результатів виробництва від природно-кліматичних умов. З огляду на це аграрії перебувають в нерівних умовах з підприємствами інших галузей.
6. Коефіцієнт абсолютної ліквідності	K6	0,2-0,5	$\geq 0,5$	Сезонний характер виробництва призводить до відсутності високоліквідних активів у аграріїв в окремі періоди операційного циклу, що впливає на всі стадії колаобігу капіталу галузі і призводить до зниження вимог щодо мінімальної величини активів до 5% від суми короткострокових зобов'язань.

Джерело: [7]

В зв'язку з потенційними ризиками неповернення банківських запозичень мною проведений моніторинг групи сільськогосподарських підприємств в користуванні і в оренді яких розмір земельної площі перебуває в діапазоні від 1000,1 до 2000,0 га. Кількість таких сільськогосподарських підприємств в Черкаській області в середньому за досліджуваний період складає 166 або 29,1% від загальної їх кількості.

Об'єктивний і всебічний моніторинг цих сільськогосподарських підприємств проводився на основі аналізу конкретних кількісних і якісних значень індикаторів, які включають в себе оцінку кредитоспроможності, здатну забезпечити економічну безпеку за сучасних умов їх кредитування, як основного джерела фінансового забезпечення діяльності сільськогосподарських підприємств.

сметств, спрямованих на забезпечення безперерйного колообігу виробництва, відтворення основних засобів, розширення виробничих потужностей, що уможливорює регулювання сталого розвитку економіки, істотне підвищення її ефективності. Приведені дані (табл.2) свідчать, що показники ліквідності представляють інтерес не лише для керівництва сільськогосподарських підприємств, а й для зовнішніх суб'єктів аналізу: коефіцієнт абсолютної ліквідності представляє інтерес для постачальників сировини і матеріалів; швидкої ліквідності - для банків; поточної ліквідності - для інвесторів. Так, перевищення оборотних активів над короткостроковими фінансовими зобов'язаннями забезпечує резервний запас для компенсації збитків, які можуть

понести сільськогосподарські підприємства при розміщенні та ліквідації всіх оборотних активів, крім готівки. Чим більша величина цього запасу (найкращий результат 2018 р. – 2,028), тим більша впевненість кредиторів, що борги будуть погашені вчасно.

Коефіцієнт швидкої ліквідності, розрахований для суб'єктів господарювання, перевищує нормативне значення і становить від 0,824 в 2015 р. до 1,066 в 2019 р. Його величина обумовлена тим, що у складі фінансових ресурсів сільськогосподарських підприємств переважає позичковий капітал, значну частку якого складає дебіторська заборгованість.

Таблиця 2

Показники кредитоспроможності сільськогосподарських підприємств Черкаської області за площею земельних угідь у користуванні від 1000,1 до 2000,0 га

Показник	Порогове значення.	2015.	2016	2017	2018	2019.
Коефіцієнт поточної ліквідності	>1,6-2,0	1,847	1,668	1,894	2,028	1,922
Коефіцієнт швидкої ліквідності	>0,5-0,6	0,824	0,890	1,059	1,042	1,066
Коефіцієнт абсолютної ліквідності	>0,2-0,3	0,138	0,117	0,119	0,124	0,118
Коефіцієнт фінансової незалежності	>0,5	0,479	0,489	0,572	0,552	0,543
Коефіцієнт фінансової залежності	<0,5	0,771	0,886	0,817	0,769	0,762
Коефіцієнт забезпеченості власними оборотними активами	>0,1	0,047	0,081	0,269	0,270	0,272
Коефіцієнт фінансової стійкості	>0,7	0,657	0,658	0,715	0,688	0,667
Коефіцієнт маневреності власного капіталу	>0,5	0,054	0,089	0,282	0,305	0,317
Коефіцієнт фінансового важеля	≤1	1,628	1,834	1,451	1,414	1,424
Рентабельність власного капіталу, коефіцієнт	>0,15	0,092	0,106	0,142	0,141	0,135
Рентабельність позичкового капіталу, коефіцієнт	>0,12	0,058	0,059	0,127	0,151	0,132

Джерело: дані Головного управління статистики у Черкаській області [8]

Коефіцієнт абсолютної ліквідності свідчить, що спостерігається дефіцит власних коштів у аграріїв, лише 11-13% короткострокових зобов'язань можуть бути погашено за рахунок наявної готівки.

Коефіцієнти фінансової незалежності, забезпеченості власними оборотними активами, фінансової залежності та фінансування свідчать про високу залежність підприємств від зовнішніх джерел фінансування. Таку залежність можна вважати вигідною інвестиційною стратегією за умов постійного підвищення рентабельності власного капіталу. В обстежених сільськогосподарських підприємствах Черкаської області показник рентабельності власного капіталу за досліджуваний період не перевищує нормативне значення. Низький рівень мобільності власного капіталу пояснюється тим, що сільськогосподарські підприємства використовують переважно позичковий капітал. Низький оборот за-

пасів і дебіторської заборгованості не дають можливості своєчасно погашати боргові зобов'язання, призводить до сплати штрафних фінансових санкцій.

В основу показників впливу кредитів на ефективність сільськогосподарських підприємств взятий показник чистого оборотного капіталу (Networkingcapital), який дорівнює різниці між оборотними активами підприємства та його короткостроковими зобов'язаннями (в грошових одиницях). Його наявність та величина свідчать про спроможність підприємства сплачувати свої поточні зобов'язання та розширювати подальшу діяльність необхідну для підтримки фінансової стійкості, оскільки перевищення грошових оборотних активів над короткостроковими зобов'язаннями означає, що підприємство не тільки може погасити свої короткострокові зобов'язання, але і має резерви для розширення діяльності. (табл.3).

Таблиця 3

Вплив кредитів на ефективність сільськогосподарських підприємств
Уманського району в середньому за 2015-2019рр.

Показник	Кооператив «Черповоди»	ТОВ «Виробничо-торгівельна фірма «Сяйво»	ФГ АФ «Базис»	НД «Родниківка»	ТОВ «Агровіт» ←↑
Чистий робочий капітал, тис. грн.	-636,0	-1033,4	19382,0	14488,0	25478,0
Коефіцієнт абсолютної ліквідності	0,002	0,001	0,133	0,104	0,145
Коефіцієнт швидкої ліквідності	0,014	0,025	0,514	0,406	0,521
Тривалість обороту кредиту, днів	354,1	384,4	152,3	212,6	148,9
Рентабельність (збитковість) виробництва всього, %	-4,8	-1,9	36,4	37,9	29,7
Чистий прибуток (збиток) на 1 га с.- г. угідь, грн.	-183,3	-112,7	578,8	539,1	301,7

Джерело: дані Головного управління статистики у Черкаській області[8]

Проведені дослідження свідчать, що із перебігу вибраних суб'єктів господарювання аграрного виробництва району в кооперативі «Черповоди» та ТОВ «Виробничо-торгівельна фірма «Сяйво» сума робочого капіталу за досліджуваний період мала від'ємне значення відповідно 636,0 і 1033,4 тис. грн., при рівні збитковості виробництва відповідно -4,8 і -1,9% та рівні збитку в розрахунку на 1 га сільськогосподарських угідь 183,3 і 112,7 грн відповідно.

З огляду на це коефіцієнт абсолютної ліквідності по цих підприємствах складав 0,002 і 0,001 відповідно, що свідчить про недостатню суму короткотермінових фінансових зобов'язань підприємства, яка може бути сплачена за рахунок високоліквідних активів (грошових коштів та їх еквівалентів), тобто спроможність підприємства негайно погасити свою заборгованість при нормативному значенні >0,2-0,3

Коефіцієнт швидкої ліквідності характеризує індикатор короткострокової ліквідності сільськогосподарського підприємства, який характеризує його здатність вчасно погашати свої короткострокові зобов'язання за допомогою високоліквідних активів. Нормативне значення цього показника становить >0,5-0,6. Приведені в таблиці дані свідчать, що підприємства з від'ємним значенням чистого робочого капіталу цей показник сформували на рівні 0,014 і 0,025, що менше в порівнянні з сільськогосподарськими підприємствами в яких значення

чистого робочого капіталу позитивне. Тривалість обороту кредиту в підприємств з від'ємною часткою чистого робочого капіталу в порівнянні з підприємствами з позитивним чистим робочим капіталом на 205,2 і 235,5 днів більше в порівнянні з сільськогосподарським підприємством ТОВ «Агровіт»

З метою прогнозування ринку кредитних послуг проведений регресійний аналіз (табл. 4) дані якої свідчать, що в цілому по сільськогосподарських підприємствах Уманського району зміна кредитоспроможності великою мірою залежить від впливу варіації тривалості обороту кредиту (x_{16}) і чистого робочого капіталу від фактично сплаченої відсоткової ставки за кредит (x_{10}), грошових коштів в касі і на поточних рахунках в банках (x_{11}) і меншою мірою від низько та середньо ліквідних оборотних активів (x_9) до загальної вартості оборотних активів, а також спеціалізації позичальника до загального обсягу виручки від реалізації (x_6). З огляду на це зв'язок між кредитоспроможністю і вищеперахованими чинниками слід признати тісним при якому коефіцієнт множинної регресії становить 0,893. Слід відмітити, що зв'язок між кредитоспроможністю і чинниками, що відібрані в модель більш впливові для підприємств з більш високим рівнем платоспроможності (2 кластер), що пов'язано з впливом зовнішніх факторів на ефективність використання кредитних ресурсів підприємств, які мають суттєвий вплив від зовнішніх факторів.

Таблиця 4

Результати регресійного аналізу кредитоспроможності сільськогосподарських підприємств Уманського району, Черкаської області в середньому за 2015-2019рр.

Групи підприємств	Коефіцієнт множинної регресії	Рівняння множинної регресії
1 кластер	0,801	$y = -16,811 - 0,034x_3 + 0,001x_5 + 0,512x_6 - 0,362x_9 + 0,137x_{11} + 5,402x_{15}$
2 кластер	0,961	$y = 241,031 - 121,32x_2 - 0,028x_3 - 0,3413x_9 - 0,369x_{16}$
3 кластер	0,702	$y = 83,04102 + 0,002x_5 + 0,741x_6 + 0,619x_{10} + 5,401x_{15}$
В цілому	0,893	$y = 49,749 + 0,336x_6 - 0,382x_9 + 0,881x_{10} + 0,191x_{11} + 4,152x_{15} - 0,168x_{16}$

Джерело: дані Головного управління статистики у Черкаській області[8]

Підвищення кредитоспроможності, як головного чинника в переважній більшості випадків можна досягти шляхом контролю за дотриманням принципів кредитування, ефективного використання отриманих кредитів як в операційну, так і інвестиційну діяльність. Проведені результати дослідження по сільськогосподарських підприємствах Уманського району свідчать, що постійний контроль за ефективним використанням банківських кредитів як в операційну, так і інвестиційну діяльність сприяють зростанню рентабельності кредитів, скорочення терміну їх обороту і в подальшому позитивно впливають на кредитну історію позичальника, що формує відсоткові ставки за користування банківськими кредитами в майбутньому.

Список літератури

1. Абакуменко О., Марченко Н., Мороз Е. Агрокредитування в Україні: сучасний стан та основні проблеми. Проблеми і перспективи економіки та управління. 2016. №2 (6). С. 246-252.
2. Стецюк П.С., Гудзь О.Є., Войтюк О.П. Трансформація матриці банківського кредитування сільськогосподарських підприємств. Економіка АПК. 2013. №12. С. 49-55.
3. Лупенко Ю.О. Розвиток аграрного сектору економіки України: прогнози та перспективи. Науковий вісник Мукачівського державного університету. 2015. Вип. 2(4). С. 30-34.
4. Вовк В.М. Математичні методи дослідження операцій в економіковиробничих системах: Монографія – Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. – 584 с
5. Худолій Л.М., Годованець І.Л. Удосконалення системи банківського кредитування малого підприємництва в аграрній сфері України. Агросвіт. 2011. № 11. URL: http://www.agrosvit.info/pdf/11_2011/8.pdf.
6. Лупенко Ю.О., Андрос С.В. Банківське кредитування аграрного сектору Економіки України. Економічний вісник КПУУ «КПІ». 2019. №16. С.196-207.
7. Яшина М.Л. Експрес-моделювання кредитоспроможності сільськогосподарських підприємств. Financial Analytics: Science and Experience. 2015. № 47. С.39-49.
8. Головне управління статистики у Черкаській області URL: <http://www.ck.ukrstat.gov.ua/>

JURIDICAL SCIENCES

ЮРИДИЧНІ ГАРАНТІЇ ПРАВОВОГО РЕЖИМУ МАЙНА ВІЙСЬКОВИХ ОРГАНІЗАЦІЙ ЗБРОЙНИХ СИЛ

Хом'яков Д.О.

*Кандидат юридичних наук,
Військовий інститут Київського національного університету
імені Тараса Шевченка, м. Київ, Україна*

LEGAL GUARANTEES OF THE LEGAL REGIME OF PROPERTY OF MILITARY ORGANIZATIONS OF THE ARMED FORCES

Khomyakov D.

*Candidate of Legal Sciences,
Military Institute of Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine*

Анотація

Встановлення правового режиму військового майна, відмінного від правового режиму державного майна, пов'язане з особливою значимістю його для національної безпеки держави. Відповідно збереження військового майна у Збройних Силах України є одним із засобів забезпечення високої бойової готовності та боєздатності військ (сил).

Збереження військового майна у військовій частині неможливе без встановлення режиму законності, що ґрунтується на суворому та неухильному виконанні вимог правових норм всіма військовослужбовцями та працівниками Збройних Сил України.

В даній статті проаналізовані юридичні гарантії правового режиму майна військових організацій Збройних Сил, надано визначення правового режиму військового майна, наведено чим досягаються юридичні гарантії.

Abstract

The establishment of a legal regime of military property, different from the legal regime of state property, is associated with its special significance for the national security of the state. Accordingly, the preservation of military property in the Armed Forces of Ukraine is one of the means of ensuring high combat readiness and combat capability of troops (forces).

Preservation of military property in a military unit is impossible without the establishment of a regime of legality based on strict and strict compliance with the requirements of legal norms by all servicemen and employees of the Armed Forces of Ukraine.

This article analyzes the legal guarantees of the legal regime of property of military organizations of the Armed Forces, provides a definition of the legal regime of military property, presents how to achieve legal guarantees.

Ключові слова: майно військової організації, військове майно, правовий режим, юридичні гарантії, адміністративно-правове регулювання, збереження майна, охорона майна, захист майна.

Keywords: property of military organization, military property, legal regime, legal guarantees, administrative and legal regulation, preservation of property, protection of property, protection of property.

Метою статті є визначення та аналіз юридичних гарантій правового режиму майна військових організацій, навести за допомогою чого досягаються юридичні гарантії.

Виклад основного матеріалу. Під юридичними гарантіями розуміють умови, при яких можливий правовий режим майна, спеціальні механізми, покликані його підтримувати.

Вперше поняття "правовий режим майна" згадується академіком А.В.Венедиктовим при розгляді ним правового становища окремих видів майна державного підприємства [12].

Оскільки "майно" - категорія, яка найчастіше зустрічається саме в сфері цивільного обороту, розглянемо цивільно-правові аспекти юридичних гарантій правового режиму майна військових організацій.

Будь-яке цивільне право включає в себе в якості складового елементу право на його захист (на захист суб'єктивного права) - тобто, обсяг можливостей щодо захисту цього права в разі його порушення. Цей необхідний елемент має самостійне значення. Суб'єктивне право, котре дає можливість захисту цього права, перетворюється в право декларативне.

Обсяг конкретних можливостей, які надаються суб'єкту порушеного права, залежить від кількох факторів - від природи права (речове або зобов'язальне право). За природою речове право - право абсолютне, отже, носію цього права необхідно забезпечити можливість його захисту від посягання будь-яких третіх осіб. У зобов'язальному ж праві конкретному праву кредитора протистоїть зобов'язання боржника. У зв'язку з цим, кредитор не має

потреби в таких же широких можливостях, як власник. У тих же випадках, коли права кредитора в зобов'язанні схожі з правами власника, тоді закон надає можливості власника (права власника щодо захисту права).

Друге, від чого залежить обсяг наданих можливостей як елемент суб'єктивного цивільного права - це правовий статус порушника. Очевидна різниця двох ситуацій, коли в одній держава виступає в якості учасника цивільних правовідносин, учасника майнового обороту, а в іншій - коли держава в особі уповноважених органів виступає в якості суб'єкта публічного права. У першому випадку держава як учасник майнового обороту застосовує будь-який спосіб захисту цивільних прав, оскільки воно є рядовим учасником обороту. Але якщо держава виступає як суб'єкт публічного права (в особі податкових та митних органів) то суб'єкту порушеного права, яке безумовно порушується в результаті незаконних дій, то в цьому випадку суб'єктивне право може захищатися тільки в тому випадку, якщо це прямо передбачено законом.

Досліджуючи Закон України "Про правовий режим майна у Збройних силах України", варто відзначити, що законодавець у поняття правового режиму майна вкладає поняття майна, перелік органів, які здійснюють управління цим майном, особливості статусу цього майна, порядок обліку та списання військового майна, правила щодо формування і відчуження цього майна [2].

Вирішення питань щодо забезпечення Збройних Сил України військовим майном, а також визначення порядку вилучення і передачі його до сфери управління центральних або місцевих органів виконавчої влади, інших органів, уповноважених управляти державним майном, самоврядним установам і організаціям та у комунальну власність територіальних громад сіл, селищ, міст 91 або у їх спільну власність (за згодою відповідних органів місцевого самоврядування) з дотриманням вимог Закону України "Про передачу об'єктів права державної та комунальної власності" належить до компетенції Кабінету Міністрів України з урахуванням того, що озброєння та бойова техніка можуть передаватися лише до військових формувань, існування яких передбачено законом. Міністерство оборони України, як центральний орган управління Збройних Сил України, здійснює відповідно до закону управління військовим майном, у тому числі закріплює військове майно за військовими частинами (у разі їх формування, переформування), приймає рішення щодо перерозподілу цього майна між військовими частинами Збройних Сил України, в тому числі у разі їх розформування. Військове майно закріплюється за військовими частинами Збройних Сил України на праві оперативного управління (з урахуванням особливостей, передбачених частиною другою статті 2 зазначеного Закону України) [3].

Хороша законодавча база сама по собі не гарантує повною мірою дотримання правового режиму майна військових організацій. Необхідно забезпечити суворе дотримання діючих норм закону всіма

особами. Командири військових частин, керівники підприємств і організацій Міністерства оборони не повинні порушувати правові норми.

Для цього, на нашу думку, необхідно забезпечити поінформованість перерахованих категорій осіб про діючі нормативно-правові акти, орієнтувати їх у існуючих законах, постановах, змінах та доповненнях до них. Цим перш за все займаються фахівці юридичної служби Міністерства оборони. Військові юристи консультують посадових осіб і військовослужбовців, захищають їх права і формують їх правову культуру.

Фахівці юридичної служби проводять велику роботу по захисту інтересів Збройних Сил та органів військового управління. Останнім часом ця частина їх діяльності особливо активізувалася.

Своє головне завдання юридична служба бачить в зміцненні законності в органах військового управління, військових частинах, військово-навчальних закладах, підприємствах і організаціях Міністерства оборони. Складовою частиною зазначеної роботи є захист прав і законних інтересів, сприяння правовими засобами підвищення бойової готовності і поліпшення діяльності перерахованих суб'єктів, поліпшенню їх діяльності, забезпечення збереження державної власності, військового майна, зміцнення військової дисципліни та правопорядку в Збройних Силах. Своєрідність діяльності юридичної служби на сучасному етапі полягає і в тому, що її фахівці займаються правовою експертизою проектів документів з військових питань.

Однак, найгострішою проблемою, на нашу думку, що впливає на юридичні гарантії правового режиму майна військових організацій, є недолік фахівців юридичної служби.

Юридичне забезпечення реформування армії вимагає перш за все розвитку і вдосконалення військового законодавства, забезпечення законності в діяльності органів військового управління. У зв'язку з цим назріла необхідність поліпшити якість правової роботи, підвищити роль фахівців юридичної служби в наданні допомоги командуванню в процесі реформування.

Розвиток системи контролю та відповідальності посадових осіб за виконання прийнятих рішень на нашу думку можливо за допомогою створення в Міністерстві оборони дієвого органу контролю за фінансово-господарською діяльністю військ.

Підвищення рівня правосвідомості та культури особового складу (підвищення рівня правової підготовки курсантів і слухачів військово-навчальних закладів, впровадження системи законодавчої пропаганди).

У зв'язку з цим наочним прикладом може бути те, яку роль приділяють військово-юридичній службі в Збройних Силах Сполучені Штати Америки. Зазначена служба є розгалуженим апаратом, який пронизує всю військову структуру, починаючи від апарату міністра оборони і закінчуючи підрозділами. Зокрема, у міністра оборони є помічник по законодавству, який підпорядковується безпосередньо міністру і відповідає за дотримання особовим

складом законів, їх трактування та застосування органами військового управління, здійснює контакти між апаратом міністра і апаратом президента, конгресу і іншими урядовими органами. Існує і посаду генерального юрисконсульта, який так само підпорядковується безпосередньо міністру оборони, а призначається на п'ятирічний термін президентом за згодою конгресу. Він виконує функції радника міністра оборони з усіх правових питань, координує роботу військово-юридичних органів видів збройних сил, контролює виконання законів, що стосуються збройних сил.

У міністерствах різних видів збройних сил США юридичні служби так само є потужні апарати. Досить сказати, що вони мають своїх представників в Міністерстві юстиції, управлінні тилу, кожного виду збройних сил. Підрозділи юридичної служби є в армії США в ланці дивізія-бригада. Крім того, передбачено значний технічний персонал, який складається з сержантів і цивільних фахівців. Така юридична служба за різними напрямками: оперативні юристи - правове забезпечення військових операцій, група контрактного права, група розслідування військових злочинів, група з адміністративного права, претензійна група, група юридичної допомоги - консультанти, група з цивільного права. Важливим засобом забезпечення дотримання правових режимів є встановлення відповідальності за його порушення. Залежно від характеру і суспільної небезпеки цих порушень законодавство передбачає відповідальність у кримінальному, адміністративному і дисциплінарному порядку.

Правові умови встановлення і реалізації законодавства про правовий режим майна військових організацій безпосередньо кореспондують інтересам учасників цивільного обороту. І навпаки, нечіткість і недостатньо продумане встановлення режимних правил, встановлених в наказах і інструкціях, актам вищих органів влади і державного управління з режимним питань, складність і недостатня узгодженість правових норм не дають гарантій належного матеріального забезпечення життєдіяльності Збройних Сил, і може спричинити заподіяння майнової шкоди військовим організаціям.

Некомпетентність окремих керівників, незнання ними кон'юнктури ринку, слабке вивчення партнерів, а часом і корислива зацікавленість призводять до мільярдних збитків, втрат значних грошових коштів, необхідних для життєзабезпечення військ. Нерідко договори укладаються з різними комерційними структурами за завищеними цінами, на шкоду інтересам Збройних Сил в цілому і окремим військовим формуванням.

Як вітчизняний, так і зарубіжний досвід свідчить про наявність серйозних проблем зі станом законності і економічною доцільністю сталих взаємин між військовими відомствами як замовниками військової продукції і підприємствами, що виробляють зазначену продукцію при укладенні та виконанні державних замовлень на техніку і озброєння.

Найважливіше значення для Збройних Сил має якість продукції військового призначення, яка над-

ходить безпосередньо до військових частин, підрозділів. Вимоги по параметрам якості продукції прямо не визначені Цивільним кодексом, що відносить прийняття рішення з цього питання до компетенції сторін в угоді, однак, гарантією якості продукції є дія норм Цивільного кодексу.

Таким чином, до числа юридичних гарантій правового режиму майна військових організацій можна віднести гарантоване нормами цивільного законодавства право на захист власником своїх цивільних прав по відношенню до свого майна.

Крім того, юридичними гарантіями правового режиму майна військових організацій є:

наявність спеціальних державних органів - підрозділів юридичної служби Міністерства оборони, Військової служби правопорядку Збройних сил України, військових прокуратур;

наявність правових засобів забезпечення схоронності, і над цільовим використанням майна військовими організаціями - права на звернення до суду;

надання органам військового управління права здійснювати контроль за дотриманням підлеглими правового режиму майна військових організацій;

наявність спеціальної нормативно-правової бази, що регулює правовий режим майна військових організацій.

Висновок.

Характеристика майна військових організацій може бути визначена саме за допомогою використання такої категорії, як правовий режим. Застосовувати до майна категорії "правового становища" або "правового статусу" було б не коректним, на нашу думку. Так як, власне майно ніякими правами не володіє і володіти ними не може. Воно лише відчуває на собі вплив посадових осіб органів військового управління, посадових осіб військових організацій, а також є предметом цивільного обороту.

Підсумком цього дослідження, слід визнати той факт, що, стосовно більшості військових частин, з'єднань і об'єднань, що виконують завдання бойової підготовки, правовий режим наявного у них майна, визначається, військово-адміністративною практикою, ніж нормами цивільного права.

Нормативно-правові акти, що регулюють правовий режим майна військових організацій, встановлюють два основні обов'язки посадових осіб: своєчасно подавати заявки на матеріально і грошові кошти для потреб очолюваних ними організацій, і здійснювати контроль за економним і цільовим їх використанням.

Господарське забезпечення військ виражається в адміністративній діяльності органів військового управління, заснованої на правових актах вищих органів влади, що носить обов'язковий і безумовний характер виконання, що має велику ступінь змінності і спрямованої на забезпечення військових організацій всім необхідним майном і гарантує його збереження та цільове використання.

Правовий режим майна військових організацій служить не тільки справі безпеки суспільства, а й відповідає його інтересам, все в більшій мірі стає

інструментом забезпечення життєдіяльності Збройних Сил. За допомогою інституту правового режиму майна військових організацій держава прагне створити баланс між повною господарською правосуб'єктністю військових організацій і порядком її реалізації з точки зору її здійснення в спеціально охороняється і контрольованій сфері суспільних відносин, що складаються в сфері забезпечення обороноздатності держави та його безпеки.

Правовий режим майна військових організацій можна розглядати як попереджувально-правову міру, що проводиться державою в інтересах забезпечення життєздатності та високої боєготовності Збройних Сил, охорони громадського порядку, яка полягає у встановленні спеціальних заходів оголоженні предметів, вилучених з цивільного обороту (зброї, боєприпасів, сильнодіючих радіоактивних і вибухових речовин), від заволодіння ними.

В даній статті були визначені юридичні гарантії, крім цього, юридичною гарантією правового режиму майна військових організацій є:

- встановлення спеціального виду відповідальності - матеріальної відповідальності військовослужбовців за заподіяну ними при виконанні службових обов'язків матеріальну шкоду.

Список літератури

1. Цивільний Кодекс України: Закон, Кодекс від 16.01.2003 № 435-IV URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (дата звернення 06.01.2019).
2. Про правовий режим майна у Збройних Силах України: Закон України від 21.09.1999 р. № 1075-XIV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1075-14> (дата звернення 13.11.2018).
3. Про передачу об'єктів права державної та комунальної власності: Закон України від 03.03.1998 № 147/98-ВР. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/147/98-%D0%B2%D1%80> (дата звернення 03.12.2019).
4. Наказ Міністерства оборони України від 16.07.97 N 300 «Про затвердження Положення про військове (корабельне) господарство Збройних Сил України». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0615-97> (дата звернення 06.01.2019).
5. Постанова Кабінету міністрів України від 2 листопада 1995 р. N 880 «Про затвердження Переліку військового майна, нестача або розкрадання якого відшкодовується винними особами у кратному співвідношенні до його вартості URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/880-95-%D0%BF> (дата звернення 06.01.2019).
6. Постанова Верховної Ради України «Про право власності на окремі види майна»; Постанова Верховної Ради України від 17.06.1992 № 2471-XII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2471-12> (дата звернення 06.01.2019).
7. Постановою Верховної Ради України від 23 червня 1995 року «Про затвердження Положення про матеріальну відповідальність військово-службовців за шкоду, заподіяну державі». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/243/95-%D0%B2%D1%80> (дата звернення 06.01.2019).
8. Про управління об'єктами державної власності: Закон України від 21.09.2006 № 185-V. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/185-16> (дата звернення 13.11.2016).
9. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: Ан СССР, 1948.

PEDAGOGICAL SCIENCES

THE INFLUENCE OF GRAMMATICAL GENDER IN LANGUAGES TO THOUGHT

*Muradova U.
Ahmadova Z.*

Abstract

The article reviews the correlation between grammatical gender in languages and thought, which is the core of the Sapir –Whorf hypothesis. Although the idea that language and thought are intertwined is ancient, dating back to Plato, St. Augustine, Immanuel Kant, it is quite often linked to the writings of Benjamin Lee Whorf. According to Whorf, since languages differ, the people who use them should vary too.

Cognitive development has a more profound impact on language development than the other way around and vice versa. In almost every instance, by numerous studies, the influence of thought on language has been supported so far. However, the potential effects of grammatical genders on perception are among the more troubled areas of psychological research.

Quite a few languages are known to have grammatical gender in their noun classes, including inanimate objects. Russian, French, Spanish, and Arabic are all examples of this group. In French, for instance, coffee and salt are of masculine gender. In Arabic, cup, desk, and the calendar year are feminine. Native speakers of these languages should be responsible for using right definite articles and pronouns; even they alter adjectives for gender agreement.

In this article, it is studied that grammatical gender can have **conspicuous** and surprising influences on cognition. So linguistic gender can affect into other mental processes, such as to judge and categorize inanimate and abstract nouns as having a gender in real life. Results come from psycholinguistic experiments investigating grammatical gender effect in verbal and non-verbal communication, evaluating the interaction of grammatical gender with semantic information.

Keywords: grammatical gender, gendered languages, genderless languages, thought, perception, way of thinking.

INTRODUCTION

It is of prime importance to put words together in a group that shares common features to arrange a language accurately. It helps to acquire a determinate amount of grammar rules being applied to these word groups rather than learning every single word and its features related to the way of its usage in a sentence

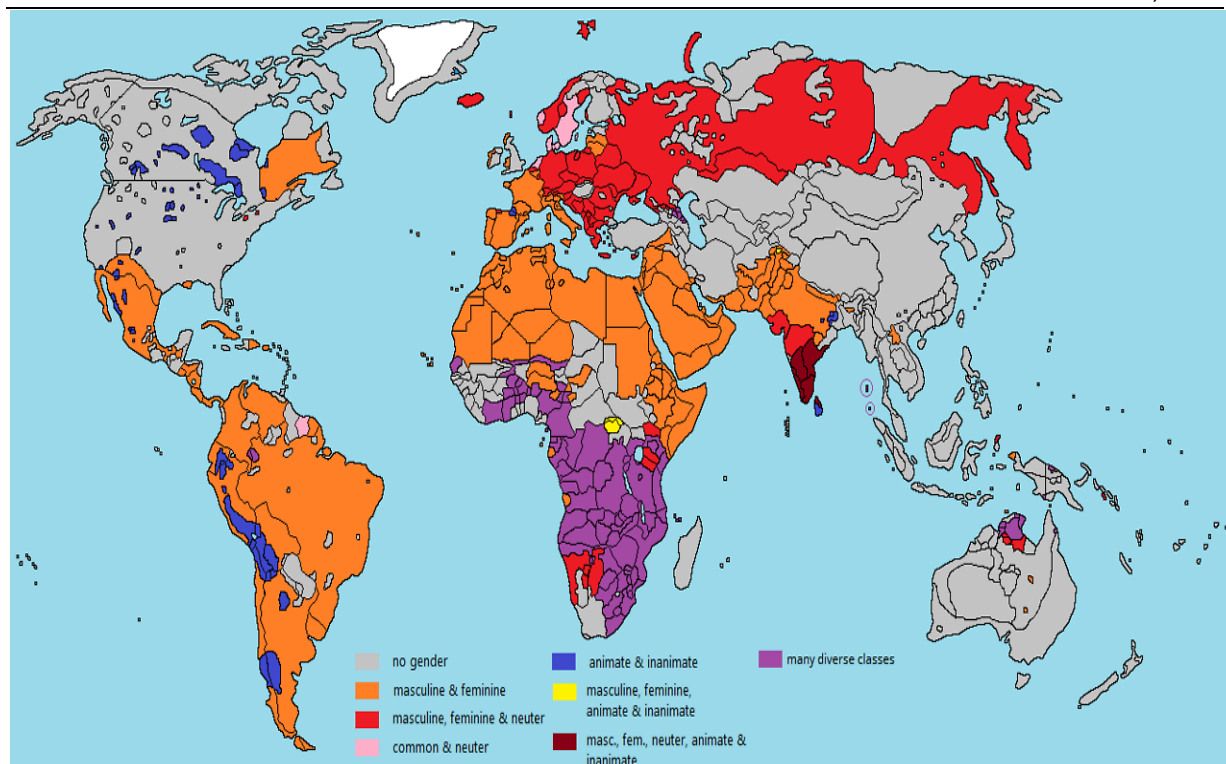
There are some general features in different languages that are taken as a core of grouping words together, such as morphological, syntactic, and semantic characteristics, one of which is gender category. That is, gender is simply another way of creating these noun classes. That is the reason why the terms “grammatical gender” and “noun class” are actually considered to be synonyms.

Nonetheless, grouping words together under this term is a far more fascinating way because ties to real-life about natural genders of nouns are conspicuously seen on some animate nouns like “girl,” “lioness,” while this is not the case with most nouns, especially with inanimate ones such as “book,” “dream.” This makes it rather difficult to perceive the connection between word and its grammatical gender, thus assigning grammatical genders to words is often considered as a bizarre and somewhat random task.

Despite differences of opinions over the number of the languages existing on the Earth, philologists roughly calculate that nearly twenty-five percent of the languages in existence use grammatical genders. It can be perplexing for the speakers of genderless languages to encounter words with grammatical genders in other languages, yet this is, in fact, quite a common phenomenon. To illustrate most Indo-European languages make use of grammatical genders, so do some others in the Middle East and Africa. German, Spanish, Russian, Arabic, and Hebrew, among others, all differ in numbers of grammatical genders. A typical division often appears to be a male-female group. Another includes adding a third – neuter – gender.

For instance, most Romance languages today only have the male-female distinction, German, Dutch, and the Slavic languages can be a few examples for those that have introduced the additional neuter gender.

The Indo-European languages, all the modern Turkic languages, Chinese, Japanese, Korean, Bengali, all the Austronesian languages, Persian and Central Kurdish, all the Uralic languages such as Hungarian, Finnish and Estonian include genderless languages.

Even a complex system of grammatical gender existed in Old-English, the forefather of the modern-day version. At the same time most features of this classification vanished throughout the history. However, some remaining still stick around in modern English, the most obvious example of which are the personal pronouns (“he,” “she,” “it”) and a few words in use that have distinct male-female forms such as “steward – stewardess,” “waiter-waitress,” “god-goddess.”

Interestingly enough, although Scandinavian languages share familiar linguistic peculiarities, to some extent, different gender systems are used in the aforementioned languages. That is to say, while the masculine, feminine, and neuter division is specific to Norwegian words, the masculine and feminine have merged into one *common* gender being used to ascribing to people in Swedish and Danish.

Despite the limited number of the gender classes with these languages, counting only two or three categories, but there exist far more extreme examples of grouping nouns according to the gender. For instance, the Zande language of Africa allocates nouns into four gender classes: masculine, feminine, animal, and inanimate. Interestingly, some inanimate objects that are of prime importance in Zande mythology include animate nouns. Besides, genders in the Fula language add up to approximately twenty. Natural sex does not serve a function in the classification –one common gender includes both human males and females, which is stunning enough.

It is not the items themselves that have the gender assigned to them. Namely, it is not the hat (*un chapeau* in French) itself that’s masculine. In this day and age, the differentness between masculine and feminine words might be considered erratic, but it stands to a reason that there must have been an essential justification for such systems to build up. The words could merely

have been grouped together based on some characteristics that were crystal clear to our ancestors but are known no more. It calls for scrutiny in the field of linguistics, since allocating to one might show up some very apparent real-world outcomes.

In the Ket language of Siberia, nouns of no account to the Ket society are feminine, whereas objects of importance such as fish, wood appear to be masculine. It is more likely to have been a sign of women’s status in Ket society.

It appears from the abovementioned example about Ket Language that grammatical gender in a language can have considerable and perplexing effects on cognizance. If we consider about a language where each word having a positive connotation is included in the female gender and everything negative unlikable is masculine, for sure it would imbue the members of that society with the idea that feminine is equal to good, but masculine to evil, to some extent it would reflect the way how members of that society deem men and women. (*Dul’son, A. P. 1968*)

Furthermore, the existence of grammatical genders in languages seems to influence the way how people view and perceive the notions around. As mentioned above, while genders appear to be a way of grouping words together, allocation of them into feminine and masculine will, without a shadow of a doubt, engenders a tie to real-world females and males.

Some initiatory evidence asserts that it is most likely to be (*Jacobson 1966, Konishi 1993, Sera, Berge, and del Castillo 1994*). Russian speakers (a language with grammatical genders) were asked to impersonate days of the week in one study (reported in *Jacobson 1966*). Once they were requested to do the abovementioned task, the subjects continuously imagined grammatically masculine days as male and grammatically feminine days as female, without bringing a

reasonable explanation as to how they put such a characterization forward.

As can be viewed from the above-mentioned example, influencing human cerebral processes linguistic gender can orientate speakers to categorize inanimate and abstract nouns as if they genuinely have a gender, which is beyond the bounds of possibility.

To a greater extent, there exist far more substantial examples, one of which is a *fatwa* (Muslim religious decree) issued by a cleric associated with the Muslim Brotherhood. *India Today* reports that this decree puts women a stop to swim in the sea. He exonerates this prohibition declaring the reason that the Arabic word for 'sea' (بحر) is grammatically masculine, and in case a woman goes swimming and "the water touches the woman's private parts, she becomes an 'adulteress' and should be punished." Then, what if a man goes into the sea? Should it be considered a homophile experience and punished? It is also worthy of noting that this *fatwa* implies the pre-eminence of Arabic in Islam. What about the fact that there exists an enormous number of non-grammatical gender-based languages spoken natively by **large** numbers of Muslims such as Turkish and other Turkic languages in Central Asia and the central Volga region of Russia, Persian or Indonesian? Does the very prohibition make a sense for many Muslims with regard to their native languages?

This *fatwa* may appear to be asserted by a man of religious extremism as an excuse thereof not considered genuine, but this issue is worth considering from the linguistic and cultural point of view.

Such literal construal of grammatical gender may seem nonsensical. Yet, several experiments in the field of psycholinguistics assert that grammatically masculine words in "gendered" languages are, in point of truth, associated with more "masculine" properties and grammatically feminine words with more "feminine" attributes by the native speakers of those languages.

A researcher team was also determined to answer this intriguing question with the assistance of an experiment conducted in 2002 in which German and Spanish speakers were involved, creating a list of two dozen objects that hold opposite genders in Spanish and German, thus in each language, half of the objects were masculine and half were feminine. All the participants were native Spanish speakers and native German speakers, all of whom were fluent in English. They were required to describe each item by three adjectives given on the list speaking and using materials written in English. To conclude, the grammatical gender category of affected participants' judgments. In other words, since the item "key" is of masculine gender in German and feminine in Spanish, German speakers in the study had a propensity to depict the very word using the following words: *hard*, *heavy*, *jagged*, *metal*, and *useful* while Spanish speakers used adjectives such as *golden*, *intricate*, *little*, *lovely*, and *tiny* when describing keys. The second word taken for the experiment was "bridge," which appears to be feminine in German and masculine in Spanish. Bridges were described with the assistance of the attributes such as *beautiful*, *elegant*, *fragile*, *pretty*, and *slender* German speakers, while

Spanish speakers asserted that they were *big*, *dangerous*, *strong*, *sturdy*, and *towering*. (Lera Boroditsky, Lauren A. Schmidt & Webb Phillips 2003)

In the same experiment, German and Spanish speakers were asked to have a look at picture couples with no written labels, and participants did not converse during the assignment. Each pair contained of a picture of a person and an object, which should be rated how congruent with each other. Interestingly, both Spanish and German speakers deemed couples to be far more congruent if the biological sex of the person in the picture coincides with the grammatical gender of the object. To illustrate, a couple made up of a bridge and a man gives a Spanish speaker the impression of being similar, but not at all to a German speaker. (Lera Boroditsky, Lauren A. Schmidt & Webb Phillips 2002)

CONCLUSION:

As can be shown, people's thinking can be affected by grammatical gender, either when one is speaking a language with no grammatical gender — or even when he is not speaking any language at all! While the aforementioned several examples might seem like very absurd assignment; it is lucid that filtering the universe through a lens of masculine versus feminine can lead to some *very deep-rooted prejudice*.

Scrutiny is, therefore, needed in grammatical genders in languages, since the majority of people suppose to live in a world being of no sex discrimination anymore, leaving the worst of gender biases behind. However, what if the language, a means we use every minute throughout the 50 years' life expectancy, can influence our way of thinking - taking a cleric as an example who declares the prohibition of the swimming of women in the sea due to the masculine gender of the word for "sea" in Arabic. That being the case, we seem not to be yet free of hackneyed ideas about biological sexes. It is like the butterfly effect, a part of chaos theory. Our thoughts are likely to be affected by small scale, inconspicuous aspects of a language, subsequently in more ways. It's not astonishing that some languages are likely to eliminate using grammatical genders undergoing such a kind of pressure. For instance, there are ideas that German is on the verge of limiting its use of genders and plans to go to a more neutral language.

A more considerable gender disparity is linked to the usage of grammatical genders according to several other studies. Surprisingly, quite a few societies in which non-grammatical gender-based languages are spoken more likely to observe gender inequality on a daily basis. It is, no doubt, necessary to bear in mind that a few studies can hardly be a stable basis for anything, but at least require further investigation.

Grammatical features of a language are supposed to influence people's mindset. Studies unveil the effects of grammatical gender on how people perceive the environment they live in, more specifically, how they depict the objects. It is striking that even gender disparity can be affected by the grammatical gender of the language of the speaker. Considering both the fact that languages differ, having quite a few different grammatical aspects, lexical sources, and semantic features and its

effects of mind, it's no surprise to find a large number of differences even among people's thoughts.

References

1. Boroditsky, L., and Schmidt, L., and Phillips, W. (2002). Can quirks of grammar affect the way of thinking? Spanish and German speakers' ideas about the genders of objects Manuscript submitted for publication
2. Boroditsky, L., and Schmidt, L. (2000). Sex, syntax and semantics. Proceedings of the Cognitive Science Society, 22, 42-47
3. Dul'son, A.P. 1968. Ketskij jazyk (The Ket language). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo Universiteta
4. Edward Sapir, Language an introduction to the study of speech, new york: harcourt, brace, 1921
5. Fodor, I. (1959). The origin of grammatical gender I. Lingua, 8,1.
6. In Dedre Getner & Susan Goldin-Meadow (eds.), Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought. MIT Press. pp. 61-79 (2003) (2002)
7. Jakobson, R. (1966). On linguistic aspects of translation. In R. A. Brower (Ed.), On Translation (pp. 232-239). New York: Oxford University Press.
8. Konishi, T. (1993). The semantics of grammatical gender: A cross cultural study. Journal of Psycholinguistic Research, 22, 519-534 .
9. Sera, M.D., Berge, C.A. H., & del Castillo Pintado, J. (1994). Grammatical and conceptual forces in the attribution of gender by English and Spanish speakers. Cognitive Development, 9(3), 261-292
10. Slobin, D. (1996). From " thought and language" to thinking for speaking". In J.J. Gumperz and S. C. Levinson (Eds.), Rethinking linguistic relativity (pp. 70-96). Cambridge: Cambridge University Press.
11. Whorf, B. (1956). Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf (J.B. Carroll, Ed.). Cambridge, Ma: MIT Press
12. <https://www.indiatoday.in/world/rest-of-the-world/story/fatwa-al-azhar-university-cairo-women-swimming-in-sea-adultresses-218976-2013-11-28>

МОНИТОРИНГ КАЧЕСТВА СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Зевина Л.В.

к.п.н., доцент, Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, г. Ростов-на-Дону

MONITORING THE QUALITY OF THE TEACHERS 'TRAINING SYSTEM IN THE CONDITIONS OF EDUCATION MODERNIZATION

Zevina L.

Candidate of Science, associate professor of Rostov Institute for Advanced Studies and Professional Retraining of Educators, Rostov-on-Don

Аннотация

В данной статье представлена комплексная модель мониторинга качества повышения квалификации учителей математики и естественно-научных дисциплин в системе дополнительного профессионального образования в условиях модернизации образования. Раскрывается значимость, проблемы и перспективы мониторинговых исследований в сфере повышения квалификации учителей общеобразовательных организаций в системе непрерывного профессионального образования.

Abstract

This article presents a comprehensive model for monitoring the quality of advanced training for teachers of mathematics and natural science disciplines in the system of additional professional education in the context of education modernization. The significance, problems and prospects of monitoring studies in the field of professional development of teachers of general educational organizations in the system of continuing professional education are revealed.

Ключевые слова: федеральный государственный образовательный стандарт, профессионального стандарта, качество повышения квалификации, мониторинг, мониторинговые исследования, профессиональные компетенции, динамика результатов, дополнительное профессиональное образование, методическая поддержка и сопровождение, методические активности, командное исследование, облачные технологии, инновационные проекты, культура педагогической деятельности.

Keywords: federal state educational standard, professional standard, quality of professional development, monitoring, monitoring studies, professional competencies, dynamics of results, additional professional education, methodological support and support, methodological activities, team research, cloud technologies, innovative projects, culture of pedagogical activity.

Мониторинг качества системы повышения квалификации (ПК) учителей математики и предметов естественнонаучного цикла в условиях инновационной инфраструктуры дополнительного профессионального образования (ДПО) на кафедре математики и естественных дисциплин Ростовского областного института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (далее Институт) представляет собой комплексную систему, включающую 3 структурных компонента:

1) целевой проект института по интеграции научно-теоретических основ, методологии и актуальных инструментов мониторинга системы ДПО (автор проекта – Королева Л.Н., проректор по научно-методической работе, канд. пед. наук, доцент).

2) модель мониторинга ПК педагогов в системе ДПО, разработанная кафедрой математики и естественных дисциплин Института (кафедральная модель);

3) фоновый мониторинг.

Целевой проект института - это инновационный комплекс мониторинговых исследований, успешно апробированный в институте в 2017-2018 учебном году, в настоящее время включает модель анализа динамики развития профессиональных компетенций (предметных, метапредметных, коммуникативных и психолого-педагогических) всех участников ПК и методической поддержки (МП), методического сопровождения (МС), а также степени удовлетворенности участников процессом и его результатами. При этом мониторинговые исследования на кафедре проводятся по двум основным направлениям деятельности Института:

- анализ качества освоения участниками ДПО государственных стратегий развития российского образования и практик их реализации в условиях курсов повышения квалификации и методических активностей, организованных Институтом, а также степени их удовлетворённости процессом и результатами ДПО;

- определение динамики развития профессиональных компетенций участников ДПО, обобщение результатов комплексного анализа в фокусе оценки качества и ресурсов развития современной системы ДПО в условиях кафедры.

Кафедральная модель мониторинга ПК педагогов в системе ДПО разработана на основе стратегических положений Федеральных государственных образовательных стандартов, профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель)», Концепции развития математического образования России, а также положения об общественно-государственной экспертизе образовательных программ повышения квалификации, региональных требованиях к минимуму содержания и качеству дополнительных профессиональных модульных образовательных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогических кадров, положения об итоговой аттестации слушателей и др.

Фоновый мониторинг осуществляется через призму аналитической деятельности специалистов кафедры, выполняющих содержательный анализ результатов ВПР, ГИА в форме ОГЭ по математике и естественным дисциплинам (физика, химия и биология).

Методологическую и теоретическую основу представленной комплексной модели мониторинга составляют:

- концепции о человеке как субъекте деятельности, о личности, индивидуальности (Л.С. Выготский, В.П.Зинченко, А.Н.Леонтьев, А.В.Петровский, К.К.Платонов, С.Л.Рубинштейн);

- теория содержания образования (В.В.Кравевский, В.С. Леднев, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин, В.Т.Фоменко);

- теория организации (А.А.Богданов, И.П.Раченко, Ф.Тейлор, К. Ушаков);

- теория самоорганизации (И.Пригожин, Г.Хакен, С.В.Кульневич и др.);

- теория педагогических систем и технологий (В.П.Беспалько, В.В.Гузев, В.М.Монахов, И.П.Раченко, В.В.Сериков, Г.К.Селевко, В.Т.Фоменко, М.Чошанов);

- теории целостного педагогического процесса, развития педагогической культуры и педагогического творчества, личностной ориентации образования (В.И.Андреев, Ю.К.Бабанский, Е.В.Бондаревская, В.И.Загвязинский, В.А.Кан-Калик, Н.В.Кузьмина, И.П.Раченко, М.М.Поташник, В.В.Сериков, В.Т.Фоменко, И.С.Якиманская);

- концептуальные основы непрерывного образования, структуры и функций профессионально-педагогической деятельности учителя (О.А.Абдулина, С.Г.Вершловский, Д.М.Зембицкий, Н.В.Кузьмина, Ю.Н.Кулюткин, И.А.Колесникова, В.А.Сластенин, П.В. Худоминский, Н.М.Чегодаев и др.);

- исследования в области диагностики (В.М.Антипова, Е.А.Михайлычев, Сафонцев С.А. и др.);

- исследования проблемы смысла (К. Роджерс, В. Франкл, Д.А.Леонтьев, Н.Е. Щуркова, В.Т. Фоменко; И.В. Абакумова);

- исследования в области повышения квалификации учителей (Т.Г.Браже., С.Г.Вершловский, И.А.Колесникова, Л. Н. Королева, Э.М.Никитин, Н.М.Чегодаев, С.Ф. Хлебунова).

Мониторинг профессиональных компетенций педагогов, преподающих математику и предметы естественнонаучного цикла, и качества повышения квалификации в системе ДПО осуществляется на основе 4 принципов:

- научность (опора на новейшие достижения педагогической науки и передовой практики, современной теории управления);

- целостность и непрерывность (рассмотрение объекта мониторинга во взаимосвязи всех его компонентов);

- дуальность (исследование объекта в аспекте диверсификации (увеличение многообразия) или конвергенции (сохранение разнообразия) с целью

установления устойчивого развития объекта изучения).

- прогностичность (получение данных, позволяющих прогнозировать возможные изменения в путях достижения поставленных целей).

Реализация комплексной модели мониторинга нацелена на выявление актуального уровня профессиональных компетенций педагогов и преодоления выявленных профессиональных дефицитов как в предметных, так и в других профессиональных компетентностях учителей, преподающих математику и предметы естественнонаучного цикла, на основе выявленных ресурсов.

Кафедральная модель мониторинга включает в себя входную диагностику, текущий контроль в ходе занятий каждой сессии (наблюдение, педагогический диктант и др.), межсессионный контроль (домашние задания с учетом персонального интереса по выбору слушателя), промежуточную аттестацию (в том числе групповую рефлексию по итогам каждой сессии), итоговую аттестацию; межкурсовую диагностику педагогов в процессе проведения мероприятий методической активности.

Среди методических активностей, системно проводимых кафедрой в межкурсовый период, следует выделить мониторинг ПК творчески работающих педагогов образовательных организаций Ростовской области в рамках двух инновационных проектов «Учитель профильной школы» (автор, координатор - Зевина Л.В.) и «Научно-практическая лаборатория учительского роста» (НПЛ), научный руководитель Зевина Л.В.

Подробнее: <http://www.ripkro.ru/proekty-i-programmy/natsionalnyy-proekt/>

<http://www.ripkro.ru/proekty-i-programmy/nauchno-prakticheskaya-laboratoriya-uchitelskogo-rosta/>

В результате реализации комплексной модели мониторинга в 2019 году была выявлена динамика развития профессиональных компетенций педагогов обучающихся на курсах ПК и принимавших участие в мероприятиях методической активности в течение данного периода.

В целом анализ результатов курсовой работы, проведенной кафедрой в 2019 году, выявил положительную динамику развития профессиональных компетенций учителей математики, физики, химии, биологии и физики (показатели в среднем от 11% до 32%). При этом высокий уровень удовлетворенности степенью развития метапредметных, коммуникативных, психолого-педагогических и предметных компетенций в итоге курсов отражают показатели в среднем от 88% до 99% (Таблица 1).

Результаты сопоставительного анализа показателей входной и итоговой аттестации, а также итогового самоанализа (индивидуальной рефлексии) обучающихся на курсах ПК педагогов, преподающих математику и предметы естественнонаучного цикла, позволяют сделать определенные выводы.

Слушатели отмечают высокую степень удовлетворенности процессом и результатом дополнительного профессионального образования по следующим показателям:

- оснащенность аудиторного фонда современным компьютерным оборудованием и информационными ресурсами;

- осмысление государственных стратегий в рамках предложенного содержания учебной программы (овладение идеями ФГОС, профстандарта «Педагог», современными образовательными технологиями, а также мониторингом и оценкой качества образования, в том числе при подготовке и анализе результатов ОГЭ и ЕГЭ);

- освоение методики преподавания преподаваемого предмета и способов эффективного использования существующих УМК из Федерального перечня учебников.

Также было установлено, что ресурсом эффективности повышения квалификации является комплекс следующих факторов:

✓ методическая поддержка и персональное сопровождение профессионального развития педагогов в следующих направлениях:

- воспитание духовно-нравственной личности средствами преподаваемого предмета;

- инклюзивное образование детей с ОВЗ и инвалидов;

- педагогическая конфликтология (конструктивный конфликт);

- особенности работы в классах с наличием детей различной национальности и уровнем владения русским языком;

✓ совершенствование организации повышения квалификации учителей посредством:

- включения в инновационную профессиональную среду общения на уровне региональной системы образования (РИК, сетевые сообщества, среда Wiki);

- изучения лучших педагогических практик и национальной системы профессионального роста педагогических кадров в режиме онлайн (вебинары, ресурсы сети Интернет, сетевое сообщество) и посредством мастер-классов учителей-инноваторов;

- активного использования ситуативных технологий, деловых игр в ходе курсов.

Табл.1.

Результаты мониторинга качества системы ПК

№ п/п	Количество участников курсов ПК// участников мониторинга ка- чества системы ПК	Профессио- нальные ком- петенции	Показатели динамичности развития про- фессиональных компетенций участников (ПКУ)		
			Оценка (высокий уровень в %)		
			Входная ди- агностика	Итоговая аттестация	Динамика раз- вития ПКУ (в %)
	692/683	- метапредмет- ная	66%	98%	32%
		- коммуника- тивная	83%	99%	16%
		- психолого - педагогиче- ская	72%	88%	16%
		- предметная	81%	92%	11%

Анализ результатов проведенных методиче-
ских активностей позволил установить глубокую
личностную заинтересованность учителей матема-
тики, принявших участие в каждой методической
активности, и которых в целом можно назвать це-
левой аудиторией. Об это свидетельствует высокий
показатель степени удовлетворенности на всех
уровнях, в том числе предметом и личностным, – в
среднем 92% и 91% соответственно (Таблица 2).

На проведенных кафедрой семинарах были
выявлены различные возможности повышения эф-
фективности современного урока и как следствие,
качества обучения математике и предметам есте-
ственнаучного цикла в логике ФГОС в условиях
ВПР, ГИА в форме ОГЭ и ЕГЭ.

На основе анализа результатов методических
активностей к возможным механизмам повышения
качества и эффективности системы методической
поддержки и методического сопровождения в кон-
тексте определения перспектив профессионального
роста учителей математики и предметов естествен-
нонаучного цикла можно отнести, с одной стороны,
использование внешних факторов (новых техноло-
гий, УМК, электронных ресурсов и др.), с другой
стороны, использование внутренних резервов пу-
тем включения учителей в интерактивный процесс
обучения на ситуативной основе (например, дело-
вая игра, мастер-класс).

Однако, как показывает практика исследова-
ния, самым эффективным механизмом в настоящее
время педагоги признают включенность их в ко-
мандную исследовательскую деятельность по апро-
бации инновационной модели учительского роста в
НПЛ в рамках регионального инновационного кла-
стера (РИК). Так, анализ эссе участников системы
семинаров в рамках НПЛ показывает как эффекты
(все возрастающий уровень ИКТ-компетентности

педагогов, позволяющий им все более уверенно ис-
пользовать облачные технологии в образователь-
ных целях; преобразования в организационной
культуре педагога; стремление и развитие способ-
ности к коммуникации и работе в команде), так и
ресурсы личностного роста и профессионального
развития педагога (готовность к открытому диа-
логу; способность размышлять над проблемами в
практической деятельности и выдвигать различные
способы их решения; критичность мышления; уро-
вень рефлексивного опыта (ценностно-смысловая
рефлексия) и др.).

Актуализация методических компетенций пе-
дагогов в формате ежегодного регионального Фе-
стиваля-Конкурса «Учитель профильной школы»
является самым крупным мероприятием в системе
кафедральной модели мониторинга качества ПК и
качества ДПО.

Так, анализ результатов этого события в 2019
году наряду с выявленными положительными тен-
денциями в неуклонном развитии и расширении ка-
тегорий и географии участников фестивального
движения, а также роста качества представляемых
конкурсных образовательных продуктов творчески
работающих педагогов Дона по актуальным про-
блемам современной школы, позволил определить
ресурсы повышения уровня профессиональных
компетенций. Так, на фоне достаточно высокого
уровня предметных компетенций, педагоги демон-
стрируют недостаточный уровень коммуникатив-
ных и психолого-педагогических. Несмотря на то,
что уже обнаружены ростки инновационного опыта
в области инклюзивного образования, обучения де-
тей с ОВЗ и инвалидов с сохраненным интеллек-
том, а также детей различных национальностей и
разным уровнем владения русским языком, эти
направления деятельности являются векторами
профессионального развития на ближайшее время.

Таблица 2.

Результаты мониторинга качества системы МП и МС

№ п/п	Количество семинаров// количество участников мониторинга качества системы МП и МС	Степень удовлетворенности содержанием по проблеме на уровнях	Оценка		
			высокая	удовлетв.	критич.
	41/ 1585	- предметный	92%	8%	0%
		- метапредметный	89%	11%	0%
		- личностный	91%	9%	0%

Особую значимость в мониторинговой системе профессиональных компетенций учителей, как основы актуализации содержания ПК имеет фоновый мониторинг профессиональных компетенций учителей математики и учителей, преподающих предметы естественнонаучного цикла в 2019 году, на основе анализа результатов ВПР и ГИА в форме ОГЭ.

В 2019 учебном году кафедрой был проведен содержательный анализ результатов ВПР по математике (5 и 6 классы), по физике и химии (11 класс), по биологии (5, 6 и 11 классы), а также результаты ГИА в формате ОГЭ в 9 классах (математика и предметы естественнонаучного цикла). В итоге наряду с положительными сторонами естественно-математического образования в регионе выявлены ресурсы повышения качества образовательных результатов у обучающихся в школах Ростовской области и преодоления профессиональных дефицитов учителей. Эти затруднения педагогов связаны с выявленными проблемами в естественно-математической подготовке обучающихся в основной школе, решение которых послужит повышению результатов государственной итоговой аттестации в форме ОГЭ и ЕГЭ, такими как:

- недостаточный опыт смыслового чтения и работы с объемным и оригинальным текстом (связано с учебными затруднениями детей – вести поиск и выделение необходимой информации; целостно воспринимать содержание задачи с практическим содержанием, опираясь на свой жизненный опыт);

- недостаточный опыт решения нетиповых разнообразных практических задач, требующих умения сопоставлять и исследовать модели с реальной ситуацией, в том числе, используя аппарат теории вероятностей и статистики (вероятно, это связано с тем, что таких заданий практически нет в современных учебниках из Федерального перечня учебников);

- недостаточный опыт выполнения оригинальных задач и сложных заданий, подобных олимпиадным задачам, выходящих за рамки требований ФГОС ООО (по авторскому замыслу создателей ВПР такие задания направлены на выявление одаренных в области математики и естественных дисциплин школьников и построение их индивидуальных образовательных траекторий);

- недостаточное владение элементами содержания / умений и видов деятельности на повышенном и высоком уровнях;

- выполнять преобразования алгебраических выражений в более сложных случаях;

- решать более сложные неравенства;
- строить и читать графики функций в нестандартной ситуации;

- строить и исследовать простейшие математические модели;

- проводить доказательные рассуждения при решении задач, оценивать логическую правильность рассуждений, распознавать ошибочные заключения в более сложных ситуациях.

Комплексная оценка результатов мониторинга профессиональных компетенций учителей позволила разработать целевые рекомендации для повышения уровня естественно-математической подготовки выпускников основной школы.

Учителям математики, физики, химии и биологии рекомендуется:

- содействовать формированию у обучающихся:

- позитивных эмоций в процессе образовательной деятельности, в том числе от нахождения ошибки в своих построениях, как источника улучшения и нового понимания;

- способности преодолевать интеллектуальные трудности, решать принципиально новые задачи, проявлять уважение к интеллектуальному труду и его результатам;

- способности к постижению основ математических моделей реального объекта или процесса, готовности к применению внутренней (мысленной) модели математической ситуации (включая пространственный образ);

- умения пользоваться заданной математической моделью, в частности, формулой, геометрической конфигурацией, алгоритмом, оценивать возможный результат моделирования (например - вычисления);

- овладение техникой смыслового чтения текстов по изучаемому предмету;

- стимулировать решение заданий всеми обучающимися различными способами, в том числе нестандартных практических задач, требующих умения сопоставлять и исследовать модели с реальной ситуацией, в том числе, используя аппарат теории вероятностей и статистики, а также житейский опыт;

- на уроках больше внимания уделять развитию вычислительной культуры обучающихся (устные и письменные вычисления, прикидка и оценка полученного результата и др.);

- не планировать на уроках и в домашних заданиях решение большого количества однотипных заданий по алгоритмам; не

«натаскивать» на образцы решения типовых заданий КИМ ВПР и ОГЭ по предмету;

- систематически на уроках и в домашних заданиях (в части «по выбору») предлагать обучающимся решать разнообразные нестандартные текстовые задачи, задачи на смекалку, а также задания повышенной сложности, подобные олимпиадным. Это послужит развитию познавательного интереса и позволит выявить как творческий потенциал каждого школьника, определить наиболее способных к данному предмету детей и выстроить индивидуальную образовательную траекторию;

- совместно с обучающимися:

- проводить анализ учебных и жизненных ситуаций, в которых можно применить математический аппарат и математические инструменты (например, динамические таблицы), и то же - для идеализированных (задачных) ситуаций, описанных в тексте задания;

- создавать и использовать наглядные представления о математических объектах и процессах, рисуя наброски от руки на бумаге и на классной доске, с помощью компьютерных инструментов на экране, строя объемные модели вручную и на компьютере (с помощью 3D-принтера);

- включать в процесс обучения ресурсы информационной образовательной среды по преподаваемому предмету (ЭФУ, электронные приложения и специальные учебные пособия к УМК по предмету) для расширения возможностей успешного освоения содержания предмета на уроках обучающимся с различным уровнем предметной подготовки и потребностями в его изучении;

- на уроках химии систематически включать выполнение школьного химического эксперимента в виде лабораторных и демонстрационных опытов;

- на уроках физики систематически планировать проведение школьного физического эксперимента в виде демонстрационного опыта, лабораторных работ;

- увеличить количество практико-ориентированных заданий, выполнение которых позволит школьникам использовать приобретенные знания и умения в практической деятельности и повседневной жизни.

Руководителям общеобразовательных организаций каждого муниципального объединения региона рекомендуется:

- спланировать на школьном уровне для преодоления профессиональных дефицитов системную методическую поддержку учителей, желающих их преодолеть, с использованием разнообразных организационных форм (в том числе наставничество);

- создать условия профессионального развития учителей и обновления их педагогической

деятельности в контексте новых ценностей, отношений и технологий контрольно-оценочной деятельности на основе использования двух моделей учительского роста, разработанных кафедрой математики и естественных дисциплин института: «Гуманизация образовательных отношений на уроках математики в логике ФГОС» и «Демократизация контрольно-оценочной деятельности учителя математики в логике ФГОС» (подробно на сайте института <http://www.roipkpro.ru/modelissu.html>).

Список литературы

1. Планирование обязательных результатов обучения математике/ Л.О. Денищева, Л.В. Кузнецова, И.А. Лурье и др.; Сост. В.В. Фирсов. – М.: Просвещение, 1989. – 237 с.: ил. – (Б-ка учителя математики).

2. Зевина Л. Командная исследовательская деятельность учителей в условиях модернизации образования: первые результаты и перспективы [Электронный ресурс]: статья // Сборник статей Всероссийской конференции с международным участием по когнитивной науке: (Архангельск, 19-22 ноября 2018 г.) – электронные текстовые данные. Архангельск: САФУ, 2018. – 323 с. – С. 107-110.

3. Ковалева Г. Возможные направления совершенствования общего образования для обеспечения инновационного развития страны» (по результатам международных исследований качества общего образования) [Электронный ресурс] / Г. Ковалева // «КиберЛенинка» - ORL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialy-k-zasedaniyu-prezidiuma-rao-27-iyunya-2018-g-vozmozhnye-napravleniya-sovershenstvovaniya-obshchego-obrazovaniya-dlya> (дата обращения: 12.02.2019).

4. Королева Л. Региональный инновационный кластер эффективных образовательных систем – продуктивная среда профессионального развития учителей современной российской школы [Текст]: методическое пособие/ Л.Н. Королева. – Ростов н/Д.: Изд-во ГБУ ДПО РО РИПК и ППРО, 2019. – 68 с.

5. Минин А. Россия 2025: от кадров - к талантам – исследование ВСГ и Сбербанка [Электронный ресурс] / А. Минин // «Маркетинг для практиков» - ORL: <http://marketing-course.ru/russia-2025-sberbank-bcg/> (дата обращения: 30.03.2019).

6. Равенство образовательных возможностей в Российской Федерации: Краткий доклад/ 2018 Международный банк реконструкции и развития/ Всемирный банк [Электронный ресурс] <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/947511544685131252/pdf/127743-WP-RUSSIAN-P164840-PUBLIC.pdf> (дата обращения: 10.03.2019).

ОСОБЕННОСТИ ОБНОВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРОГРАММЫ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С БУДУЩИМИ УЧИТЕЛЯМИ МУЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Какимова Л.Ш.

*кандидат педагогических наук, доцент
Казахский национальный педагогический
университет имени Абая*

FEATURES OF UPDATING THE CONTENT OF THE SECONDARY EDUCATION PROGRAM IN METHODOLOGICAL WORK WITH FUTURE MUSIC TEACHERS IN CONTEXT MODERN EDUCATIONAL POLICY

Kakimova L.

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Kazakh National Pedagogical
Abay University*

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме современной образовательной политики Казахстана – особенностям содержания обновленной программы в обучении студентов. Показана взаимосвязь организационно-методических условий обучения с процессом учебной деятельности в подготовке будущих учителей музыки. Практические занятия и педагогическая практика как организационные формы обучения позволяют сформировать у специалистов систему профессиональных компетенций в контексте обновления содержания программы «Музыка», что дает эффективность его освоения и практическое применение в будущей педагогической деятельности.

Abstract

The article is devoted to the urgent problem of the modern educational policy of Kazakhstan - the features of the content of the updated program in student learning. The interrelation of organizational and methodological conditions of training with the process of educational activity in the training of future music teachers is shown. Practical classes and pedagogical practice as organizational forms of training allow specialists to form a system of professional competencies in the context of updating the content of the “Music” program, which gives the effectiveness of its development and practical application in future pedagogical activity.

Ключевые слова: обновленная программа, урок музыки, компетенции, будущий учитель музыки.

Keywords: updated program, music lesson, competencies, future music teacher.

Постановка проблемы. Парадокс современного педагогического образования состоит в том, что в практике мы наблюдаем дидактическое противоречие, заключающееся в том, что в рамках преподавания музыки в школе и подготовкой будущих специалистов учителей музыки кроется несоответствие методических условий внедрения обновленного содержания программы среднего образования и организации системы музыкального обучения в вузе.

Стоит оговориться, что с 2016 года во всех школах Казахстана поэтапно и активно стала внедряться особенности обновленных программ содержания, и среднее звено, отчасти шагнула вперед в этом направлении. Многие учителя прошли курсы повышения квалификации в рамках обновления содержания образования и ознакомились с его содержанием и направлением, получили учебно-методическую поддержку.

Что касается педагогов вузов они встретились с вопросом преемственности образовательных программ среднего образования на своих конкретных курсах по методике преподавания и в педагогической практике студентов. Не обошло это стороной подготовку студентов выпускных курсов специальности «5В010600 – Музыкальное образование».

В данной статье мы хотели бы осветить некоторые комментарии по этому вопросу и представить результаты внедрения в данную специальность особенностей и специфики обновления содержания среднего образования уроков музыки в подготовке будущих специалистов. В связи с этим, перед нами встали задачи:

➤ осуществить теоретико-методический анализ состояния обновления содержания программы по музыке в общеобразовательных школах;

➤ определить организационно-методические условия использования особенностей обновленного содержания программы среднего образования, необходимых для создания системы профессиональной подготовки будущих учителей музыки.

Анализ последних исследований.

С внедрением в систему образования новых положений и требований по обновленному содержанию программы среднего образования встала необходимость разработки и четкой формулировки позиций, отражающих механизмы формирования и этапы формирования компетенций будущих учителей музыки в их освоении, внедрении, использовании и практическом применении [1; 2]. Будущему специалисту в области педагогики музыкального образования необходимо уметь осуществлять навыки и компетенции на практике в преподавании уроков

музыки в школе [3; 4]. В связи с чем, целью нашего исследования явилось изучить проблему развития компетенций и значимых качеств личности у будущих учителей музыки в процессе готовности осуществлять педагогическую деятельность в контексте обновленного содержания среднего образования.

Эмпирический анализ позволяет отследить результативность внедрения обновленной программы содержания среднего образования [5-7]. На данном этапе был осуществлен анализ имеющейся научно-методической литературы, который продемонстрировал широкий арсенал практико-ориентированной направленности для теоретико-методических дисциплин, преподаваемых в вузе.

Изложение основного материала.

На этом этапе был проведен предварительный «срез» констатирующего эксперимента, в котором принимали участие выпускники (7 студентов специальности «5В010600 – Музыкальное образование»). Репродуктивный характер этого этапа исследования основывался на информационно-объяснительном, частично-поисковом методах (наблюдение, беседа, опрос, анкетирование), раскрывающий процесс восприятия содержания уроков музыки по программе обновленного содержания среднего образования. На основе разработанной характеристики восприятия содержания уроков музыки в школе по обновленному содержанию программы обучения предполагалось наличие трех уровней готовности студентов осуществлять педагогическую деятельность по обновленному содержанию среднего образования: *высокий, средний, низкий*.

Высокий уровень осуществлять педагогическую деятельность по обновленному содержанию среднего образования уроков музыки отличается следующими показателями, студенты:

✓ осознают значимость и роль обновленной программы содержания среднего образования в процессе обучения; имеют устойчивый интерес его освоить; обладают хорошими знаниями, развитым воображением, проявляют творческий подход; владеют навыками анализировать, оценивать; умеют активно включаться в процесс обучения, отлично умеют раскрывать образное содержание, приводят параллели и связи из жизни; умеют переносить усвоенные знания на практику; легко включаются в разные виды деятельности; активны, эмоциональны; хорошо владеют навыками информационно-коммуникативных технологий; все указанные задания выполняют точно, аккуратно, последовательно; хорошо вступают в диспут; приводят собственные мнения.

Студенты со средним уровнем готовности осуществлять педагогическую деятельность по обновленному содержанию среднего образования характеризуются тем, что они:

✓ испытывают интерес, но осознают важность их роли в качестве образования, но недостаточно проявляют самодисциплинировать, самоусовершенствование; эмоциональны отзывчивы, имеют достаточно развитое воображение, неплохие

знания, но менее активны, не проявляют творческого подхода; затрудняются в оценке и анализе, не вступают или мало охотно включаются в диспут, затрудняются организовать свой процесс обучения, не переносят знания, не закрепляют полученные умения; владеют информационно-коммуникативными умениями на среднем уровне; поисковая деятельность затруднительна, но хотят участвовать в разных видах деятельности.

Студенты с низким уровнем готовности осуществлять педагогическую деятельность по обновленному содержанию среднего образования уроков музыки характеризуются тем, что они:

✓ не осознают их важности, не заинтересованны, очень пассивны, не аккуратны; не обладают навыками переноса знания, не умеют анализировать, оценивать; знания не значительны, не проявляют активность в разных видах деятельности; не выражают своего собственного мнения; задания выполняют небрежно, неаккуратно, несвязанно; среди них нет лидеров, они пассивны и молчаливы, не проявляют инициативы.

В качестве эксперимента на данном этапе первоначально был прослушан курс по обновленному содержанию программы «Музыка» в школе, на котором студенты ознакомились с нормативными и учебно-методическими документами [8; 9]. В частности, Программа была направлена на обеспечение необходимых теоретических знаний, навыков проектирования образовательного процесса в соответствии с инновационным форматом основных направлений развития образования. Это позволило профессионально развить педагогические навыки выпускников вуза в контексте обновленного содержания среднего образования. Такие темы курса, как развитие навыков критического мышления, критерияльного оценивания и проведение рефлексии в процессе обучения стали ключевыми и позволили студентам приблизиться к конкретной педагогической ситуации. Практические часы курса помогли студентам смоделировать сам процесс обучения: разработать шаблоны уроков музыки, поэтапно пошагово разработать дескрипторы в выполнении учащимися творческих заданий, организовать рефлексии и обсудить ее результативность.

Образовательный процесс курса включал следующие интерактивные формы и методы обучения: лекции, семинары, практические занятия, тренинги, ролевые игры, кейс-методы, обсуждение видеофильмов. С целью контроля и оценки знаний студентов проводился отчет по защите своих работ наличием разработок уроков музыки, творческих заданий, подбором методов и форм работы с детьми по школьной программе «Музыка».

На II-этапе эксперимента – формирующего – мы использовали различные методы и формы обучения уже непосредственно на государственной практике, который продолжался в течении всего школьного учебного процесса (в период с конца сентября 2019 года по апрель 2020 года). Серия заданий выполнялись учениками в соответствии с темой урока музыки поисково-конструктивного и по-

знавательного характера. На протяжении всего периода практики студенты непосредственно принимали в разработке, корректировке уроков музыки, составлении краткосрочного плана, выборе и подборе творческих заданий для формативного оценивания (так как урок музыки относится к блоку «Искусство» и в нем нет суммативного оценивания), составлении дескрипторов к их выполнению. Многие уроки или фрагменты записывались на видеозапись, что позволило провести анализ, корректировку заявленных документов. Итоговый отчет проходил в форме презентаций, на котором выпускник защищал свою работу.

Так, различные методы и формы обучения, знакомство с различными методиками, как микропреподавание по Т.Грегори [10], технология уровней мышления по Б.Блуму [11], особенности критериального оценивания [12; 6; 7], значение рефлексии [13] и другие, позволили освоить темы содержания обновленной программы, смоделировать и апробировать педагогические ситуации по основным темам программы [14]. В опоре на типовые учебные планы, шаблоны-рекомендации, методические инструкции обучило будущих студентов азам педагогического мастерства в преподавании уроков музыки по обновленному содержанию, позволило практически подкрепить курс владением навыков оценивания учебных достижений учащихся, выстроить траекторию самообучения по совершенствованию учебного процесса.

Вместе с тем хотелось бы указать и темы, необходимые для изучения студентами, рассматривающие в качестве основных источников содержания обновленной программы среднего образования. К примеру, тема «Организация образовательного процесса на основе патриотического акта «Мәңгілік Ел» в организациях образования Республики Казахстан и моделирование воспитательного пространства в системе ценностей «Мәңгілік Ел» раскрывает значимость семи общенациональных ценностей национальной идеи «Мәңгілік Ел». Управленческий модуль непосредственно знакомит студентов с особенностями содержания самой обновленной программы: «Предпосылки обновления содержания образования. Содержание типовых

учебных программ». Содержательный модуль позволяет освоить принципы критериального оценивания, учит разрабатывать задания для формативного оценивания, проводить рефлексии и обратную связь, планировать различные виды уроков музыки по краткосрочному, среднесрочному и долгосрочному плану и прочее.

Стоит сказать о трудностях с которыми сталкивались студенты. Первоначально это было связано с наличием учебных целей в типовом учебном плане и их соответствием с краткосрочным планом урока, что приводило к несоответствию критериев оценивания. Только тогда когда учебные цели достижимы, мы можем говорить о сформированности критериев, указанных в типовых планах. Второй значительной трудностью с которым пришлось столкнуться выпускнику на практике – это составление, описание, разработка дескрипторов для пошагового выполнения обучающимися задания. Только после тщательного освоения будущими учителями музыки положений по критериальному оцениванию учебных достижений учащихся можно было судить о выборе обратной связи, саморефлексии. Устранить возможные пробелы в обучении материалу помогли студенту методические рекомендации о содержании обновленной программы по музыке в теории и подкрепить их на практике.

Второй «срез» продемонстрировал хорошие результаты по готовности будущих учителей музыки в проведении уроков по обновленной программе содержания среднего образования. Он проводился после завершения педагогической практики в школе (формирующий этап эксперимента).

По результатам проведения срезов можно было констатировать факт, что заметно улучшилось состояние уровней «высокого» и «низкого» показателей (таблица №1). Студенты адаптировали свои работы к разработке не только поурочных планов и составлению заданий по формативному оцениванию, а также выстраивали проекты воспитательно-оздоровительного, нравственно-обучающего, познавательного характера, творческие конкурсы, приемлемые в работе с обучающимися в школе, что отвечало опережденным педагогическим условиям в формировании знаний и умений по содержанию обновленных программ данных специальностей.

Таблица № 1

Данные показателей готовности студентов по ведению уроков музыки в рамках обновленного содержания программы на 2-ом этапе эксперимента.

	Уровни	до эксперимента	после эксперимента
1	Высокий	14,3%	57,1%
2	Средний	42,9 %	28,6%
3	Низкий	42,8 %	14,3%

Выводы. Следует сказать, что методы и формы работы по освоению содержания обновленной программы среднего образования уроков музыки в школе позволили студентам будущим учителя музыки изучить и получить теоретические и практические знания, навыки преподавания, а также методическую помощь для предстоящей педагогической деятельности.

Заключение. Практические занятия по темам обновленной программы содержания среднего образования в проведении уроков музыки с использованием педагогических технологий для развития критического мышления, функционирования системы критериального оценивания, помогло студентам адаптироваться к новой системе, которая введена в политику образования, научиться владеть

способами организации и планирования формативного оценивания, освоить навыки по разработке критериев и дескрипторов в соответствии с целями обучения обновленного содержания; научиться проектировать оценивание по ожидаемым результатам учебных достижений учащихся. Апробация полученных результатов в ходе эксперимента показало, что в ходе исследования, выявленные организационно-методические условия использования особенностей обновленного содержания программы среднего образования, необходимых для создания системы профессиональной подготовки будущих учителей музыки, показали эффективность практических действий по освоению будущей профессии в рамках новой образовательной политики.

Статья подготовлена в ходе работы над научным проектом по грантовому финансированию МОН РК по теме проекта № AP 05130242 «Возрождение национального сознания и культурных ценностей в контексте идеи «Мәңгілік ел» в высшем художественном образовании» по приоритету «Научные основы «Мәңгілік ел» (образование XXI века, фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук)» подприоритета «Фундаментальные и прикладные исследования в области социально-экономических и гуманитарных наук. Исследования в области культуры, традиций, ценностей в условиях модернизации общества и государства».

Список литературы

1. Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 10 мая 2018 года № 198 Об утверждении Дорожной карты по дальнейшей реализации обновленного содержания среднего образования на 2018-2021 годы //Электронный ресурс: <http://edu.gov.kz>.
2. Типовая учебная программа обновленного содержания по предметам уровня основного среднего образования. // Электронный ресурс: <http://smk.edu.kz>.....
3. Образовательная программа курсов повышения квалификации педагогических кадров «Разработка и экспертиза заданий для оценивания»/ Руководство для учителя. - Астана: Центра педагогического мастерства АОО «Назарбаев Интеллектуальные школы», 2018. - 36 с.
4. Образовательная программа курсов повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов, осуществляющих подготовку педагогических кадров/ Руководство для тренера. - Астана: Центра педагогического мастерства АОО «Назарбаев Интеллектуальные школы», 2018. - 45 с.
5. Руководство по критериальному оцениванию для региональных и школьных координаторов: Учебно-метод. пособие /АОО «Назарбаев Интеллектуальные школы» /Под ред. О.И.Можаевой, А.С. Шилибековой, Д.Б. Зиеденовой. - Астана, 2016. - 46 с.
6. Руководство по критериальному оцениванию для учителей начальной школы: Учебно-метод. пособие /АОО «Назарбаев Интеллектуальные школы» /Под ред. О.И. Можаевой, А.С. Шилибековой, Д.Б. Зиеденовой. - Астана, 2016. - 48 с.
7. Руководство по критериальному оцениванию для учителей основной и общей средней школ: Учебно-метод. пособие. / Под ред. О.И. Можаевой, А.С. Шилибековой, Д.Б. Зиеденовой. – Астана: АОО «Назарбаев Интеллектуальные школы», 2016. - 56 с.
8. Типовая учебная программа по предмету «Музыка» для 1-4 классов уровня начального образования - [Электронный ресурс]: URL: <https://agartu.com/19-tipovaya-uchebnaya-programma> (дата обращения: 13.01.2020).
9. Типовая учебная программа по предмету «Музыка» для 5-6 классов уровня основного среднего образования – [Электронный ресурс]: URL: <https://agartu.com/44-tipovaya-uchebnaya-programma-po-predmetu-muzyka-dlya-5-6-klassov-urovnya-osnovnogo-srednego-obrazovaniya.html> (дата обращения: 13.01.2020)
10. Программа микропреподавания Т. Грегори // Фенько А.Б. Психологическое консультирование и психотерапия. Том 1. Теория и методология. 1998. - Режим доступа: [Электронный ресурс]: URL: <https://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya/psihologicheskoe-konsultirovanie-psihoterapiya.html>. [Дата обращения: 20.01.2020].
11. Anderson L.W., & Krathwohl D.R. A taxonomy for Learning, Teaching and Assessing, A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives [Таксономия для обучения, преподавания и оценки, Пересмотр таксономии Блума образовательных целей] New York: Longman. – 2001.
12. Black P. et al. Assessment for learning, Putting it into practice [Оценивание для обучения и его практическая реализация]. Open University Press, Maidenhead. – 2003.
13. Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования / Под ред. И.С.Ладенко. – Новосибирск: Наука, 2017. – 241 с. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.sbras.ru/> (дата обращения: 09.01.2019).
14. Biggs J. and Tang C. Teaching for Quality Learning at University [Преподавание для качественного обучения в Университете]. 4th edition. Berkshire: Open University Press. – 2011.

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ОСНОВ КУЛЬТУРЫ РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Рублевская Е.А.,

*доцент Белорусского государственного педагогического университета
имени Максима Танка, г. Минск*

Давидюк М.В.

*магистрант Белорусского государственного педагогического университета
имени Максима Танка, г. Минск*

DIAGNOSTICS OF THE LEVEL OF FORMATION OF THE BASICS OF RESOURCE SAVING CULTURE IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN

Rublevskaya E.,

docent of Belarusian state pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk

Davidyuk M.

master's student of the Belarusian state pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk

Аннотация

В статье акцентируется внимание на актуальность проблемы воспитания основ культуры ресурсосбережения, раскрывается методика диагностики уровня сформированности основ культуры ресурсосбережения у детей старшего дошкольного возраста.

Abstract

The article focuses on the importance of education the foundations of a culture of resource conservation, reveals methods for diagnostics of level of formation of bases of culture of resource-saving in children of senior preschool age.

Ключевые слова: культура ресурсосбережения; природные ресурсы; учреждение дошкольного образования; дети старшего дошкольного возраста.

Keywords: resource-saving culture; natural resources; preschool education institution; children of senior preschool age.

В настоящее время во всем мире отмечается обострение экономической и экологической ситуации, которая во многом обусловлена увеличением ресурсопотребления, истощением не возобновляемых природных ресурсов и загрязнением окружающей среды отходами. В связи с этим остро актуализировалась необходимость рационального и бережного использования природных ресурсов.

В связи с этим, одной из задач, стоящих перед системой дошкольного образования является формирование основ культуры ресурсосбережения у детей дошкольного возраста. Это объясняется необходимостью формирования культуры ресурсосбережения с истоков, с момента первых ее проявлений. Дошкольный возраст – особый, именно тот период, когда начинают закладываться основы будущей личности, формируются многообразные отношения к окружающему миру и самому себе, возникают такие качества, которые в будущем определяют «лицо» человека. Вступая в жизнь, усваивая социальные нормы и правила, овладевая различными видами деятельности, ребенок развивается, совершенствуется и его поведение.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что разрабатываются разные аспекты данной проблемы. Существование тесной связи между общим состоянием экономического развития общества и индивидуальной экономической зрелостью человека неоднократно подчеркивалось в работах известных философов (Аристотель, Ксенофонт, Платон) и экономистами (Л.П. Пономарев, В.Д. Попов, В.П. Чиканов, Б.Ф. Шемякин). Необходимость

экономического воспитания на этапе дошкольного образования отмечают в своих исследованиях многие отечественные педагоги (Л.И. Галкина, Л.А. Голуб, Л.Д. Глазырина, М.Ф. Грищенко, Е.А. Курак, Н. Селиванова, А.А. Смоленцева, А.Д. Шатова). Методика формирования культуры ресурсопотребления и ресурсосбережения подробно раскрывается в работах С.Д. Галкиной, Е.В. Глушенко, Л.Б. Климкович, И.П. Рословцевой и др.

На современном этапе проблема воспитания культуры ресурсосбережения при всей его теоретической и практической значимости находится скорее на стадии постановки, чем практического решения.

Базой проведения нашего исследования стало государственное учреждение образования «Ясли – сад № 244 г. Минска». В экспериментальную и контрольную группы вошли воспитанники двух старших групп учреждения дошкольного образования в составе 52 человека.

Цель констатирующего этапа педагогического эксперимента – определить уровень сформированности компонентов культуры ресурсосбережения у воспитанников старшего дошкольного возраста.

Исследование проходило в утреннее время, на одного ребенка в среднем затрачивалось 30 минут, учитывая время налаживания контакта с испытуемым. Исследование проводилось в знакомой ребенку обстановке в пребывании близкого родственника, воспитателя дошкольного образования. Были

созданы условия, при которых ребенок не испытывал отрицательных эмоций от общения с неизвестным человеком (страха, неуверенности и т.д.).

В процессе исследования на констатирующем этапе педагогического эксперимента мы использовали следующие методы:

- диагностическая беседа;
- задания в картинках (поскольку у детей в данном возрасте преобладает наглядно-образное мышление), к которым исследователь делал устные пояснения;
- целенаправленные диагностические наблюдения.

В начале данного этапа мы использовали диагностическую беседу с помощью, которой смогли выявить *следующие положения*:

- Знают ли дети, что такое природные ресурсы.
- Понимают ли они, что необходимо беречь природные ресурсы.
- Готовы ли дети к ресурсосберегаемому поведению?

В ходе беседы мы использовали данный перечень вопросов:

1. Что такое природные ресурсы?
2. Какие природные ресурсы ты знаешь?
3. Нужно ли сохранять природные ресурсы? Как ты думаешь почему?
4. Сохраняешь ли ты природные ресурсы? Как?

Далее после вопросов беседы следовали задания в картинках. Детям был предложен набор картинок с заданиями, на каждую картинку давалось от 30 секунд до минуты. Экспериментатор спрашивал: «Рассмотрел?» Если ответ был отрицательным, давалось еще время. Испытуемому предлагалось рассказать, что нарисовано на картинке. В случае затруднения ребенку оказывается помощь: стимулирующая, направляющая, обучающая.

Задания в картинках были разработаны в трёх направлениях:

- Что это за природный ресурс? Назови одним словом.
- Что будет, если этого природного ресурса не станет/будет слишком много?
- Как лучше поступить, чтобы предупредить исчезновение этого природного ресурса?

Критерии оценивания, беседы и заданий в картинках:

- а) сформированность базы знаний о природных ресурсах;
- б) правильность в ресурсосберегаемом поведении;
- в) самостоятельность ответов (без помощи диалогиста);
- г) понимание последствий при пренебрежительном отношении к ресурсам.

После этой работы с ребенком завершалась. И следовало диагностическое наблюдение за поведением ребенка дошкольного возраста в течение одной недели, дабы определить реальный уровень культуры ресурсосбережения.

В наблюдении мы выделили области ресурсосбережения: обращение с водой, электричеством, теплом, выброс мусора. И исходя из поступков детей с данными природными ресурсами, мы могли понять соблюдается ли культура сбережения. За соблюдение одного ресурса мы ставили 1 балл.

Исходя из критериев работы, мы смогли выделить четыре уровня сформированности культуры ресурсосбережения:

- Очень высокий уровень – 25–32 балла. Ребенок быстро, правильно и четко отвечает на вопросы, рассказывает о природных ресурсах, выбирает наиболее соответствующее высокой культуре ресурсосбережения поведение. Также ребенок имеет не только знания, но и соблюдает правила ресурсосбережения. В работе сосредоточен, самостоятелен. Высказывания емкие и содержательные.

- Высокий уровень 17–24 баллов. Знания у ребенка имеются, отвечает практически на все вопросы, в карточках-картинках ориентируется, но не всегда может подобрать верный ответ. Уровень организованности, самостоятельности в работе недостаточен. В ходе выполнения задания нуждается в стимулирующей помощи. Выполняет некоторые правила ресурсосбережения.

- Средний уровень – 9–16 баллов. Ребенок сам не может ответить на вопросы, необходима помощь взрослого. Активность ребенка приходится все время стимулировать, слова вытягивать. Правильных ответов в карточках-заданиях половина или менее. При наблюдении редко проявляет привычки ресурсосбережения.

- Низкий уровень – 0–8 баллов. Ребенок не может дать правильный ответ, даже при помощи взрослого. Стимуляцию, направляющую помощь не принимает. В картинках-заданиях отвечает невпопад, наугад. Практически не использует навыки ресурсосбережения.

Каждый вопрос в беседе оценивается от 0 до 4 баллов, где 0 – это отсутствие ответа или он не правильный, 1 – это ответы с помощью исследователя, или неполный ответ, 3 – ответы дает сам, иногда они могут быть не полными, но правильными, 4 – это правильный ответ, ребенок все отвечает самостоятельно, соответствует первому уровню сформированности культуры ресурсосбережения.

Ответы детей в контрольной и экспериментальной группах, мы фиксировали в карте ответов.

Рассмотрим более подробно ответы на каждый вопрос в беседе.

Вопрос «Что такое природные ресурсы?» На этот вопрос многим детям было сложно ответить без разъяснений исследователя. Всего лишь 2 человека из экспериментальной группы и 3 из контрольной справились с этим вопросом без подсказок, на очень высоком уровне. Имелись также дети с высоким уровнем понимания, что такое ресурсы, но при небольшом разъяснении диалогиста. В основном дети затруднялись в ответе, в двух группах преобладает средний уровень. И по 6 человек из контрольной и экспериментальной группы не знали, что такое ресурсы, давали ответы из разряда «кар-

тинка», «волшебный фломастер», что свидетельствует о том, что данная область знания не понятна и не изучена вовсе или изучена в малой степени.

Данные по этому вопросу продемонстрированы более детально в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1

Уровень знаний детей по вопросу «Что такое природные ресурсы?»		
Уровень	Количество детей	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Очень высокий уровень	2	3
Высокий уровень	8	7
Средний уровень	10	10
Низкий уровень	6	6

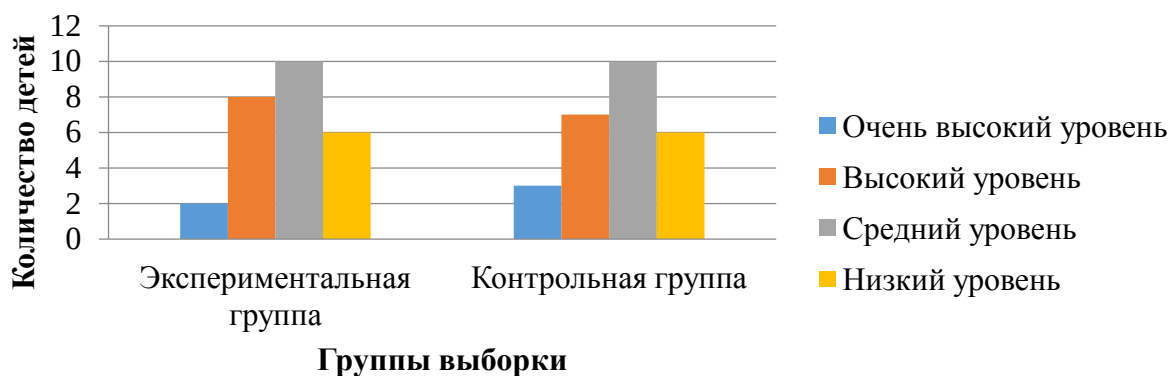

Рисунок 2.1 – Уровень знаний детей по вопросу «Что такое природные ресурсы?»

С вопросом «Какие природные ресурсы ты знаешь?» дети справились довольно быстро, но результаты показали не высокие. Для ответа многим нужна была помощь исследователя. В контрольной группе 35% справились с заданием на высоком и среднем уровнях, они показали довольно маленький процент – 4% очень высокого уровня, а вот в экспериментальной 46% оказалось на среднем уровне, 23% – на высоком, и только 8% – на очень высоком уровне.

Таблица 2

Уровень знаний детей по вопросу «Какие природные ресурсы ты знаешь?»		
Уровень	Количество детей	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Очень высокий уровень	2	1
Высокий уровень	6	9
Средний уровень	12	9
Низкий уровень	6	7

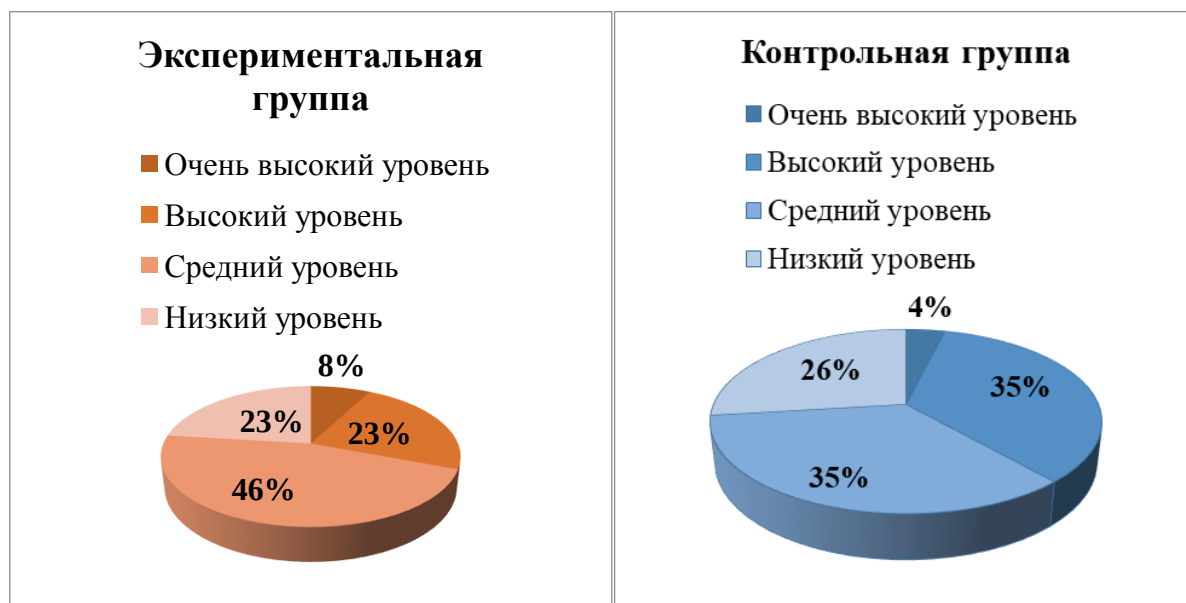

Рисунок 2 – Уровень знаний детей по вопросу «Какие природные ресурсы ты знаешь?»

Вопрос «Нужно ли сохранять природные ресурсы? Как ты думаешь почему?» был направлен на то, чтобы выявить у детей понимание того, что природные ресурсы исчерпаемы и их необходимо использовать экономно. При ответе на данный вопрос у многих детей возникало удивление. Они говорили, что природные ресурсы есть, зачем их нужно сохранять, то есть многим детям было не по-

нятно, почему существует необходимость бережливо использовать ресурсы. Поэтому у основной массы детей преобладает средний уровень понимания в данном вопросе. Лишь 2 человека из экспериментальной и 3 из контрольной группы смогли ответить утвердительно на данный вопрос и привести аргументы, почему необходимо сохранять природные ресурсы. В таблице 3 и на рисунке 3 представлен уровень ответов по данному вопросу.

Таблица 3

Уровень знаний детей по вопросу «Нужно ли сохранять природные ресурсы? Как ты думаешь почему?»

Уровень	Количество детей	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Очень высокий уровень	2	3
Высокий уровень	6	7
Средний уровень	11	12
Низкий уровень	7	4

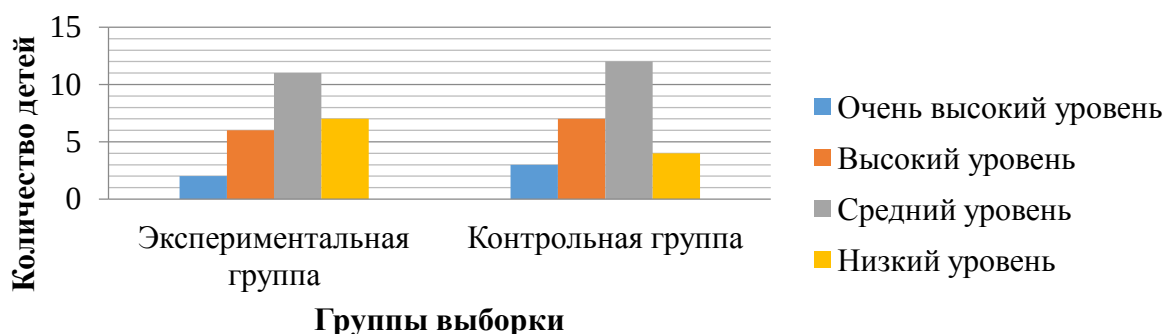

Рисунок 3 – Уровень знаний детей по вопросу «Нужно ли сохранять природные ресурсы? Как ты думаешь почему?»

Вопрос «Сохраняешь ли ты природные ресурсы? Как?» задавался с целью, определения личного отношения к ресурсосбережению, готовности выполнять посильные необходимые действия по сохранению ресурсов.

При ответе на этот вопрос дети экспериментальной группы смогли показать более высокие

уровни сформированности культуры ресурсосбережения ответить – 11 среднего и высокого уровня, всего лишь 2 ребенка низкого; чем дети контрольной группы, поскольку детей с низким уровнем сформированности культуры ресурсосбережения здесь больше, а с высоким наоборот меньше. Для большей наглядности результатов, мы представили их в таблице 4 и на рисунке 4.

Таблица 4

Уровень сформированности представлений детей по вопросу «Сохраняешь ли ты ресурсы? Как?»

Уровень	Количество детей	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Очень высокий уровень	2	2
Высокий уровень	11	9
Средний уровень	11	11
Низкий уровень	2	4

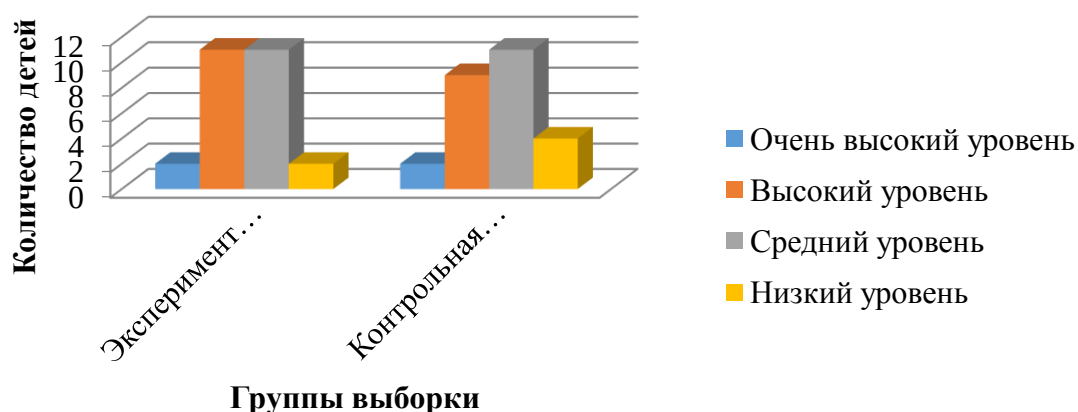

Рисунок 4 – Уровень сформированности представлений детей по вопросу «Сохраняешь ли ты ресурсы? Как?»

Теперь более подробно рассмотрим ответы детей на задания в картинках по каждому блоку.

Задание «Что это за природный ресурс? Назови, одним словом» предусматривает назвать природный ресурс на картинке. Детям предлагались картинки с изображением природного ресурса, который им необходимо было назвать одним словом.

Данное задание вызвало трудности в контрольной группе, с ним практически не справилось 9 детей, а вот в экспериментальной – только 2 воспитанника показали низкий уровень. Уровень в различии природных ресурсов в экспериментальной группе в большинстве представлен средним.

Таблица 5

Результаты выполнения задания «Что это за природный ресурс? Назови одним словом»

Уровень	Количество детей	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Очень высокий уровень	1	2
Высокий уровень	7	9
Средний уровень	15	6
Низкий уровень	3	9

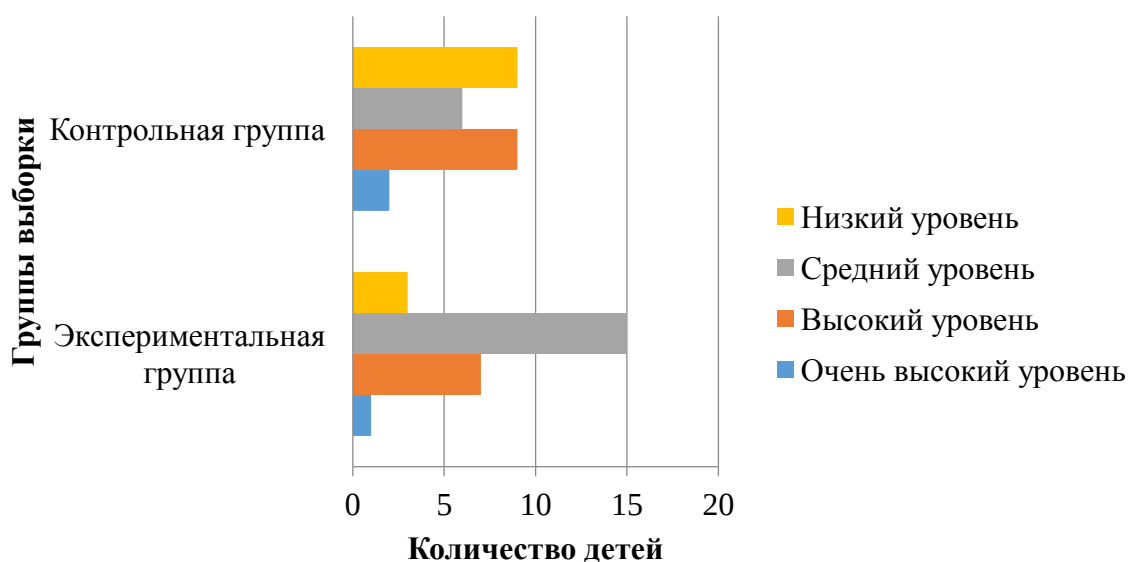

Рисунок 5 – Результаты выполнения задания «Что это за природный ресурс? Назови одним словом»

Задание «Что будет, если этого природного ресурса не станет/будет слишком много?». Детям

был предложен второй набор картинок в дополнение к первому, требующий от ребенка установить последствия того, если данный ресурс исчезнет.

Данное задание вызвало у 27% и контрольной, и экспериментальной группы затруднения, поскольку они показали низкий уровень. В принципе результаты двух групп идентичные: 31% детей проявили средний уровень, 27% – высокий уровень, и

только 15% показали очень высокий уровень установления логических связей. В таблице 6 и на рисунке 6 результаты задания представлены наглядно.

Таблица 6

Результаты выполнения задания «Что будет, если этого природного ресурса не станет/будет слишком много?»

Уровень	Количество детей	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Очень высокий уровень	4	4
Высокий уровень	7	7
Средний уровень	8	8
Низкий уровень	7	7

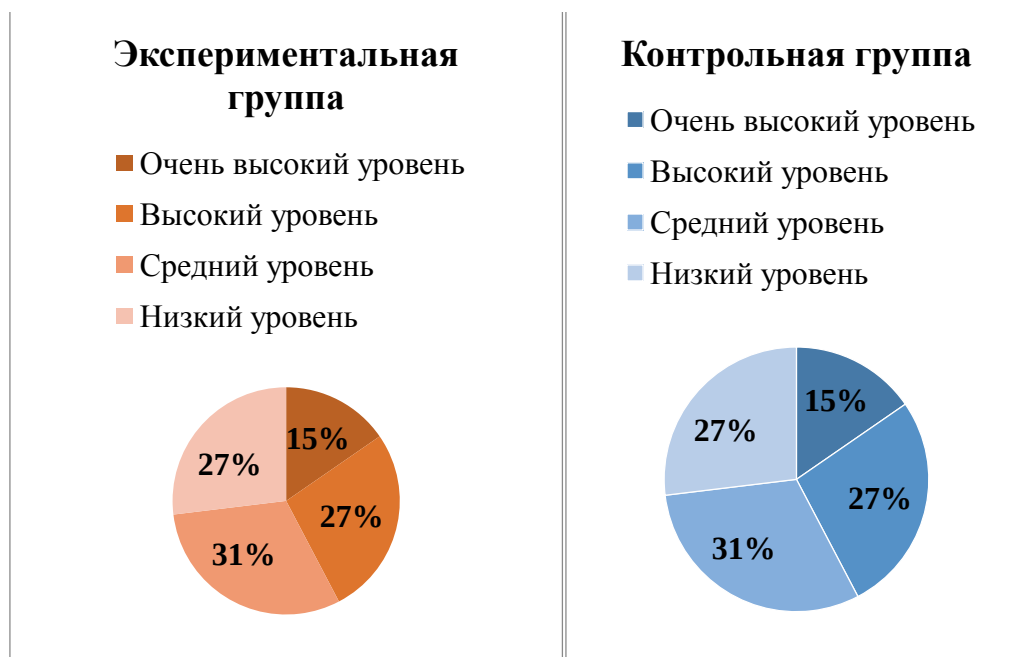

Рисунок 6 – Результаты выполнения задания «Что будет, если этого природного ресурса не станет/будет слишком много?»

Задание «Как лучше поступить, чтобы предупредить исчезновение природного ресурса?». Для проведения задания детям предлагается третий блок картинок. Экспериментатор предлагал карточки, на которых демонстрировалось поведение, направленное как на сохранение, так и исчезновение ресурса – ребенку предлагают сделать выбор в пользу того или иного поведения.

Задание по выявлению сформированности ресурсосберегаемого поведения вызвало затруднение у 8 человек экспериментальной группы и 7 у контрольной. В двух группах по 12 человек проявили средний уровень. Высокий уровень – 6 человек в контрольной и 4 в экспериментальной. Очень высокий уровень проявило очень мало детей.

Таблица 7

Результаты выполнения задания «Как лучше поступить, чтобы предупредить исчезновение природного ресурса?»

Уровень	Количество детей	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Очень высокий уровень	2	1
Высокий уровень	4	6
Средний уровень	12	12
Низкий уровень	8	7

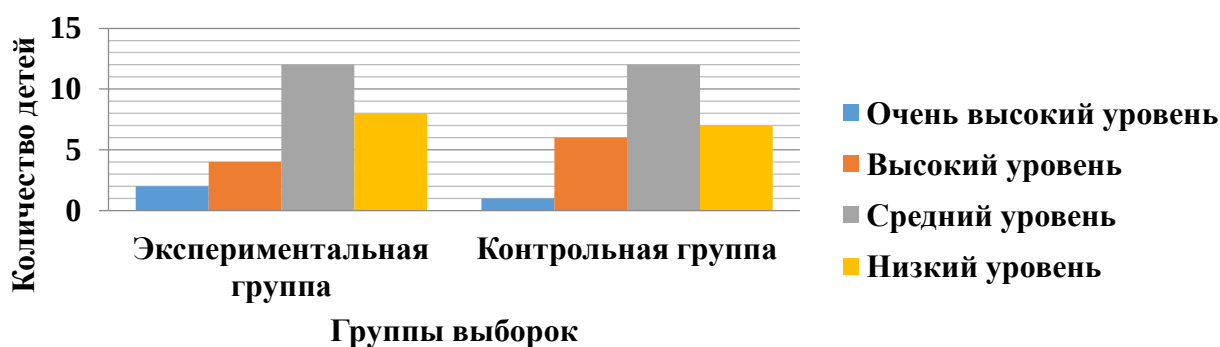

Рисунок 7 – Результаты выполнения задания «Как лучше поступить, чтобы предупредить исчезновение природного ресурса?»

Завершающим этапом диагностики выступило *диагностическое наблюдение*, благодаря которому удалось выявить, что в большинстве своем у детей не сформирована культура ресурсосбережения и проявлена на низком уровне у 11 детей в контрольной и 8 - в экспериментальной группах. Более детально результаты наблюдения представлены в таблице 8 и на рисунке 8.

Таблица 8

Результаты проведения диагностического наблюдения за поведением детей		
Уровень	Количество детей	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Очень высокий уровень	3	1
Высокий уровень	9	6
Средний уровень	6	8
Низкий уровень	8	11

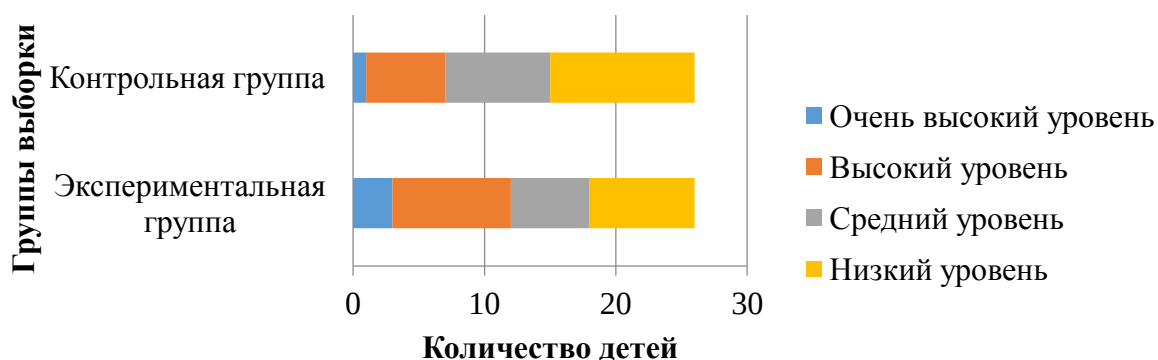

Рисунок 8 – Результаты проведения диагностического наблюдения за поведением детей

По завершению диагностики уровня сформированности культуры ресурсосбережения можно сказать, что дети двух групп имеют равные уровни сформированности. Более подробно результаты исследования отражены в таблице 9 и на рисунке 9.

Таблица 9

Результаты диагностики сформированности культуры ресурсосбережения		
Уровень	Количество детей	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Очень высокий уровень	4	3
Высокий уровень	11	13
Средний уровень	7	7
Низкий уровень	4	3

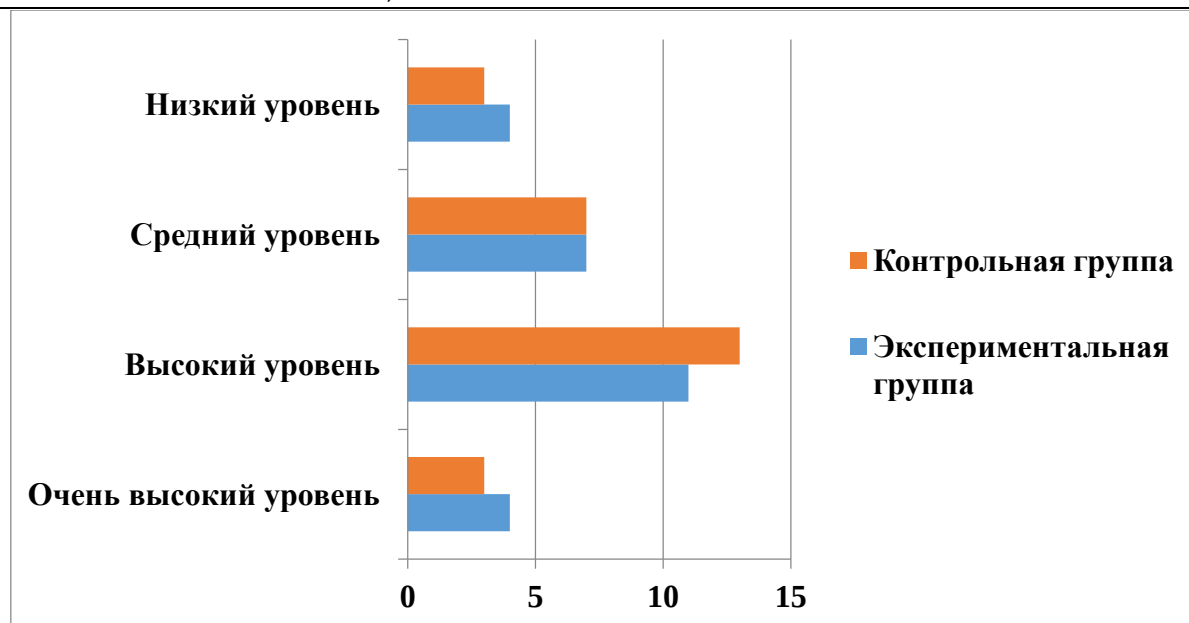

Рисунок 9 – Результаты диагностики сформированности культуры ресурсосбережения

По итогам проведенной диагностики можно сделать вывод о том, что обе группы находятся приблизительно на одинаковом уровне развития, поскольку расхождения в процентах очень незначительны. Выявленный в ходе исследования уровень сформированности культуры ресурсосбережения является недостаточным. На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что работа по воспитанию культуры ресурсосбережения у воспитанников старшего дошкольного возраста требует разработки специальной методики.

Список литературы

1. Азбука бережливости для дошкольников / Автор-составитель И.П. Рослоцева. – Мозырь: «Содействие», 2010. – 58 с.

2. Галкина С.Д. Малышам об энергосбережении / С.Д. Галкина. – Минск: Зорны верасень, 2008. – 24 с.

3. Гордеева Д.С. Становление бережного отношения к природе у детей дошкольного возраста: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук (13.00.02) / Гордеева Дарья Сергеевна. – Челябинск, 2010. – 25 с.

4. Климкович, Л.Б. Азбука Берегоши: методическое пособие по приобщению детей дошкольного возраста к энергосбережению / Л.Б. Климкович, Е.С. Белько, С.Д. Галкина. – Минск: Тэхналогія, 2003. – 34 с.

5. Чабаненко Л. Воспитание основ энергоресурсосбережения / Л. Чабаненко // Пралеска. – 2015. – № 6. – С. 77–80.

PHILOLOGICAL SCIENCES

KRÓL ORSO ARRIGA BOITA W KONTEKŚCIE HISTORYCZNYM

Sapiolkin A.

Doktor nauk historycznych,
Instytut Sztuk, Władywostok, Rosja

RE ORSO BY ARRIGO BOITO IN HISTORICAL CONTEXT

Sapelkin A.

Candidate of History,
Institute of Arts, Vladivostok, Russia

Streszczenie

Artykuł dotyczy poematu włoskiego poety Ariiga Boita *Król Orso*. Zawiera przegląd analiz poematu włoskich krytyków, którzy starali się wytłumaczyć alegorie utworu i jego podstawową ideę. Na podstawie analiz wyciąga się wniosek, że sens i idea poematu może być wykryta tylko w odpowiednim kontekście historycznym, którym stała się historia wieku XX.

Abstract

The article deals with the fantastic poem *Re Orso* by the Italian poet Arrigo Boito. It contains a review of critical reports on the poem written by Italian literary critics, who sought to identify its concealed message and reveal the meaning of its concept. On the basis of the review, it has been concluded that the true meaning and the idea of the poem can be identified only when the text is put into the corresponding historical context, which is the history of the 20th century.

Słowa kluczowe: Boito, poemat-baśń, dobro, zło, kontekst historyczny.

Keywords: Boito, phantasmagoria, fantastic poem, good, evil, historical context.

Arrigo Boito (1842-1918), włoski poeta i kompozytor mający ze strony matki pochodzenie polskie¹ pozostawił dość skromne dziedzictwo twórcze jak w dziedzinie muzyki tak literatury. Mimo to uchodzi za klasyka kultury włoskiej, którego imię jest dobrze znane i szanowane w jego kraju ojczystym. Jest uważany za „jednego z najwybitniejszych działaczy w dziedzinie sztuki i kultury włoskiej na przełomie XIX i XX wieku” [Maeder, s. 9]; „w historii kultury włoskiej zajmuje on miejsce zaiste wyjątkowe” [Del Nero, s. 13-14]; „Boito zasługuje na to, by uchodzić za wielkiego pisarza, jednego z największych w XIX wieku” [Quadrelli, s. 25]. *Król Orso* (*Re Orso*), jedyny utwór Boita napisany jako rozwinięty poemat, po raz pierwszy został opublikowany w gazecie *Strenna Italiana* w roku 1862, a w 1873 roku wydano go w formie książki, po czym doczekał się jeszcze kilkunastu wydań. Chociaż sam Boito nadał swojemu utworowi podtytuł *fiaba* – „baśń”, z gatunku jest wyraźną fantasmagorią.

Król Orso zajmuje miejsce unikatowe nie tylko w twórczości jego autora, ale w całej literaturze włoskiej. Sama przez się twórczość Boita jest fragmentaryczna, nie jest ona ewolucyjna, więc utwór ten powstał w niej jakby spontanicznie. Nie wiadomo, czym inspirował się zabierając do pisania tego poematu, który nie miał pierwowzorów w całej literaturze włoskiej: w odróżnieniu, na przykład, od literatury angielskiej czy niemieckiej nie były jej znane dzieła czarnego romantyzmu z przysmakami mistycyzmu i dobrą porcją fantastycznego. Starając się prześledzić początki tego

dzieła tak oryginalnego, znaleźć tę podstawę, która stała się dla Boita bodźcem, włoscy badacze sięgają po szereg utworów autorów obcych: *The Conqueror Worm* E. Poe, *Une charogne* Ch. Baudelaire’a, *Die Nordsee* i *Atta Troll*’a H. Heine oraz *L’épopée du ver* V. Hugo [Leonetti, s. 69; Del Nero, s. 62]. Przy tym wszyscy są zgodni z tym że wpływ ze strony innych autorów na dzieło Boito mogło mieć charakter wyłącznie „załączkowy” [Nardi, s. 170].

Bohaterem poematu-baśni Boita jest król wyspy Krety, legendarnej raczej, niżeli rzeczywistej. „To jest jedna z tych potwornych postaci, niewiarogodnych i straszących, które mogą się zjawiać tylko w gorączce”, zauważa Nardi [Nardi, s. 169]. Popelniający zbrodnię jedną po drugiej Król Orso mieszka w swoim pałacu prześladowany niczym koszmarem jakimś głosem, który wydaje mu się słyszeć ciągle i wszędzie: raz dobiega go z woliery z foką w zwierzyńcu, raz dolatuje doń od sroki, co się gnieździ w ogrodzie pałacowym, raz się rozbrzmiewa w śpiewie trubadura prowansalskiego, który błąka dookoła pałacu zakochany w Olibie, młodej żydówce wziętej przez Króla jako nałożnica. Głos ten brzmiąc jakby ostrzegawczo straszy Króla: *Re Orso / Ti schermi / Dal mosrso / Dei vermi* („Królu Orso, strzeż się ukąszeń robaków”).

Nie przynosi Królowi spokoju to, że czarny olbrzym Troll, kucharz nadworny i przy tym jeszcze kat, zabija z początku fokę, a potem też srokę. Nie daje ulgi rozkaz, aby zabito trubadura, co zostaje poleczone karłowi Papiolowi, nadwornemu błaznowi. Papiol nie

¹ Matką Boita była Polką, urodzona hrabianka Radolińska, Karśnicka z pierwszego małżeństwa. Ojciec był Włochem.

potrafił wykonać rozkazu i musiał przypłacić swoje fiasko własnym życiem: Król kazał przyrządzić zeń pieczeń na stół biesiadny.

Podczas biesiady w pałacu Król przecina jabłko, które podaje mu Oliba, i ku swojej zgrozie znajduje w nim robaka. Król odcina głowę robakowi, a Troll na rozkaz władcy ucina głowę samej Oliby. Biesiada trwa w dalszym ciągu, ale głos daje się słyszeć nadal. Czy nie ma wśród obecnych brzuchomówcy? Jednego po drugim Troll zabija wszystkich biesiadników, potem całą służbę pałacu, wszystkie nałożnice w gineceum i zwierzęta w zwierzyńcu królewskim... Głos nie ustaje i Troll będąc ostatnim pozostałym przy życiu zabija na rozkaz swego pana siebie. Ale głos wciąż daje się słyszeć. By pozbyć się go, Król ucieka z pałacu, tuła się po świecie, ale głos tak samo prześladuje go. W końcu Król Orso umiera. Sam Szatan pod pozorem zakonnika wysłuchał spowiedzi potwora przed śmiercią. Ale w samej chwili jego zgonu robak, ów robak, którego głowę podczas biesiady Król odciął nożem, zmartwychwstaje i podejmuje długą drogę ku sarkofagowi, w którym spoczywa umarły. Robak przenika przez ściany mauzoleum, przedostaje się do trumny, przegryza całun i wpija się w czaszkę nieboszczyka. Wyjść z bólu, Król się podnosi i zamienia w zmorę niemogącą wybawić się przed nieustannie gryzącym go robakiem.

„Jest to najbardziej oryginalne dzieło Boita – pisze Nardi. – Utwór na ogół unikatowy w naszej literaturze, według powszechnej opinii krytyków” [Nardi, s. 170]. „Baśnia dziwaczna i diabelska – pisze Pompeati, – której sarkastyczny uśmiech zwrócony jest do świata potworów, zwierząt, poczwary, która zawiera w sobie jakieś czar trujący, i ów uśmiech wydaje się nam z początku pozbawiony jakiegokolwiek celu oprócz życzenia zademonstrowania ekscentryczności i fanaberii poety. Takie wrażenie poza rozerwanej i dziwacznej struktury baśni powoduje również kompletny z naszej strony brak przygotowania do percepcji utworu sztuki mającego kształt tak dowolny. [...] Nie możemy też zestawiać *Kóla Orso* z żadnym z uświęconych gatunków naszej poezji” [Pompetai, s. 45]. Tylko M. A. Leonetti przenikliwie zaznacza, że za materiał do baśni posłużyły „motywy tradycyjnej bajki ludowej”, które uległy specyficznej refrakcji „w pewnej dekadencji tamtego czasu uprzedzającej automatyzm i podświadomość freudowską swoistą literaturze surrealistycznej i innym bliskim do niej literaturum” [Leonetti, s. 67].

Tak czy owak, poemat Boito ma charakter całkiem hedonistyczny, co jest podkreślone w zakończeniu, któremu autor nadał tytuł *Morale*. W nim wyraźnie jest powiedziane, aby czytelnicy nie szukali tu *Nè savio motto – nè aforismo dotto, // Nè sermo o perno – di morale eterno* („ani słów mądrości, ani uczonych aforizmów, ani moralizowania i ukrytego znaczenia”). Ale wbrew żądaniu poety literaturoznawcy i krytycy zaczęli poszukiwać w baśni ukryte znaczenie, zawołowaną prawdę, moralność i inne. Badacze skupili swoje wysiłki na interpretacji alegorii, których uosobieniem ich mniemaniem są postacie poematu.

Najzaciętszym przeciwnikiem poszukiwań w baśni Boito idei i sensu był A. Galletti, który stanowczo

odmawiał jej jakiegokolwiek znaczenia symbolicznego. W swojej analizie poematu pisze, co następuje: „Czy jest w *Królu Orso* sens ideowy, czy zawiera pierwotną ideę? Mówi się, że Orso uosabia Zło w jego maksymalnym okrucieństwie i wszechhuciestwiającym bestialstwie i że Robak, który o tyle jest odeń silniejszy, iż w końcu gryzie go i truje swoją śliną, to Śmierć. Ale są to maski zbyt potężne jak na postacie tak lalkowe i dziecinne.

Król Orso to Zło? Złem jest Szatan albo Mefistofeles, to ser Ciapperello i Jago. Król Orso to swego rodzaju krwawy i szalony Orkus [...], zwierzę w ludzkiej postaci, nikczemne i wściekłe. W jego opływającym w tłuszcz mózgu nie ma żadnej myśli oprócz obsesyjnego i maniackiego dążenia do niszczenia i unicestwiania. Inne postacie baśni są urobione na tę samą modłę: karykatury o wykrzywionych szyderczym grymasem twarzach” [Galletti, s. 19-21].

A. Boriello, który w swojej monografii polemizuje z Gallettim, odmiennie ocenia postać Króla Orso. „Król Orso to Zło. Obstawiamy przy tym. Jest Złem w postaci zwierza o ludzkim obliczu. Jest to zło nie świadome popełniane umyślnie albo celowo, ale wybuch pierwiastka zwierzęcego, którego nie sposób powstrzymać: to śmierć, unicestwienie, całkowity nihilizm. To owoc wyobraźni Boita [...], którego prawdziwe wcielenie historia tamtych czasów ukazywała nam zbyt często. [...] Właśnie dlatego, że Zło przejawia się w niezliczonych kształtach i najrozmaitszych sytuacjach, nie można tak stanowczo wykluczać tego, iż Król Orso jest uosobieniem jednej z go postaci” [Boriello, s. 51-52].

Bardziej skomplikowanym wydaje się Boriellowi znaczenie alegoryczne postaci Robaka: „Robak uosabia Zło ograniczone, czyli końcowe, które umiera i odradza się...” [Boriello, ibid]. Mniej więcej tak samo uważa też Pompeati: „Myślę, że zło wszechświatowe Boito musiał wyobrażać sobie jako nieskończoność. Jeżeli gdzieś na granicy Zła znajduje się przede wszystkim ślepa i bestialska postać Króla Orso, to jeszcze dalej niż Orso [...] jest moc potężniejsza od jego własnej: to przemożna moc Robaka, który męczy go bezustannie jak żywego..., tak martwego, i jest on jednocześnie narzędziem, które bezgraniczne zło natury przygotowuje przeciw złu ludzkiego: zło przeciw złu” [Pompetai, s. 45-46].

Przekonującą interpretację postaci Króla i Robaka proponuje wybitny włoski krytyk i filozof Benedetto Croce: „Król Orso to Zło. Nie jest złem ludzkim: świadomym, tchórzliwym i marnym, ale złem podobnym do wściekłych przejawów Natury, jakimi są zło wybuchu wulkanu, trzęsienia ziemi, huraganu albo rozwścieczonego zwierza. [...] I staje przed nim przeciwnik, na którego zasługuje: Robak prześladowający go przeraźliwym okrzykiem, i jest to śmierć mająca ostatnią i najwyższą władzę nad wszystkim i nad wszystkimi, Śmierć triumfująca nad tym, kto sam niesie śmierć” (Croce, s. 265-266; Leonetti, s. 70).

Podczas gdy Galletti w ogóle odmawia Robakowi jakiegokolwiek znaczenia symbolicznego, Mantovani nadał postaci Robaka wymiar zaiste gigantyczny: zobaczył w nim nieubłagłą moc niszczenia, która

przeciwstawia się wszystkiemu stworzonemu przez człowieka i Boga i, w końcu, samemu Bogu [Mantovani, s. 140-141].

Nardi wyraża opinię odrębną, gdy pisze, że w *Królu Orso* Boito rozwija temat wyrzutów sumienia: „Pesymizm Boita w obliczu bezgranicznego Zła z jego oczywistym tryumfem nad Dobrem w ich wiecznym zatargu dualistycznym uwzględnia sumienie jako swojego rodzaju odwet, który podnosi głos w duszy czyniącego zło. Zło samo w sobie zawiera zasadę: czyń zło i ono stanie się złem dla samego ciebie; unicestwiał i zostaniesz unicestwiony” [Nardi, s. XV-XVI]. Opinia owa została później podtrzymana przez Maedera: „Sumienie dręczy Króla Orso nawet po śmierci. Moc sumienia, którego Orso sobie nie uświadamia, jest uosobiona w Robaku” [Maeder, s. 146].

Mniemaniem Leonetti podstawowa idea utworu polega na tym, że Król Orso mimo całej swojej potęgi, całego swojego bogactwa i prawa do zarządzania żywiołami poddanych powinien uświadomić sobie, że jego wszechpotęga jest nietrwała i przejściowa i że on tak samo nie uniknie wspólnego losu ludzi, tych ludzi, których on depreczuje, męczy, torturuje, zabija, i że nad nim tryumfującym nade wszystkim i wszystkimi zatryumfuje śmierć [Leonetti, s. 73]. W swoim wniosku badaczka niewątpliwie idzie w następstwie za Crocim.

Należy zauważyć, że nikt z krytyków podobno nie przeciwstawia Króla Orso Robakowi w ramach przeciwstawienia Zła Dobru. Wprost przeciwnie, większość jest zgodna z tym, że Robak stanowi kontynuację tego Zła, które uosabia Król Orso. „Całkowitemu Złu, którego uosobieniem jest Król Orso, poeta przeciwstawia w postaci Robaka zło relatywne i kontyngentne” [Borriello, s. 70]. Innymi słowy, Robak jest Złem rodzonym przez Zło, którego mogłoby nie być, gdyby Zło pierwotne, Zło absolutne nie powołało go do życia. Jedno zło rodzi drugie, które niszczy pierwsze. Dobro nie może używać sposobów Zła, ale mianowicie je stosuje Robak w swoim dążeniu do ukarania Króla Orso. Boriello podaje w wątpliwość wypowiedzianą przez tych, z którymi polemizuje, „myśl, że Dobro ostatecznie tryumfuje” i zadaje pytanie retoryczne: „Czy uosabia Robak coś podobnego – przynajmniej w jego stosunku do Króla Orso?” [Borriello, s. 67]. Odpowiedzią może być twierdzenie, że Robak uosabia nie dobro, lecz sprawiedliwość w formie pomsty, a pomsta nie bywa „dobra”. Jednak pomsta, odwet zawsze kara celowo, jest usprawiedliwiona i uzasadniona, bo zawsze jest skierowana tylko przeciw temu, kto podlega karze, podczas gdy Zło jest wszechobejmujące i wylewa się bezwzględnie i bezmyślnie na każdego, kto przypadkowo i na własne nieszczęście znajdzie się w zasięgu jego wzroku.

Zadajmy sobie pytanie też my: czy ma Król Orso jakieś znaczenie symboliczne? Czy postacie poematu uosabiają jakieś konkretne cechy ludzkie albo prawdziwych ludzi? Najprawdopodobniej, początkowo poeta nie miał zamiaru wyrazić w swoim utworze żadnych specjalnych idei i w stworzonych przezeń postaciach prawdziwych ludzi nie widział. Jednak przebieg historii bywa taki, że twory najbujniejszej wyobraźni okazują się najpotworniejszą

rzeczywistością. Przypomnijmy sobie słowa Borriello, który mówił o baśni Boita jako o „owocu wyobraźni Boita [...]”, którego prawdziwe wcielenie historia *tamtych czasów* (kursywa moja – A. S.) ukazywała nam zbyt często. [...]”. Włoski krytyk, który opublikował swoją analizę poematu w roku 1926, mniemał, że opowiadane przez Boita mogło się odbywać tylko w odległej przyszłości: w czasach, w których toczy się akcja baśni. Jednak już w pierwszym kwartale XX wieku na scenie historycznej pojawili się takie realistyczne postacie, których czyny są całkiem porównywalne z czynami postaci wymyślonej przez Boita. Lenin i Stalin w Rosji, a także Hitler i jego współpracownicy w Niemczech... Oto są postacie już bynajmniej nie symboliczne, których zbrodnie o wiele przyćmiewają wysoki mityczny władca Krety. I dalsza historia XX wieku wykazała niemało dyktatorów, którzy rządzą przemocą i popełniają zbrodnie o skali nie do pomyślenia za jakiegoś „króla Orso” i nie do wyobrażenia za życia jego autora. Są nimi Mao Zedong w Chinach i Pol Pot w Kambodży, Idi Amin w Ugandzie i ludożerca Bokassa, cesarz Cesarstwa Środkowoafrykańskiego, Somoza w Nikaragua, Ceaușescu w Rumunii i Saddam Hussajn w Iraku... I któż wie, czy została postawiona kropka w tej liście i co jeszcze może przynieść ludzkości przyszłość?

Ciekawe, że we wszystkich wymienionych dyktatorach i tyranach można dostrzec czegoś wspólnego z Królem Orso Boita. Wszyscy oni byli splamieni krwią tysięcy i nawet milionów, ale każdy z nich był człowiekiem ze swoimi większymi lub mniejszymi dziwactwami i słabościami, lękami i obawami, przesadami i zabobonami. Nie byli im obce zwykłe uczucia ludzkie, mogli oni być przyjaźni i serdeczni, mili i cudaczeni, mieć wygląd śmieszny lub żalosny... (Czyż można wyobrazić sobie diabła albo Szatana miłutkim, przyjaznym lub żalosnym?) Wszyscy oni byli ludźmi czyniącymi zło, swojego rodzaju kolporterami i szerzycielami tego Zła, które istnieje gdzieś poza granicami percepcji i rozumienia ludzkiego i które przeciwstawia się tamże znajdującemu się Dobru najwyższemu. I wszyscy oni ponieśli karę jeszcze za życia: wpadł w niemoc i ośpienie Lenin; w samotnej agonii umierał Stalin, któremu najbliższe go otoczenie ze strachu przed swoim władcą nie odważyło się okazać właściwej pomocy; skończył ze sobą Hitler, który chował się w swoim bunkrze niby zaszcute zwierzę; obalony Pol Pot ze strachu przed odwetem osiemnaście lat ukrywał się w dżungli; Somoza, który skutkiem powstania musiał uciec ze swojego kraju, został zabity w odległym Paragwaju, gdzie daremnie usiłował się ukryć. Ceaușescu i Saddam Hussajn zostali postawieni przed sądem i skazani na karę śmierci. Ci zaś, którzy po pozbawieniu władzy uniknęli śmierci, jak na przykład Amin, musieli przez całe życie chować się w ciągłym strachu przed godziną zapłaty. Sąd, tak czy owak, jest nieunikniony. Oto na czym polega znaczenie symboliczne poematu-baśni Arriga Boita. Tkwi ono w tym, że odwet jest nieuchronny, i jest to ostrzeżenie dla władzy osnutej na premocy i przekonanej o swojej bezkarności i prawie do zarządzania żywiołami innych.

Każdy z krytyków zajmujących się analizą baśni Boita wysnuwał własne wnioski dotyczące jej podstawowej idei i ukrytym sensie wyprowadzane jak z etyki ogólnej tak z własnych poglądów na najwyższe wartości moralne człowieka. Każdy wyrażał własny punkt widzenia i umiał uzasadnić swoje stanowisko w sposób przekonujący tak, że poruszał niekiedy zagadnienia Dobra i Zła na poziomie iście filozoficznym. Jednak utwór Boita należy do grona tych niewielu, których sens i znaczenie ujawniają się tylko w odpowiednim kontekście historycznym. W drugiej połowie XIX – na początku XX wieku, czyli za życia samego Boita, taki kontekst jeszcze nie powstał. Potrzebowało się jeszcze mniej więcej stulecia, aby okazało się możliwe umieścić fantasmagoryczny poemat Boita w takim kontekście, w jakim on nieoczekiwanie przybrał brzmienie zaiste realistyczne, w jakim alegorie ożyły w potwornej rzeczywistości, a spod wymyślonych masek ukazały się prawdziwe postacie z niedawnej historii, czyj los powinien być groźnym ostrzeżeniem dla tych, którzy pragnęliby powtórzyć ich doświadczenie.

References

1. Borriello, Antonio. Il re Orso di Arrigo Boito. Milano – Roma – Napoli, Società Editrice Dante Alighieri di Albrighi, Segati & Co. MCMXXVI [1926] – 202 p.
2. Croce, Benedetto. Poesia e non poesia: note sulla letteratura europea del secolo decimonono. Bari: Laterza, 1923. 329 p.
3. Del Nero D. Arrigo Boito. Un artista europeo. – Firenze: Le lettere, 1995. – 198 p.
4. Leonetti, A. M. L'opera letteraria di Arrigo Boito e la critica. – Napoli: Conte Editore, 1945. – 139p.
5. Maeder C. Il real fu dolore e l'ideal sogno. Arrigo Boito e i limiti dell'arte. – Firenze: Franco Cesati Editore, 2002. – 161 p.
6. Mantovani, Dino. Letteratura contemporanea. 3. ed. accresciuta. Torino: Soc. Tip. Ed. Nazionale, 1913. 551 p.
7. Napoletano L. L'opera poetica di Arrigo Boito. – Napoli: A. Morano, 1942. – 101 p.
8. Nardi, P. Vita di Arrigo Boito. – Milano: A. Mondadori, 1942. – 753 p.
9. Pompeati A. Arrigo Boito. Poeta e musicista. – Firenze: Luigi Battistelli, 1919. – 143 p.
10. Quadrelli R. Poesia e verità nel primo Boito // Boito A. Poesie e racconti. – Milano: Mondadori, 1981. – 264 p.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КОМПАРАТИВНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Харабаева В.И.

кандидат филологических наук

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

SYNTAX MEANS OF EXPRESSING THE SEMANTIC CATEGORY OF COMPARATIVITY IN THE YAKUT LANGUAGE

Kharabaeva V.

PhD in Philology

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Аннотация

В статье освещается функционирование синтаксических средств выражения функционально-семантического поля категории компаративности на материале якутского языка. К данным средствам относятся различные синтаксические конструкции, имеющие в своем содержании семантику сравнения. Нами рассмотрены компоненты микрополя равенства категории компаративности – сравнительные конструкции с эталоном сравнения, оформленным аффиксом *-лыы* и послелогом *курдук* 'подобно, словно, как' и компоненты микрополя неравенства – конструкции с падежными аффиксами *-ттан* и *-тааҕар*.

Abstract

The article highlights the functioning of syntactic means of expressing the functional-semantic field of the category of comparativity on the basis of the Yakut language. These means include various syntactic constructions that have comparison semantics in their content. We have considered the means of expressing the microfield of equality of the category of comparability - comparative constructions with the standard of comparison, decorated with the affix *-lyy* and the postposition *kurduk* 'like, as' the means of expressing the microfield of inequality - constructions with case affixes *-ttan* and *-taagar*.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория компаративности, микрополе равенства, микрополе неравенства, синтаксические конструкции, якутский язык.

Keywords: functional-semantic category of comparativity, microfield of equality, microfield of inequality, syntactic constructions, Yakut language.

Сравнение – познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве и различии объектов; с помощью сравнения выявляются количественные и качественные характеристики предметов, классифицируется, упорядочивается и оценивается содержание бытия и познания [3, С. 34]. Результат сравнения, т.е. выявленное сходство/различие между вещами (предметами, объектами, явлениями) в современном языкознании объединяется под термином компаративность. Средства различных уровней языка (морфологические, синтаксические, лексические), служащие для выявления сходства и различия между предметами, лицами, явлениями действительности и составляют функционально-семантическое поле категории компаративности.

Сравнение в языке имеет два разных результата – установление равенства или установление неравенства. Равенство подразумевает, что некий признак представлен у сравниваемых объектов в одинаковой степени, в противоположность этому, конститутенты микрополя неравенства устанавливают более высокий или более низкий степени качества по сравнению с исходной формой. Таким образом, план содержания функционально-семантического поля компаративности распадается на микрополя равенства и микрополя неравенства.

Синтаксическими средствами выражения компаративности в якутском языке являются различные синтаксические конструкции с семантикой сравнения. Синтаксические средства выражения компаративности микрополя равенства представляют такие элементы маркеры как сравнительные конструкции с формой на *-лыы*, послелого *курдук* 'вроде кого-чего либо, подобно кому-чему либо', *дылы* 'по, подобно', конструкции с показателем *кэриэтэ*, означающий 'словно, подобно, вроде, как, все равно как', конструкции с показателем *саба* со значением 'равный, подобный кому-чему-либо, с, с величиной, столько' обладающие четкими системообразующими семантическими признаками компаративности.

В данной статье рассмотрим функционирование наиболее распространенных в якутском языке компонентов микрополя равенства компаративности – сравнительных конструкций с эталоном сравнения, оформленных аффиксом *-лыы* и конструкций с послелогом *курдук* 'подобно, словно, как'.

Форма на *-лыы* в якутоведении занимает промежуточное, промежуточное положение между падежными формами и наречными образованиями [1, С. 48] и близок по содержанию к русскому подобно тому, как, словно. Данный аффикс, присоединяясь к существительным, причастиям сообщает значение образа сравнения. Форма на *-лыы* функционально близок падежным аффиксам, способен выполнять разные функции в предложении и формировать разные типы сравнительных конструкций. Широко распространены в якутском языке конструкции с *-лыы*, где в роли эталона сравнения выступает имя существительное или местоимение: *Икки харах уутунуу дьэнкир таастар сиргэ*

төкүнүһэ түстүлэр (Куорсуннаах) 'Две капли, подобно слезам, упали на землю'; *Хойдубут салгын кымыстыы уймахтанар* (Амма Аччыгыйа) 'Сгустившийся воздух взбудораживается словно кумыс'; *Сыл-хонук уу сүүрүгүнүү түргэнник устан ааһан истэ* (Сомоё) 'Года быстро проходили как течение воды'; *Албас булсубуппут. Аны мантан антах атырдьах салаатыныы арабыстахпыт буоллун* (С. Данилов) 'По ошибке сошлись. С этой поры нам надо расстаться как разветвления вил'. Вторым распространенным типом являются конструкции с причастными формами: *Кэлбит киһи тугу эрэ ыйытыахтыы биһиги диэки көрдө* 'Пришедший человек как бы думая о чем-то спросить, посмотрел в нашу сторону'.

Самым распространенным маркером сравнения в якутском языке является служебное слово *курдук* 'подобно'. Н.Е. Петров оценил данное слово как послелог при именах и частицу при глагольных формах [4; 5, С. 131-134]. По его мнению, показатель *курдук* образован от глагола *көр-* 'видеть, смотреть'+аф. *-лык*: *көр+лык > көрдүк > курдук* [5, С. 131]. Данный показатель в якутском языке очень универсален в семантическом и синтаксическом плане. В русском переводе ему соответствуют собственно-сравнительные союзы 'как будто', 'подобно тому как' и модально-сравнительные союзы 'как будто', 'будто', 'словно', 'будто бы' [7, С. 191-192].

Синтаксическая многоплановость показателя *курдук* проявляется в том, что он способен оформлять очень разнообразные типы синтаксических конструкций компаративного типа. Показателем *курдук* могут образовываться именные сравнительные конструкции, конструкции с причастными формами в простом предложении, также показатель *курдук* может выступать как средство выражения связи придаточного сравнительного предложения с главным.

Показатель *курдук* наиболее часто употребляется с именами: *ҕы, дьиннээх булчут ыттар тэллэх ыттары курдук тобо мээһэ туһата суохха үрүөхтэрэй?* (Даана Сард) 'Настоящим охотничьим собакам зачем зря лаять подобно маленьким собакам'; *Күн тура-тура санаттан сана салайааччылар, дохсун ардах кэнниттэн тэллэй курдук үүнэн тыыллан-хабыллан тахсыбытара* (Тарабукин) 'День за днем появлялись новые руководители, словно грибы после дождя'; *Аанчыктаах Мэхээлэ иннэлээх сап курдук сырыттылар* (Мин маннайгы тапталым) 'Анчик с Михаилом ходили как нитка с иголкой'.

Служебное слово *курдук* также образует сравнительные конструкции с причастиями. В данном случае показатель *курдук* вносит в предложение модальное значение предположения, потенциальности. Данный тип конструкции делится на два вида: 1). Конструкции, где показатель *курдук* является компонентом глагольного сказуемого: *Обонньор олус хомойбут курдук этэ* 'Старик казался очень опечаленным'; Конструкции, где *курдук* с причастной формой функционирует в предложении в качестве обстоятельства действия: *Оттон Алина,*

төттөрүтүн, муммут оҕо курдук буолан хаалбыта (Даана Сард) 'А Алина, наоборот, стала как заблудившийся ребенок'.

Данный показатель присоединяясь к имени, может образовать вместе с ним составное сказуемое и спрягается по лицам и временам, изменяться по падежам: *Хара былааччийалаахпын, маҕан баттахтаахпын, кыһыл устаахпын. Ханнык эрэ арт хаус киинэтин героинятын курдукпун* (Даана Сард) 'У меня черное платье, белые волосы и красные губы. Я похожа на героиню какого-то архаусного кино'; *Ити түгэннэ бэйэбин адыас байанайдаах булчут ойоҕун курдук сананабын* (Даана Сард) 'В тот момент я себя чувствую словно жена удачливого охотника'. В качестве неконечного компонента сказуемого оно предшествует какому-либо вспомогательному глаголу: *Кинилэр саҕа дьоһлоох ыал суох курдук этэ* (курдук 'подобно' + вспомогательный глагол *этэ* 'было') 'Как будто было так, что не было столь счастливее семьи чем они'.

В составе сравнительной конструкции послежные конструкции в предложении могут выполнять функции подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства образа действия, определения: *Кини курдуктар онно көстүбэттэр* 'Подобных ему там не видно'; *Бу кыыс ийэтин курдук* 'Эта девушка похожа на мать'; *Оболор отуу курдугу туттубуттар* 'Дети построили что-то подобное шалашу'; *Кыыс хартыынаттан түспүт курдук кэрэ* 'Девушка так прекрасна, словно только сошла с картины'; *Миитэрэй көрө түспүтэ, ыйданатаабы тиит күлүгүн курдук киһи кэлэн, кинини үөһэттэн таннары өнөйөн турар эбит* 'Дмитрий посмотрел: стоит над ним человек, похожий на тень лиственницы при лунном свете'.

В сложном предложении якутского языка служебное слово *курдук* «употребляется для выражения подчинительного отношения сравнительного зависимого предложения» [6, С. 192]. В рамках микрополя равенства на уровне сложноподчинённого предложения сравнение может базироваться на прямом или метафорическом взаимодействии смыслов, иными словами, сравнение может быть охарактеризовано как реальное или ирреальное.

При реальном сравнении в придаточных предложениях лишь констатируется факт при помощи сопоставления объектов или явлений окружающего мира на основании сходства их признаков или осуществляемых ими действий. Здесь содержится информация о двух реальных и равных событиях: *Тугу эрэ билбитии, ыт үрэн маргыйда* 'Словно что-то почуяв, собака залаяла'. В сложноподчиненных предложениях с придаточным ирреального сравнения, действие главного предложения сравнивается с ирреальным действием. Здесь высказывание характеризуется нереальной модальностью, событие придаточного предложения оценивается как воображаемое: *Ким эрэ кырыһаҕа бытархай таастары тамнааттырыныны, ардах бөдөн таммахтара кутуллан бардылар* 'Словно кто-то разбрасывает на крышу мелкие камешки, начали падать крупные капли дождя'; *Алампа «Ленский коммунар» хаһыаты, кыһыл илиитинэн чоҕу ылан*

эрэрди, дук-дах туттан арыйда (Е. Неймохов) 'Алампа, словно берет уголь голыми руками, осторожно развернул газету'.

В простых предложениях якутского языка также могут встречаться ирреальные сравнения. Здесь ирреальность часто употребляется при описании субъективных ощущений героя из-за страха или мнительности, подчеркивается игра воображения: *Харана муннуктан туох эмэ тахсан кэлиэхтии, хамсыырга дылы* 'С темного угла как-будто что-то собирается выйти, словно двигается'; *Санатыгар, кинини уорбалыыр курдук көрөллөр* 'Ему кажется, что на него смотрят с подозрением'.

Рассмотрим синтаксические средства микрополя неравенства. Сравнительная степень в якутском языке может образоваться синтетическим способом. Слово, обозначающее то, с чем производится сравнение, стоит в форме исходного и сравнительного падежей. Аффиксы исходного падежа *-тан* (*-ттан*) и сравнительного падежа *-тааҕар*, относятся к ядерным элементам микросистемы неравенства функционально-семантического поля компаративности. В сравнительных конструкциях, где эталон сравнения выражается падежными формами, сравнение идет «по наличию некоторого признака, общего у сравниваемых предметов, по степени этого признака, которая у сравниваемого предмета признается большей, чем у того, с которым он сравнивается» [1, С. 96].

Конструкции с эталоном сравнения в форме исходного падежа – наиболее древние сравнительные конструкции. Аффикс якутского исходного падежа *-тан* после согласных и *-ттан* после гласных восходит к древнетюркскому падежу с аффиксом *-ta*, (*-tä*), *-da*(*-dä*), который также выражал сравнительные значения [2, С.15].

Исходный падеж при выражении сравнительных отношений обозначает предмет, который в каком-нибудь отношении уступает другому. Данный падежный аффикс выражает компаративное значение в следующих видах конструкций: 1) конструкции, в которых в качестве эталона сравнения выступает имя существительное (личное местоимение): *Ол эрэри хас сыры аайы Машиа уруһуйдара атын оболор уруһуйдарыттан быдан үчүгэйдэрин, уратыларын бэлиэтиибин* (Даана Сард) 'Но каждый раз я замечаю, что рисунки Маши лучше и особенней чем рисунки других детей'; 2) конструкции, в которых сравниваются два действия одного лица: *Эн урут онгорбуккуттан бүгүн онгорбутун төһө эмэ ордук* 'По сравнению с тем, что ты сделал раньше, то, что сделал сегодня, намного лучше'.

Вторым типом сравнительных конструкций являются сравнительные конструкции со сравнительным падежом. Здесь компаративный элемент оформляется аффиксом сравнительного падежа *-тааҕар*. По мнению языковедов, данный падеж возник на якутской почве [1].

В якутском языке широко распространены конструкции с падежным аффиксом *-тааҕар*, где в качестве эталона сравнения выступает имя существительное (или личное местоимение): *Үчүгэйтиинээбэр куһаҕаммыт ордук хойуутук*

көстөр (П. Аввакумов) 'Плохое поведение чаще встречается чем хорошее'; *Бу уол эйигиннээбэр кыра да ытаабат* (Амма Аччыгыйа) 'Этот мальчик младше тебя, но не плачет'; *Арамаан хайа да быраттарынааҕар баай уонна «аныгылыы» киһи буола сатыыр* (Амма Аччыгыйа) 'Роман, если сравнить с его братьями, богат и пытается быть «современным» человеком'. Как видно из примеров, аффикс *-тааҕар* «употребляется главным образом при сравнении – противопоставлении с некоторой долей оценкой сопоставляемого в положительную или отрицательную сторону» [6, С. 200-201].

Итак, сравнительные конструкции с эталоном сравнения, оформленным аффиксом *-лыы* и конструкции с послелогом *курдук* имеют схожие черты в своем функционировании и выражении семантики образа сравнения. Данные средства выражения равенства синонимичны и в некоторых случаях могут быть взаимозаменяемы. Конструкции с эталонами сравнения, выраженными падежными формами сравнивают общий признак у сравниваемых предметов или действий.

Список литературы

1. Васильев Ю.И. Способы выражения сравнения в якутском языке / Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1986. – 112 с.
2. Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – 64 с.
3. Кравец О.В. Функционально-семантическое поле компаративности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук, 10.02.01. / Кравец Ольга Владимировна. – Таганрог, 2003. – 150 с.
4. Петров Н.Е. Служебные имена и послелогии в якутском языке: автореф. дис. ... канд. фил. наук, 10.02.02 / Петров Николай Егорович. – Л., 1963. – 17 с.
5. Петров Н.Е. Частицы в якутском языке / Н.Е. Петров. – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 298 с.
6. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Часть II. Сложное предложение. Кн. 1. / Е.И. Убрятова. – Новосибирск, 1976. – 214 с.
7. Якутско-русский словарь / Под. ред. П.А. Слепцова. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 608 с.

POLITICAL SCIENCES

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОВОРОТА РОССИИ НА ВОСТОК

Гонтарь А.

*Студентка второго курса
Дальневосточного Федерального Университета*

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S TURN TO THE EAST

Gontar A.

*Second year student
Far Eastern Federal University*

Аннотация

В статье рассматриваются российско-китайские отношения по вопросам двустороннего взаимодействия в экономической, военной и политической сферах, выделены тенденции будущего развития.

Abstract

The article examines the Russian-Chinese relations on the issues of bilateral cooperation in the economic, military and political spheres, highlights the trends of future development.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, поворот на Восток, китайские инвестиции, торгово-экономическое взаимодействие.

Keywords: Russian-Chinese relations, turn to the East, Chinese investments, trade and economic cooperation.

В контексте усиления восточного вектора во внешней политике России в первую очередь мы можем говорить об усилении динамики российско-китайских отношений. Каждая из сторон признает стратегическую важность двустороннего взаимодействия. Россия и Китай имеют общую границу, которая, стоит отметить, сопряжена с китайской инициативой «Один пояс – один путь».

История российско-китайских отношений уходит вглубь эпох. До сих пор нет единого мнения среди ученых и исследователей о том, когда и как самые первые сведения о Китае попали на Русь, такая же обстановка и с российским проникновением в Китай. Зато точно известно, что в далеком октябре 1949 года Советский Союз первым из иностранных государств признал КНР в качестве суверенного государства, установив дипломатические отношения с Поднебесной. В свою очередь, Китай 24 декабря 1991 признал новообразовавшуюся Российскую Федерацию в качестве правопреемницы международных прав и обязательств бывшего Советского Союза. Следующим этапом укрепления двусторонних отношений стало подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года, в котором отражены основные принципы и направления будущего взаимодействия.

Современные российско-китайские отношения отличаются высокой интенсивностью политического диалога. Владимир Путин и Си Цзиньпин регулярно проводят встречи на полях международных саммитов, форумов, совершают официальные визиты. Так, например, 8-10 июня 2018 года Владимир Путин посетил Китай с государственным визи-

том, во время которого состоялись переговоры президента России и председателя КНР - Си Цзиньпина. Владимиру Путину вручили орден Дружбы КНР. Через месяц (26 июля 2018 года) главы двух стран встретились в рамках саммита БРИКС в Йоханнесбурге (ЮАР). Также стоит отметить, что председатель КНР Си Цзиньпин принял участие в работе Восточного экономического форума 2018 во Владивостоке.

В апреле 2019 года Владимир Путин совершил рабочий визит в Китай и принял участие в мероприятиях Международного Форума "Один пояс, один путь". В рамках этого визита Владимира Путина наградили дипломом почетного доктора университета Цинхуа. В июне 2019 года председатель КНР Си Цзиньпином посетил Россию с государственным визитом. В этом же году Россия и КНР отметили 70-летие установления дипломатических отношений.

Также ведется постоянная работа на уровне внешнеполитических ведомств, осуществляется постоянный диалог министров иностранных дел России и Китая.

КНР является крупнейшим российским торговым партнером, по количеству инвестиций в отечественные инфраструктурные проекты именно китайские инвесторы уже несколько лет подряд занимают лидирующие позиции. Однако помимо торгово-экономического взаимодействия между Россией и Китаем идет тесная работа по вопросам военного и военно-технического сотрудничества. С 2005 года проводятся совместные военные учения «Мирная миссия». В 2018 году в российских маневрах «Восток-2018» впервые приняли участие военнослужащие Народно-освободительной армии Китая. Также Россия и Китай сотрудничают в борьбе

с терроризмом, организованной преступностью и незаконной миграцией. Работают сообща по вопросам оповещения и обмена информацией при чрезвычайных ситуациях экологического характера.

Несмотря на внешнее дружелюбие со стороны России и Китая, все же существует ряд ограничений в развитии глубокого двустороннего взаимодействия. Китай и Россия строят свою политику в соответствии с национальными интересами. В связи с этим их подходы к разрешению некоторых международных проблем и вопросов двустороннего сотрудничества расходятся или не полностью совпадают.

Первая точка расхождения - это вопрос по сокращению ядерных вооружений. Китай уверен, что Россия и США должны первыми сократить свои ядерные арсеналы, и только после этого он будет готов присоединиться к переговорному процессу касательно разоружения.

Китай является крупнейшим производителем товаров и, поэтому, выступает за либерализацию рынков и «свободную торговлю». С такой позицией Поднебесная выступает в рамках АТЭС, ШОС и других международных организациях. В этом вопросе позиция Китая отлична от российской, где больше стремятся к «защите отечественного производителя».

Россия представляет интерес для Китая как поставщик сырья и рынок сбыта своей продукции. В Китай активно поставляется российский газ, нефть и уголь. В 2006 году был заключен договор о строительстве газопровода «Алтай», ранее в 2004 году подписан проект нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», по которому Китай получал бы довольно дешевую Российскую нефть. В 2010 году был заключен договор о строительстве Тяньваньской АЭС российскими специалистами, расширено сотрудничество между корпорацией «Роснефть» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией, подписан договор о производстве синтетического топлива между компанией ИНТЕР РАО ЕЭС и корпорацией «Шэньхуа».

В 2010 году в Китай было поставлено 13 млн тонн угля из РФ. За последние десять лет российские компании экспортировали в КНР более 300 млн. тонн нефти, 55 млн. тонн нефтепродуктов, 150

млн. тонн угля и 20 млрд. кВт электроэнергии. В ноябре 2018 года была запущена третья очередь завода «Ямал СПГ», в котором значительная доля инвестиций принадлежит китайским компаниям. Также в 2018 году китайские партнеры подписали контракты об участии в масштабном проекте - «Арктик СПГ-2» мощностью 20 млн. тонн СПГ в год.

Россия заинтересована в привлечении и использовании китайской рабочей силы, капиталов и технологий для развития Дальнего Востока. Китайский рынок представляет весомый интерес для российских поставщиков энергоносителей. Россия посредством сотрудничества с Китаем привлекает инвестиции на Дальний Восток, что может помочь в организации и модернизации социальной, транспортной, экономической инфраструктуры дальневосточных регионов.

И Россия, и Китай заинтересованы в построении долгосрочного и прочного фундамента двустороннего партнерства, но для этого обеим сторонам предстоит решить ряд кризисных вопросов и выстроить доверительные во всех сферах отношения.

Список литературы

1. Колосов В.А. Китай и российско-китайские отношения в зеркале российского дискурса / В.А. Колосов, М.В. Зотова // Россия в формирующейся Евразии. — 2019. — №1482. — С. 281—308.
2. Гунеев С. Межгосударственные отношения России и Китая [Электронный ресурс] / С. Гунеев. — РИА Новости, 2019. — URL: // <https://ria.ru/20190918/1558725587.html>
3. Моргулов И. Российско-китайские отношения на новом историческом старте развития [Электронный ресурс] / И. Моргулов. — Международная жизнь, 2019. — URL: // <https://interaffairs.ru/news/show/23868>
4. Обзор экономической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Российский центр исследований АТЭС (РЦИ АТЭС) при РАНХ и ГС. 2015 г. – М., 2015. – 7 с.
5. Воронин А. Парламентарии АТР об актуальных проблемах региона // Проблемы Дальнего Востока, 2007. — № 3. — С. 15 — 27.

SOCIAL SCIENCES

POSSIBILITIES OF ORGANIZATION OF AGROTOURISTIC ROUTES IN FERGANA VALLEY

Yakubjanova Sh.,

PhD, department of Botany and ecology, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan

Amanbayeva Z.

candidate of geographical sciences, department of Geography and bases of economical knowledge, Tashkent state pedagogical university named after Nizami, Uzbekistan

Abstract

The creation and development of new tourist directions are great importance to increase the economic potential of the country. The article reveals the possibilities of agrotourism of Fergana valley, the first experiments of agrotouristic routes and the description of some of them.

Keywords: tourism, touristic market, touristic route, agrotourism, agrotouristic object, agrotouristic region, agrotouristic route, ecotourism, map.

INTRODUCTION

New prospects for tourism are being opened in Uzbekistan, and large-scale projects are being implemented in various directions. In particular, in recent years, new types of tourism such as ecotourism, agrotourism, mountaineering, rafting, geotourism, educational tourism, medical tourism are gaining popularity. Today, it is important to develop the types of tourism in the regions by studying their tourism potential.

The region of Fergana Valley, which we are studying, it is famous for its rich nature and temperate climate, and combines many aspects of the country's agritourism. The region is rich with high mountains, medium mountains, low mountains (hills), central desert plains, irrigated (anthropogenic) plains, and a wide range of agrotouristic potential and opportunities. Through the use of these potentials and opportunities in agritourism, new jobs and additional sources of income will be created.

The purpose of the work – identification of agrotours and organization of agrotouristic routes on the basis of the analysis of agrotourism potential and opportunities of Fergana agrotouristic region.

Tasks. In this regard, the research object provides the following tasks:

- Identification of agrotouristic facilities and designation of agrotours in Fergana Valley;
- organization, classification and creation of route maps on the base of agrotouristic routes and creation the maps of agrotours.

RESULTS AND DISCUSSION

The touristic prestige of a particular country or region is directly determined by a number of indicators, such as the specific attractiveness, convenience, affordability, safety, level of service of touristic routes in them. Methods of organizing and conducting touristic routes are reflected in the work of V.S.Volkov, K.E.Shapakina, S.R.Yerdavletov, N.Tukhliev, T.Abdullaeva, R.Hayitbaev and A.Sattarov.

The concept of touristic route has been defined differently by scientists. N.Tukhliev and T.Abdullaeva describe the touristic route as "pre-determined routes of touristic movement (excursion, travel) defined in a

certain order by geographical points" [4]. In the research of S.R.Yerdavletov, the touristic route is defined as "the route of a group of tourists through certain points on the basis of a predetermined schedule" [1]. Tourism, as we all know, can be carried out in groups or individually.

Based on the definitions of touristic routes, agrotouristic routes can be described as follows: Agrotouristic route is a way of movement of a tourist or group of tourists on predetermined objects in order to get acquainted with interesting tourist processes of cultivation, processing and sale of agricultural products of a particular place [2].

In the research of R. Hayitbaev and A. Sattarov, the development of touristic routes is based on several general principles [7; 11-b]. They can also be improved and applied to agrotouristic routes.

V.S.Volkov and K.E.Shapakina divide touristic routes into three types according to the possibility of arrival and departure of tourists [3]:

1. One-way oriented (straight line).
2. Directed in different directions from one place (radial).
3. Returning to the same place from the beginning (rotation).

Agrotouristic routes can be divided into the following types according to the classification criteria (characteristics of tourist facilities within the route) [5]:

1. Pure agrotouristic routes. These are routes, designed to acquaint tourists with the rural lifestyle and agrotouristic facilities.

2. Routes, aimed at combining agro-tourism and ecotourism. This type of route is designed to accommodate and service tourists in rural areas, to demonstrate the attractiveness of the environment, to protect beautiful natural landscapes, to use natural resources wisely, to preserve ancient agricultural practices, to apply environmental measures based on traditions. includes.

3. Routes, aimed at combining agrotourism with other types of tourism. In this tour, tourists are introduced to natural, ecological, historical, ethnographic, religious, spiritual and educational objects in rural areas.

In our research, agrotours of Fergana agrotouristic region were identified in accordance with the agrotouristic opportunities, and data were collected in order to attract tourists to the routes. On this basis, a map "Tourism opportunities and routes of Fergana agrotouristic region" at a scale of 1: 400000 was created.

More than ten routes have been identified and divided into types according to their characteristics,

taking into account the full use of the tourist potential of Fergana Valley (in the part of Uzbekistan) [6].

I. Pure agrotouristic routes:

1. Kokand - Beshariq.
2. Kokand - Buvayda.
3. Andijon - Asaka - Marhamat.
4. Andijan - Poytug - Haqqulobod.
5. Andijan - Khojaabad - Kurgantepa.
6. Andijan - Shahrihan.

Picture 1. Map of touristic opportunities and routes of Fergana agrotouristic region

II. Routes, aimed at combining agrotourism and ecotourism:

1. Fergana - Vodil - Shohimardon.
2. Namangan - Kosonsoy - Yangikurgan.
3. Namangan - Chartak - Uchkurgan.

III. Complex routes, aimed at combining agrotourism with other types of tourism:

1. Fergana - Rishtan.
2. Fergana - Margilan - Kuva.
3. Namangan - Chust - Pop.

As an example, a route for each type was described. The description contains information about the duration of the route, period of duration, direction, nature of the area, agritourism and other types of facilities (Picture 1.).

Andijan-Asaka-Marhamat route. Duration: September-October. Destination: Andijan city - Asaka city - Marhamat district - Andijan city. The duration of the route is 1 day.

The route can attract many tourists with its large number of car parks, convenience of access to excursion facilities, and attraction.

Tourists are offered a one-day itinerary around Andijan region. The route passes through the areas of specialized farms, during the route tourists can get acquainted with the activities of cotton fields, melons, livestock farms.

The route starts from Andijan. Andijan is located in the east of Fergana Valley, on the banks of Andijan river, at an altitude of 450 m above sea level. The average temperature in July is 27⁰-28⁰ C, in January-3⁰C. Excursions can be organized for tourists to get acquainted with the sights of the city.

During the trip, tourists can get acquainted with the activities of agrotouristic facilities around the villages of Ittifoq, Kandy, Dong – cultivated lands, orchards, vineyards and farms. The route leads through Asaka district center to the Asaka Adir Reservoir. The reservoir and its surroundings are an important recreational facility for tourists. Shahrikhansay and Katta Fergana channels, which flow through the area, they are the main irrigation facilities supplying water to irrigated crops. Asaka chuntagi, one of the most charming and beautiful places in nature, it is located in the region. Starting from Shahrihansay, the Yov stream

flows up a distance of 6 km and passes along the slopes of the hill when it reaches the “Asaka chuntagi”. There are hotels for tourists to relax and spend the night.

In the afternoon, the route will continue through the villages of Khojaariq, Bobokhuroson and Hakka. Rural areas have been developed since ancient times, are relatively well supplied with water, and arable lands are irrigated from Greater Fergana and Aravonsay. The visit of tourists coincides with the time of ripening. Fruits, grapes, melons and watermelons are grown in the gardens. Many farms in the region grow cotton, wheat, vegetables, melons and graze cattle, sheep, poultry and yearlings. Due to the fact that this is the harvest season, farms hold harvest festivals. It is possible to organize meaningful recreation on the farms for tourists. The route ends in the town of Marhamat.

Fergana - Vodil - Shohimardon route (along Shohimardonsoy). Duration: May - June. Route: Fergana city - Vodil village - Shohimardon village - Fergana city. The duration of the route is 1 day.

The route is distinguished by the fact that it covers both ecotourism and ecotourism. During the route, tourists will go to places of interest and recreation.

The route begins with a tour of the sights of Fergana. The city is located in the southern part of Fergana Valley, at the foot of the Alay Mountains, at an altitude of 580 m above sea level. The climate is continental, the average temperature in July is 26.4⁰ C, in January -2.7⁰ C. The route passes through Fergana-Shohimardon highway through the foothills of the Pamir-Alay mountains. Along the way, tourists will visit cotton fields, wheat fields and orchards in the rural areas of Mindonabad, Shohimardonabad and Yoshlarabad. The excursion coincides with the beginning of the cotton harvest in the fields, where the cotton stretches to a flat height. Tourists stop and rest in the village of Vodil at noon. Vodil is located on the shores of Shohimardonsoy. Cotton, wheat, fruits and vegetables are grown in the valley, cattle, sheep and goats are grazed on the pastures. Tourists can taste fresh fruits and vegetables and eat traditional dishes.

In the afternoon, the route will continue along Shohimardonsoy. Shohimardonsoy is formed by the confluence of the Aksu and Koksuv rivers (near the village of Shohimardon), which begin on the northern slopes of the Alay and Turkestan ridges. From the village of Vodil to the city of Fergana is called Margilansay. There are Shohimardon, Aqqiya, Qumbulak, Langar and other villages in the valley. The villagers are engaged in farming and animal husbandry. There are facilities along the river for tourists to get acquainted with the unique way of life and national traditions of the villagers (in the summer months, the “Lake Qubbon” ceremonies are held). The route ends in Shohimardon.

Namangan - Chust - Pop route. Duration: May-June and August-September. Route: Namangan - Turakurgan - Chust - Pop - Namangan. The duration of the route is 1 day.

The route is of a complex nature and introduces tourists to historical, ecological and religious sites, as well as agro-tourist facilities.

The route starts from the city of flowers Namangan. The city is located at the intersection of the Northern Fergana Canal and Namangansay, at an absolute height of 450 m. The average temperature in July is 26.3⁰, in January - 2.3⁰. Tourists will get acquainted with the modern appearance of the city, historical and architectural monuments - the mausoleum of Khoja Amin (XVII century), Mulla Kyrgyz Madrasah (early XX century), Ota Valikhan Tora Mosque of the XX century). Each mosque is built on the basis of its own architectural art and is decorated with beautiful patterns and inscriptions. The city also holds a regular “Flower Festival” in May each year. It will feature more than a thousand flower varieties. Florists from different regions of the country will visit the festival and demonstrate their flower varieties and experience in the field of floriculture.

Leaving the city, the route continues outside the city through gardens and vineyards, Irvadon and Girvan villages. Cotton, wheat, vegetables and melons are in the field at the same stage of development. Tourists visiting these places in the summer will enjoy early ripening varieties of melons (ditch, blueberry). In Turakurgan (Sohibkor farm), Chust (Govasoy farm) viticulture is local, its food varieties are grown on private farms, and vinobop varieties are grown on farms in the plains, hills and foothills.

If you walk along the car way, you will come to the city of Turakurgan, located 12 km from the regional center. Kosonsoy flows past the city. Historical and architectural monuments of the city include Goyibnazar madrasah, Falosbonbuva and Langaribi mausoleums. There is an archeological monument Akhsikent, which occupies 25 hectares, which went down in history as “Fergana Afrosiyobi”. Axsikent Shahristan is surrounded on three sides by high tower walls, and on the south side it crosses the Syrdarya. The city is located on the northern edge of Fergana Valley, 36 km west of Namangan, at an altitude of 1000-1200 m on the banks of Chust river in the foothills. Chust is one of the ancient cities of the valley. Located on its northern edge, the Lower Bronze Age monument of the II millennium BC - Buonamazor settlement was formed in the oasis of irrigated agriculture and entered science under the name of Chust culture. The city of Chust plays an important role in the development of international trade on the Great Silk Road. Through this way the fame of Chust blacksmiths, weavers, potters, jewelers, chust knives and doppies became widespread. Also, the Mevlana Lutfullo complex and the park around it are a comfortable place for tourists.

To the west of Chust are the villages of Tashkurgan and Mashhad. It is natural that ancient vineyards, orchards and arable lands have been formed here, which attract the attention of tourists. Tourists can take part in one of the festivities celebrated at this time. The hyacinth festival is held in the first week of May around a cave, spring and adjacent hyacinth grove on the banks of Govasay. Celebrated for thousands of years, the national holiday “Hyacinth ink” - that is, the hyacinth festival has become the value of Chust. Mass folk games, kurash, askiya, poetry, melodies will be performed at the festival. During the route, tourists will

get acquainted with the agrotouristic facilities in the villages of Gulbog, Sang, Toda, located along the Syrdarya River around the city of Pop. The route ends in the evening.

CONCLUSION

As a result of the research, the existing agrotouristic facilities in Fergana Valley were identified and agrotours were determined. Twelve routes have been developed across the region and a map of tourism opportunities and routes of the Fergana agrotouristic region has been created. A description of three routes from agrotourism routes was also given. The indicated agrotourism routes are the results of preliminary research, which can be further supplemented, enriched and additional routes can be organized in other directions.

References

1. Yerdavletov S.R. Geography of tourism: history, theory, methods, practice. – Almata.: 2000. – 336 p.
2. Nigmatov A.N., Yakubjonova Sh.T. Agrotourism and its opportunities in Uzbekistan. // Science and technology development and geography. Materials of the Republican scientific-practical conference. – Toshkent: 2007. – Pp.13-17.
3. Volkov V.S., Shapakina K.E. Tourist routes. – M.: 1985. –144 p.
4. Tuxliev N., Abdullaeva T. National model of tourism development. –T.: National Encyclopedia of Uzbekistan, 2006. – 423 p.
5. Yakubjonova Sh.T. Agrotouristic routes and requirements for their development // Agricultural development and ecology: Proceedings of the Republican scientific-practical conference. – Toshkent: 2009. – Pp. 85-90.
6. Yakubjonova Sh.T. Natural geographical aspects of agritourism. – T.: 2018. – 125 p.
7. Hayitboyev R., Sattarov A. Technology of development of tourist routes. – Samarkand, 2009. – 87p.

POLISH JOURNAL OF SCIENCE

№30 (2020)

VOL. 2

ISSN 3353-2389

Polish journal of science:

- has been founded by a council of scientists, with the aim of helping the knowledge and scientific achievements to contribute to the world.
- articles published in the journal are placed additionally within the journal in international indexes and libraries.
- is a free access to the electronic archive of the journal, as well as to published articles.
- before publication, the articles pass through a rigorous selection and peer review, in order to preserve the scientific foundation of information.

Editor in chief – Jan Kamiński, Kozminski University

Secretary – Mateusz Kowalczyk

Agata Żurawska – University of Warsaw, Poland

Jakub Walisiewicz – University of Lodz, Poland

Paula Bronisz – University of Wrocław, Poland

Barbara Lewczuk – Poznan University of Technology, Poland

Andrzej Janowiak – AGH University of Science and Technology, Poland

Frankie Imbriano – University of Milan, Italy

Taylor Jonson – Indiana University Bloomington, USA

Remi Tognetti – Ecole Normale Supérieure de Cachan, France

Bjørn Evertsen – Harstad University College, Norway

Nathalie Westerlund – Umea University, Sweden

Thea Huszti – Aalborg University, Denmark

Aubergine Cloez – Université de Montpellier, France

Eva Maria Bates – University of Navarra, Spain

Enda Baci – Vienna University of Technology, Austria

Also in the work of the editorial board are involved independent experts

1000 copies

POLISH JOURNAL OF SCIENCE

Wojciecha Górskiego 9, Warszawa, Poland, 00-033

email: editor@poljs.com

site: <http://www.poljs.com>